
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2020. Том 18, № 1

Содержание

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

<i>Карпович В. Н.</i> Философская онтология и рациональное обоснование: онтологические предпосылки теоретического знания	5
<i>Исмаилова М. В.</i> Единство эпистемологии и онтологии как реальные основания научного реализма	16
<i>Розов Н. С.</i> Открытия в науке и познавательный прогресс в философии	25
<i>Бердаус С. В., Санжениаков А. А.</i> Феноменология: ретроспективный и проспективный подходы (предварительный план исследования)	40
<i>Зазулина М. Р.</i> Сибирская философия в ситуации «десакрализации» научного знания	51

Социальная философия

Самсонов В. В. Теория социального качества как инструмент анализа социальных процессов: возможности и границы применения	62
<i>Трубицын О. К.</i> Ключевые социальные решения эпохи модерна	74
<i>Будько Е. В.</i> Банкротство как способ самозащиты субъекта риска	87
<i>Шмаков В. С.</i> Динамика социокультурной трансформации села: модели эволюции	99
<i>Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.</i> Динамика владения языками в республиках Сибири	110

История философии

<i>Игнатенко Е. А.</i> Гераклит и его огненная стихия	131
<i>Горан В. П.</i> Пьер Бурден против Рене Декарта: констатация несовместимости позиций	142
<i>Фекондо А.</i> Деррида: деконструкция этического-юридического-политического. Уточнение методологии	155
<i>Луценко В. Е., Реймер О. А.</i> Некоторые аспекты философии религии Фридриха Даниэля Эрнста Шлейермахера	171

Научная жизнь, полемика и дискуссии

<i>Прись И. Е.</i> Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Часть I. Решение или устранение проблемы скептицизма	180
<i>Петров В. В., Персидская О. А., Санжениаков А. А.</i> Взаимодействие молодежных сообществ в научной среде	195
Информация для авторов	206

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2020. Vol. 18, no. 1

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

<i>Karpovich V. N.</i> Philosophical Ontology and Rational Justification: On the Ontological Aspects of Theoretical Knowledge	5
<i>Ismailova M. V.</i> The Unity of Epistemology and Ontology as an Essential Interpretation of Scientific Realism	16
<i>Rozov N. S.</i> Scientific Discoveries and the Cognitive Progress of Philosophy	25
<i>Berdaus S. V., Sanzhenakov A. A.</i> Phenomenology: Retrospective and Prospective Approaches	40
<i>Zazulina M. R.</i> Siberian Philosophy in the Situation of “Desacralization” of Scientific Knowledge	51

Social Philosophy

<u>Samsonov V. V.</u> Theory of Social Quality as a Tool for Analyzing Social Processes: Opportunities and Scope of Adaptation	62
<i>Trubitsyn O. K.</i> Key Social Decisions of the Modern Era	74
<i>Budko E. V.</i> Bankruptcy as a Way of Self-Defense of the Risk Subject	87
<i>Shmakov V. S.</i> Dynamics of Socio-Cultural Transformation of the Village: Models of Evolution	99
<i>Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G.</i> Dynamics of Language Proficiency in the Republics of Siberia	110

History of Philosophy

<i>Ignatenko E. A.</i> Heraclitus and His Fire Element	131
<i>Goran V. P.</i> Pierre Bourdin against Rene Descartes: Statement of Incompatibility of Positions	142
<i>Fecondo A.</i> Derrida: Deconstruction of the Ethical-Legal-Political. Methodological Clarification	155
<i>Lutsenko V. E., Reimer O. A.</i> Some aspects of the Philosophy of Religion of Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher	171

Scientific Life, Polemic and Discussions

<i>Pris I. E.</i> Contemporary Approaches to the Problem of Cartesian Skepticism. Open Lecture: Does the External World Exist? Part I. Solving or Dissolving the Skeptical Problem	180
<i>Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A.</i> Youth Communities Interaction in the Scientific Environment	195
Instructions to Contributors	206

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-5-15

**Философская онтология и рациональное обоснование:
онтологические предпосылки теоретического знания**

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Философская онтология представляет собой сложную для определения категорию объектов, вплоть до смешения разных уровней абстракции. В результате возможны различные интерпретации, даже парадоксальные. Современные логические теории, в отличие от традиционной логики, позволяют выявить трудности и наметить способы объяснения различных типов онтологических предпосылок теоретического знания, в том числе философских доктрин.

Ключевые слова

философская онтология, наука, теория, онтологические обязательства, абстракция, конкретизация, объективность, правила, форма и содержание

Для цитирования

Карпович В. Н. Философская онтология и рациональное обоснование: онтологические предпосылки теоретического знания // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 5–15. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-5-15

**Philosophical Ontology and Rational Justification:
The Ontological Aspects of Theoretical Knowledge**

V. N. Karpovich

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Philosophical ontology is a difficult to define category of objects, right up to the mixing of different levels of abstraction. As a result, various interpretations are possible, even paradoxical ones. Modern logical the-

ories, unlike traditional logic, make it possible to identify the difficulties and outline ways to explain different types of ontological premises of theoretical knowledge, including philosophical doctrines.

Keywords

philosophical ontology, science, theory, ontological commitments, abstraction, concretization, objectivity, rules, form and content

For citation

Karpovich V. N. Philosophical Ontology and Rational Justification: On the Ontological Aspects of Theoretical Knowledge. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-5-15

Философские проблемы различаются по степени ясности постановки проблем. Некоторые из них достаточно ясно сформулированы. Например, философия сознания – это проблемы соотношения сознания и материи. Трудно решаемы, но ясна постановка вопроса, и известны некоторые подходы и методы ответа на возникающие вопросы. А вот про философскую онтологию этого сказать нельзя. Дисциплина сама по себе традиционная, часть общей метафизики, но не очень ясно, чем она занимается. Один из ответов предлагается в статье Куайна «О том, что есть» [Quine, 1980]. Кажется, что понятно, на самом деле не очень, особенно людям, не знакомым с аппаратом современной логики. Вообще, стоит вопрос о том, в каком смысле употребляется слово «есть» и к каким предметам оно применяется? Есть люди, автомобили, общие признаки предметов, числа; есть улыбка любимой, общие мнения у разных людей, общие заблуждения, неправильное отношение к природе; есть способ существования мира или миров [Гудмен, 2001], есть самый быстрый и удобный способ добраться от Новосибирска до Екатеринбурга, есть надежда на успешный исход выборов в РФ, есть шансы на это, есть основания для сомнений в этом. В каком-то смысле все перечисленное есть, и может быть предметом исследования, вплоть до особенностей улыбки любимого человека. Многие так и говорят, о разнообразных онтологиях: социальная онтология, где объекты – люди, общественные институты, учреждения, государство, право; или математическая онтология, где объекты – числа, процедуры, доказательства, бесконечно малые величины; и т.п., по систематике разделов научного знания. Но вот что объединяет все эти «существующие» вещи? Ну а если вопрос перевести в негативную формулировку, то ситуация становится еще труднее: а чего не бывает на самом деле, реально не бывает?

Чтобы прояснить подобные вопросы, надо бы определиться, насколько это возможно, с предметом онтологии как дисциплины и попробовать сформулировать, в чем именно состоит трудность онтологических вопросов.

Самое общее значение слова «онтология» заключается в следующем: это дисциплина, изучающая фундаментальные составляющие мира. Когда-то это были «стихии» – вода, воздух, огонь, земля, вплоть до загадочного апейрона, беспредельного и непонятного, на что указывает отрицательная частица в начале слова. Также под онтологией можно понимать предметы, в которые люди верят по каким-то их основаниям. Бог у верующих, у химиков в прошлом флогистон, в на-

стоящем тоже довольно странные вещи с обыденной точки зрения, были также люди, которые верили в домовых, и т. п. Особенность этих примеров заключается в том, что убеждения одних людей относительно существования определенных предметов, другие люди могли и могут не разделять. И если какая-то социальная группа во что-то верит, в том числе ученые, то это не всегда является достаточным основанием для согласия и безусловного принятия другими людьми, и примеры тут можно множить: начиная от особенностей построения теорий в разных научных школах и заканчивая отрицанием теории эволюции креационистами.

Можно, наконец, говорить об онтологии как об особой теории. Это, в частности, теория так называемых «онтологических предпосылок» теоретического знания. Эти предпосылки состоят из предположений о существовании объектов, которые необходимы для создания и формулирования теории и которые эта теория изучает. Наконец, под онтологией можно иметь в виду все, что есть в мире.

Упомянутая выше работа Куайна «О том, что есть» [Quine, 1980] основана на понимании онтологии как дисциплины, связанной с наукой в современном понимании этого слова. Проблемы этой дисциплины, по мнению Куайна, скорее научные, нежели философские, а если и философские, то связаны с современным логическим учением, что тоже можно считать составной частью сциентизма Куайна. Есть то, что с точки зрения логики предполагается научными теориями существующим. А таковое определяется особой логической структурой теории, которая соответствует современной логике, где содержательные сведения (т. е. внелогические, относящиеся не к порядку изложения теории, а к тем предметам, которые она изучает) могут относиться не только к свойствам и отношениям предметов, но в первую очередь к самим предметам, которые представлены либо собственными именами, либо переменными. И вот тут-то и появляется знаменитый и не очень понятный для непосвященных критерий существования: «быть (существовать) – значит быть значением квантифицированной переменной» в логически упорядоченной, самой продвинутой научной теории, посвященной исследуемой предметной области. Онтология – это то, что предполагается такими современными теориями, причем их совокупностью, т. е. наукой в целом.

Однако это относится не только к ученым, естествоиспытателям или общественникам. Философы, как представители особой мировоззренчески значимой дисциплины, тоже рассуждают об онтологии, и по следующим причинам.

1. Можно обсуждать вопрос о том, соответствуют ли предполагаемые сущности действительному, реальному строению мира. Предметная область любых научных теорий, например, обязательно содержит математику, хотя бы арифметику, и при этом в объективном, реальном существовании чисел можно сомневаться. Также можно сомневаться в объективном бытии свойств предметов (проблема универсалий) и мыслей самих ученых, выраженных в предложениях естественного или искусственного языка (проблема идеального).

2. Философы или философски настроенные ученые могут построить формальные модели для тех объектов, которые наукой предполагаются существующими – математические теории событий, фактов и других «не объектов» в обычном смысле

ле слова, и даже придумать критерии для их индивидуации (различения и определения); но это будут числовые модели, где оба слова важны – «число» и «модель», что сразу ставит под вопрос реальное существование объектов, изучаемых с помощью таких моделей.

3. Философски значимы вопросы о разных видах композиционных объектов: соотношения части и целого, элемента и множества, отношения и его сторон, уравнений. Можно считать, что мир – это совокупность объектов (предметов), а можно утверждать что он представляет собой «совокупность фактов, не вещей», как написал Виттгенштейн во втором предложении «Логико-философского трактата», раскрывая смысл его первого предложения [Wittgenstein, 1922]. Эта же идея была развита в учении об элементарных «состояниях дел» (отдельных фактах), из которых конструируется все остальное в мире [Armstrong, 1997]. Еще экзотичнее: наша Вселенная – это совокупность возможных миров и того, что в них находится, включая свойства, не говоря уж о предметах [Lewis, 1986].

С самым распространенным и признанным подходом к онтологии Куайна тоже есть проблемы. Во-первых, явным образом употребляется модальность долженствования: вещи должны существовать, если теория истинна, и при этом само долженствование тоже представляет собой традиционную философскую проблему. Есть еще вопрос о логическом круге – ведь мы можем считать истинными как раз те теории, в которых рассматриваются объекты, с нашей точки зрения, уже существующие. И тогда принятая онтология оказывается основанием истинности теоретических положений, а не так, как у Куайна – истинность теории основанием онтологии [Yablo, 1998].

Таким образом, с онтологией в ее современном понимании есть проблемы. Попробуем представить некоторые из них в форме сталкивающихся мнений. Используем для этого некоторые традиционно обсуждаемые онтологические допущения – вопрос о бытии чисел, свойств и особых идеальных объектов – суждений, которые люди могут высказывать как свои мысли, возможно, истинные или ложные, о положении дел в мире, в частности, о фактах.

Вот проблемы чисто теоретического порядка, относящиеся к способу формулирования онтологической теории. Внимание, вопрос: насколько трудны для решения онтологические проблемы?

Ответ 1. Это очень трудные, практически неразрешимые теоретические проблемы.

Действительно, существование отдельных видов предметов доказывается трудно. Доказать существование одного мыслящего существа легко, Декарт это успешно показал, рассматривая вопрос о возможности и пределах сомнения. А как насчет Бога? Пытались доказывать часто, в том числе и сам Декарт выводил Его существование как гаранта бытия мира. Но это по косвенным свидетельствам, по следам, а не прямое доказательство. И даже знаменитое «доказательство» Ансельма Кентерберийского тоже косвенное, от противного, из допущения, что бога нет, которое якобы ведет к противоречию. Вот и доказываем, как Декарт: есть мир, в нем есть порядок и есть гарант порядка, который защищает от посягающего

на этот порядок злобного дьявола, который тоже есть, поскольку людям свойственно ошибаться из-за его проделок.

А как быть с числами? Здесь невозможно указать даже на их следы в мире, но и отсутствие следов ничего не доказывает по вопросу об их существовании. Это даже потруднее, чем вопрос о Боге.

Итак, вопрос заключается в наличии или отсутствии самых фундаментальных объектов нашего мира. Вообще-то такие вопросы относятся к умозрительным, которые опытным путем не разрешить, и вся история философии об этом свидетельствует самим существованием споров об универсалиях, об идеальных объектах и смысле вспомогательных конструкций в науке. Можно предположить, что такая ситуация возникает из-за особой сложности самих вопросов, находящихся за пределами наших познавательных возможностей и теоретического обсуждения.

Согласимся с Куайном в том, что успешные научные теории содержат предпосылки о существовании определенных объектов, и если мы их считаем истинными, то должны принять и их онтологические предпосылки. Но ведь нет самой общей и единой науки, которая предполагается холизмом Куайна, и пока трудно даже представить, как ее создать. А поэтому мы остаемся с онтологическим разнообразием до тех пор, пока эта самая наиболее общая и единая по своей предметной области научная теория не будет создана, что очень затруднительно себе представить, а если она и возможна, то не в ближайшей перспективе.

Ответ 2. Ничего особенно трудного в онтологических проблемах нет.

Существование чисел, свойств и ментальных объектов, в частности, суждений, можно доказать довольно простыми по форме умозаключениями. Достаточно начать с общепринятых посылок, чтобы убедиться в этом.

Про числа (идеальные объекты): (1) В магазин зашли три покупателя; значит, (2) число зашедших покупателей три; значит, (3) есть числа, в частности, число три. (Это рассуждение сходно с так называемым Фреге-Расселовским определением числа, которое позже было признано парадоксальным.)

Про свойства (понятия): (1) Жучка – собака; значит, (2) Жучка обладает свойством быть собакой; значит, (3) есть такое свойство, которым обладает Жучка, и это свойство быть собакой; значит, (4) существуют свойства, и в частности, свойство быть собакой. (Это парафраз известного философского примера Ленина о диалектике общего и отдельного, со ссылкой на диалектику Гегеля [Ленин, 1969].)

Про суждения (мысли о фактах): (1) Иван думает, что Жучка собака; значит, (2) есть нечто, о чем думает Иван, а именно, что Жучка собака; значит, (3) существуют мысли, и в частности, суждение (мысль) Ивана о том, что Жучка собака. (Это уже сходно с представлением отдельных простых фактов в атомарных предложениях, т. е. теорией логического атомизма, разработанной Расселом и Витгенштейном и своеобразно использованной в упомянутой выше теории Армстронга.)

Все это вместе напоминает также знаменитый диалог Платона «Гиппий большой», когда Сократ от ответов Гиппия о наличии красивых предметов (девушек,

ваз и т. п.) переходит к вопросу о существовании красоты как таковой, но при этом заканчивает диалог утверждением, что «Прекрасное трудно». Действительно, вывести общее определение красоты (или числа, свойств, идей самих по себе) из примеров отдельных объектов трудно, но утверждать их существование на основе примеров, как поступал Гиппий, вполне возможно, как мы видели в приведенном выше примере.

Получается, что ответы 1 и 2 противоречат друг другу. Возможно, что-то не так с реконструкцией, но все-таки заметим, что построена она на известных примерах из философских учений. Так что исторически противопоставление «трудно – легко» остается в силе, просто по факту существования противоположных ответов в истории философии.

Попробуем обратиться к другим аспектам онтологии, к вопросу о значимости и необходимости единой онтологической теории.

Ответ 1. Такая теория не очень уж и нужна. Онтологические вопросы вне общества философов кажутся странными и надоедливymi. Например, не многие из ученых, исследующих психофизическую проблему соотношения сознания и тела, прямо заинтересованы вопросом о том, как соотносятся свойства и объекты, ими обладающие, им достаточно предположения о связи сознания и тела. Рассел, который много писал об этом в общетеоретическом и методологическом плане, – скорее исключение, чем правило, но он и не физиолог. Можно возразить, что это действительно так, но когда речь заходит о других вопросах, многим интересно, например, какова природа государственной власти, в каких случаях допустимы аборт, есть ли жизни после смерти, есть ли Бог? Последний вопрос может кому-то показаться излишним, но для многих он весьма важен как способ объяснения и обоснования ответов на вопросы, перечисленные до него.

Так же и с математикой и числами, проблемой существования которых Рассел как раз занимался профессионально. Вообще, математикой можно заниматься, не сильно задумываясь о том, существуют ли числа и каким образом. Надо быть погруженным в теорию чисел и доказательств, чтобы об этом заговорить. Все эти онтологические рассуждения связаны с возможностью парадоксов или неясностей. Профессионалы знают, что они есть. И что кто-то о них должен думать. Но при этом можно говорить о математике или философии, не обращая специально внимания на онтологические парадоксы и проблемы, связанные с числами и теорией о них.

Вот пример такого же отношения со стороны профессиональных философов. Дэвидсон [Davidson, 1984. P. 28] полагает, что исследовать условия истины как особую семантику можно и до полного разрешения связанных с ней парадоксов. Сам Тарский высказывал мнение, что его теория истины не применима к естественным языкам, так как приведет к парадоксам. Дэвидсон по этому поводу тут же пишет, что «на это следовало бы ответить серьезно, и хотелось бы, чтобы такой ответ был», после чего объявляет программу в области философии естественного языка на основе теории Тарского, не обращая внимания на возможные при этом

парадоксы. И такая позиция наглядно характеризует распространенное отношение к онтологической проблематике.

Многие философы относятся к онтологии подобным образом. Онтологические проблемы пропускают не потому, что они легко разрешимы. Философы, рассуждают по поводу сознания без решения онтологических вопросов просто потому, что часто достаточно допустить, что какой-то онтологический статус у ментальных объектов все-таки есть. Платоники допустят существование идей, номиналисты будут пытаться сводить их, как-то редуцировать к «более понятному», и для них все будет сложнее. Но все согласны в том, что онтология – это сложно (как красота в «Гиппии большем»), и при этом оставляют сложности для специалистов в области философской онтологии. Так что об особой актуальности онтологической теории речи не идет даже среди философов.

Итак, может онтологическая теория и важна, но настолько абстрактна, что может существовать в фоновом режиме, сама по себе некоторое время, не затрагивая более насущных философских проблем науки как таковой.

Ответ 2. Философская онтология – очень нужная теория. Вот что Фодор пишет о психологии:

Главная мораль состоит в следующем. У нас нет серьезных оснований сомневаться, что многие объяснения с точки зрения здравого смысла, содержащие ссылки на мотивы в форме представлений и желаний, *буквально истинны*. И это правильно, потому что если бы такая здравомысленная *интенциональная* психология обрушилась, то это оказалось бы величайшей интеллектуальной катастрофой для нашего вида; если мы бы настолько заблуждались относительно нашего сознания, то это было бы самой большой ошибкой из тех, которые мы допускали. Отказ от сверхъестественного даже нельзя сопоставить с этим; теизм никогда не был настолько тесно связан с нашим мышлением и нашей практикой, и в особенности с практикой, как (способа) объяснения с помощью мотивов, обусловленных нашими представлениями и желаниями... Мы бы столкнулись с очень и очень большими затруднениями (курсив и вставка в скобках мои. – В. К.) [Fodor, 1987. P. xii].

Это похоже на правду. И при этом надо обратить внимание, что связь интересов и представлений содержит онтологические предпосылки. Буквальная истинность представлений о мире предполагает существование суждений. Ведь из утверждения «Иван думает, что Жучка собака» легко выводится суждение, что Жучка – собака, причем как самостоятельный идеальный мыслимый объект, выраженный в предложении. Но если нет суждений как реальных сущностей, то и приписывание истинности не может быть буквальным. И это верно не только про истину, но относится почти ко всему. Бесконечность числа простых чисел предполагает, что числа есть. А если их нет, то предшествующее предложение не может быть истинным в буквальном смысле. И так вся математика, все ее разделы предполагают существование абстрактных сущностей, и при этом все науки используют, а значит, и предполагают существование математических объектов. Ну а поскольку практически все суждения предполагают существование свойств, то и все наши представления могут быть неверны, если свойств реально нет. Так что потенциально возможное открытие того, что мир не содержит чисел, свойств

и суждений, грозит многим нашим представлениям о существовании вещей в мире. Если это окажется правдой, уйдет не только проблема соотношения наших представлений о реальности и практических интересов, но вся математика и наука, и даже обыденные рассуждения.

Не все сказанное выше буквально верно, многое высказано предположительно. Будем надеяться, что онтологические вопросы в их диалектической связи действительно одновременно и сложны, и просты, и важны, и не важны. Но все сказанное, по крайней мере отчасти, верно, в том плане, что образные и буквальные характеристики объективности наших представлений могут различаться. Вопросы с объективностью знаний трудны, но имеют при этом и простые ответы. И онтологические. Онтологическая теория важна, но в завершённом виде пока вряд ли возможна, но зато для решения многих конкретных научных проблем она может и не потребоваться. Нужно определиться, как разрешить такую конфликтную ситуацию теоретическим образом, основываясь на доступных философских теориях, не ограничиваясь предложением считать сумму онтологических предпосылок всех наличных теорий достаточной онтологической доктриной, как это происходит у Куайна. Нужно как-то соединить онтологически идеальные объекты, соответствующие формам мышления, понятиям и суждениям, и числам в их объективной данности.

Представим себе, что нет у нас ни представлений о мире, ни интересов, с ним связанных. Тогда нам не нужны и объяснения по поводу того, как они соотносятся. Поведение можно ведь объяснить нервными импульсами. Получим интеллектуальную катастрофу, хотя на практике ничего не изменится. Можно будет по-прежнему приписывать людям представления и интересы. В каких-то ситуациях мы будем осознавать, что это не совсем правильные объяснения.

Получится как с концепцией одновременности. Нужна точка отсчета, но на практике люди обходятся без ее указания. Так и с познанием. Будем продолжать связывать и соотносить наши представления, предсказывать наши мнения, объяснять и при этом считать, что приписывание убеждений, строго говоря, неверно. Некоторые из них ведь окажутся правильными, а некоторые – неверными. Но никакое не будет истинным в строгом смысле слова, когда знание и обоснование совпадают. Ведь убеждений нет, но не в том смысле, как это говорил один из героев Тургенева в повести «Рудин», при этом таки утверждая, что это его убеждение. Их нет как реальных объектов, как сущностей, данных нам объективно. Формы мышления, не объективные, а ментальные сущности, они в голове, а не в мире, способы объяснения, но успешные лишь как случайные догадки.

Мы различаем при общении верные и неверные утверждения. При этом получается вроде как слово «верный» в этом случае не буквальное, но образное, по причине физического или какого-то другого небытия идеальных объектов, например, чисел. Или, скажем, буквальную истинность утверждений по поводу положения дел или существования каких-то мыслимых объектов, в частности – Бога. Поэтому отрицание онтологии с идеальными объектами, как кажется, угрожает

учениям о формах мышления, теории чисел, теологии, и вообще нормальному общению. Но на самом деле этого не происходит, и можно объяснить, почему.

Возьмем пример. Допустим, мы обращаемся к ребенку и говорим ему: «Если ты будешь хорошо себя вести, то Дед Мороз подарит тебе в этом году много подарков. И ты ведь знаешь, что Дед Мороз ездит на оленях».

Может показаться странным, но истинность или ложность этих высказываний не так связана с онтологией, как в случае теологии или теории чисел. Даже если Деда Мороза нет, истинность не изменится. Участники диалога знают, что Деда Мороза нет, буквальная истинность здесь не требуется. Но вот что забавно: будет неправильным утверждение, что Дед Мороз ездит на верблюдах. Дело в том, что это не описание реальности, и стандарты приписывания правильности разные.

В буквальных контекстах истина объективна, и тот факт, что обсуждаемые предметы не существуют, сразу нарушает правила такого буквального общения, поскольку не соответствуют критериям оценки на правильность. При других целях и контекстах существование предметов не важно для стандартов правильности и понимания того, что мы хотим достичь. Именно это различие и надо исследовать.

В разговорах про Деда Мороза стандарты правильности были не буквальные, потому что в нем использовали распространенные вымыслы и легенды. В разговорах верующих все понимается или интерпретируется как буквально истинное, во всяком случае, как описание реальности. Когда же говорим про Деда Мороза, то знаем, что его нет, что это вымысел, и ритуал, на нем основанный, как бы «понарошку», для праздника. Для верующих Бог существует, стандарт другой. Поэтому онтология как дисциплина о том, что есть в буквальном смысле, реально существующем, для теологии и религии может расцениваться как критика. В примере с Дедом Морозом высказывания не связываются с реальным миром ни в его идеальном, ни в физическом представлении. Это мир игры, которую даже дети воспринимают своеобразно – как бы веря и не веря. Объективность там есть, но критерий ее интерсубъективен, так как контекст не фактуальный, а значит, и истинность трактуется не буквально.

У рассказов про Деда Мороза длинная история, и все понимают, о чем речь. В разговорах высказывания сопоставляются с миром игры, знанием контекста или просто текста. А вот про вкус пиццы так не получится, о вкусах не спорят, интерсубъективного согласования нет. Опять к Деду Морозу такой критерий не отнесется. Про оленей или верблюдов можно поспорить, но прав будет тот, кто говорит про оленей, спор легко разрешим, формально, по предъявлению текста, как в юриспруденции.

Формальность показывает, что объективность есть, но другая. Само словосочетание «объективно верно» может трактоваться различно: либо как объективность в соблюдении правил, либо как соответствие реально существующим объектам. Допустим, вы считаете, что математические утверждения правильны, когда они выводятся из общепринятых аксиом. Тогда математика в одном смысле не объективна (нет речи о существовании чисел), а в другом смысле вполне себе объектив-

на (согласуется с принятыми аксиомами и правилами вывода). Не объективна, потому что ничто в реальности не может использоваться для проверки истинности, кроме принятых аксиом, которые могут быть выбраны произвольно, но при этом полезны в практическом отношении. Например, Хартри Филд [Field, 1989] именно так и определяет истинность утверждений для математических теорий.

Другой пример. Допустим, мы считаем верным, что автомобилей в мире больше миллиона штук и что имеется больше миллиона простых чисел. Последнее истинно из-за того, что оно вытекает из принятых нами утверждений (аксиом), а первое не зависит от принятых нами по соглашению утверждений, зависит от положения дел в мире. Достаточно верить в возможности дедукции и принимать аксиомы Пеано, чтобы считать математические утверждения объективно истинными в силу выводимости теорем из аксиом. И вот здесь опять возникает затруднение. Дело в том, что иногда стандарты приемлемости обоснования можно согласовать. В этом, как представляется, и состоит проблема, на которую указал Геттиер [Gettier, 1963]. Когда невозможно или трудно отличить картину от реальности по каким-то причинам, то лучше верить, что перед нами реальный объект, и знание о его существовании считать обоснованным. Когда суждение о наличии объекта не подтверждается опытным путем, а лишь принимается по каким-либо причинам, то стандарт объективности ослабляется и заключается только в правильности умозаключения из принятого по соглашению описания исходной ситуации. Эти два стандарта можно различить как сильную и слабую, реальную и гипотетическую (формальную) объективность. В принципе есть философы, например Г. Файхингер, которые утверждают, что такая слабая объективность составляет сущность человеческого существования, так как сущность человека состоит в том, что он в мире культуры, следуя правилу «как будто это так» [Vaihinger, 1935], и книга его называется соответствующим образом «Философия как если бы так».

В любом случае философия «реальной» науки, вытекающая из онтологической теории Куайна, не описывает роли онтологических представлений в практике общения людей, и ее необходимо расширить за счет представлений о символической жизни культуры, включая символизм и культурную значимость научных теорий.

Список литературы / References

- Гудмен Н.** Способы создания миров. М.: Идея-пресс – Праксис, 2001.
Goodman N. Sposoby sozdaniya mirov [Ways of world making]. Moscow, Idea Press – Praxis, 2001. (in Russ.)
- Ленин В. И.** К вопросу о диалектике // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 29: Философские тетради. С. 316–322.
Lenin V. I. K voprosu o dialektike [To the question of dialectics]. In: Lenin V. I. Polnoe sobranie sochnenii [Collected Works]. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1969, vol. 29: Philosophical notebooks, p. 316–322. (in Russ.)
- Armstrong D.** A World of States of Affairs. Cambridge UP, 1997.

- Davidson D.** Truth and meaning. In: *Inquires into Truth and Interpretation*. Oxford UP, 1984.
- Field H.** *Realism, Mathematics and Modality*. Blackwell, 1989.
- Fodor J.** *Psychosemantics*. MIT Press, 1987.
- Gettier E.** Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*, 1963, vol. 23, p. 121–123.
- Lewis D.** *On the Plurality of Worlds*. Basil Blackwell, 1986.
- Quine W.** On what there is. In: *From a Logical Point of View*. Harvard UP, 1980.
- Vaihinger H.** *The Philosophy of 'As if'. A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind*. London, 1935.
- Wittgenstein L.** *Tractatus Logico-Philosophicus*. London, Kegan Paul, 1922.
- Yablo S.** Does ontology rest on a mistake? *Proceedings of the Aristotelian Society Supp.*, 1998, vol. 72, p. 229–261.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Карпович Валентин Никонович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Valentin N. Karpovich, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kkvnn@gmail.com

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-16-24

Единство эпистемологии и онтологии как реальные основания научного реализма

М. В. Исмаилова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Эпистемологию и онтологию принято рассматривать как самостоятельные дисциплины. Однако представление об их единстве дает основания для правильной трактовки концепции научного реализма как развития идеи методологического единства в науке, позволяющего выделять различные предметные области, но подходить к ним единообразно. Таким образом, научный реализм оказывается связанным с научной практикой как идея единого толкования феноменов при помощи соответствующих теоретических инструментов.

Ключевые слова

эпистемология, онтология, теоретические определения, определенные дескрипции, нейтральный монизм, научный реализм

Для цитирования

Исмаилова М. В. Единство эпистемологии и онтологии как реальные основания научного реализма // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 16–24. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-16-24

The Unity of Epistemology and Ontology as an Essential Interpretation of Scientific Realism

M. V. Ismailova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Epistemology and ontology are usually regarded as independent philosophical disciplines. However, the idea of their unity provides the basis for the correct interpretation of the concept of scientific realism as the development of the idea of methodological unity in science, which allows one to distinguish various subject areas, but approach them uniformly. Thus, scientific realism is associated with scientific practice as the idea of a single interpretation of phenomena using appropriate theoretical tools.

© М. В. Исмаилова, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

Keywords

epistemology, ontology, theoretical definitions, definite descriptions, neutral monism, scientific realism

For citation

Ismailova M. V. The Unity of Epistemology and Ontology as an Essential Interpretation of Scientific Realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 16–24. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-16-24

Эпистемологию и онтологию традиционно считают отдельными и относительно самостоятельными дисциплинами. Однако на деле практически всегда наблюдается их единство, вследствие чего часто невозможно провести четкую границу, которая остается условной. Это можно наблюдать в разных философских учениях. В марксизме это называли второй стороной основного вопроса философии, т. е. проблемой познаваемости мира. С рассуждения о единстве этих двух составляющих философских учений начинается книга Рассела «Логический атомизм» [Russel, 2009]. Но акценты в различных философских построениях также расставляются по-разному, например, для Канта приоритетом является теория познания, для Гегеля – онтология, правда, описанная логически.

Эпистемология всегда имела важнейшее значение для философии. Марксизм, например, из всей предшествующей философии считал существенной только теорию познания [Маркс, Энгельс, 1961. С. 25]. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», считая понятия *познание* и *отражение* тождественными, придает им функцию воспроизведения объективной реальности (первичного) в знании (вторичном) [Энгельс и современные проблемы философии марксизма, 1971. С. 152].

Аналогичные идеи формулировал крайний позитивист Мориц Шлик [1993]. Он считал теорию познания инструментом, который должен привести исследователя к подлинной онтологии мира. Кажется очевидным, что онтология неразрывно связана с познавательной деятельностью, а эпистемология иногда диктует онтологию. Например, последний выдержавший сомнение декартовский вывод «Я есть» в дальнейшем приводит его к дуализму в онтологии. Бывает и наоборот, как у Спинозы – Бог, который одновременно и Бог, и Природа, а присутствующее в тексте «или» читается именно как отождествление, откуда и характеристика его философии как монистической. Чаще всего такие отождествления выражаются определениями, которые формально используются для приравнивания определяемых терминов. Однако на деле они являются асимметричными высказываниями, в которых предполагается приоритет определяющей части над определяемой, поскольку определяющее первично, а определяемое – производно, получено из первичного в результате языкового анализа или исследования предмета. Яркий

пример подобного высказывания дает «ленинское определение материи» в том виде, как это определение устойчиво характеризовалось в научной и учебной литературе. Оно гласит: «Материя – это философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [Ленин, 1968. С. 131]. Согласно приведенной формулировке в определяющей части находится соотношение объективного и субъективного. Объективное при этом является первичным, определяющим свойством, а субъективное – вторичным, выведенным, поскольку дано нам в ощущениях и отображается сознанием, а значит – зависит от объективного.

Следует подчеркнуть, что в подобных сопоставлениях одна из сторон относится к непосредственно воспринимаемому или соответствующему аппарату восприятия, а другая – к теоретической конструкции, которая создается средствами соответствующей дисциплины, в данном случае – философии как особой науке. Все подобные вопросы естественным образом отсылают к проблеме теоретических определений и их роли в науке и философии.

Явное определение представляет собой выражение вида $A = B$, где есть определяющая часть (A) и определяемая (B), а A и B вместе представлены понятийными конструкциями. В некоторых случаях теоретические определения могут быть просто сокращениями, и тогда они аналитические и априорные, но могут быть и синтетическими априорными, как, например, в случае с установлением тождества в результате исследования. Установив, что вода – это H_2O , мы производим приравнивание разных представлений объекта исходя из тождества описаний. В знаменитом примере Канта $7 + 5 = 12$ слева и справа от знака равенства мы видим два самостоятельных объекта. Один объект сложный (слева), а другой простой (справа), однако это не сокращение или совпадение описаний, а указание на способ получения одного объекта посредством операций с другими объектами. В итоге левая часть не равна правой, которая представляет операцию с двумя разными объектами и указывает на третий объект – вот почему это утверждение должно быть синтетическим, и при этом априорным. Через подобные приравнивания и проявляется прочная связь онтологии и эпистемологии. Она выражается в том, что тождество предметов, их отношения и свойства устанавливаются путем исследования, в то время как в отношении понятий эквивалентность главным образом конструируется, предметы непосредственного восприятия при этом существуют в каком-то смысле помимо нас и нашей сознательной познавательной деятельности. Одно первично, а другое вторично в самом общем значении первичности как принципа сводимости или порождения, и это – традиционная философская позиция сопоставления вторичного и первичного данного. Исключением в истории

философии можно считать разве что Спинозу с его попыткой определить двумя разными словами одно и то же (Бог или Природа), обозначив тем самым единство объекта, которое проявляется не в совпадении свойств, а в использовании разных имен для одного и того же, представленного разными описаниями. Однако при этом его часто трактуют как выражение панпсихизма, предполагая, что Бог у Спинозы предшествует Природе, хотя эта интерпретация не является универсальной. В этом плане дуализм Декарта больше похож на своеобразную форму нейтральности. Она выражается в том, что два описания субстанции – одно как делимого и протяженного, второе как непротяженного и идеального, совпадают во времени и пространстве, будучи принципиально разными.

Все эти проблемы, и в особенности вопрос о первичном и вторичном, стали актуальными на рубеже XIX и XX вв., во время так называемого «кризиса науки». Речь шла в том числе и о дуализме общественнознания и естествознания, в свое время характеризующихся как науки о духе и науки о природе. При таком делении философия неизбежно попадала в категорию наук о духе, не получая у сциентистски настроенных исследователей статуса научного предприятия. Главными выразителями такой установки и духа времени были позитивисты, например, тот же Мориц Шлик [1993], а также некоторые представители аналитической философии и некоторых физикалистских теорий более позднего периода 40–50-х гг.

На фоне возникновения новой науки философия критиковалась за спекулятивность, умозрение, выдумки, бесосновательность, в то время как формирующаяся новая наука требовала проверяемости и объективности. Перед лицом такой критики философии со стороны «опыта» (эмпириокритицизм) и в связи с кризисом науки и идеей о единстве онтологии и эпистемологии возникает новый взгляд на научность как таковую. В связи с появлением новой методологии и принципиально новых теорий возникло стремление отставить онтологию и принять за объекты анализа наглядное и первичное, позитивное, т. е. перенести внимание на эпистемологию, где рассматривались первичные опытные суждения, а не реальность, которую они представляют. Теперь предлагается анализировать данное в опыте, в том числе интуитивном, т. е. первичное, а вторичное, выведенное из него или надстроенное, рассматривать как вспомогательные конструкции. Именно так подходит к вопросу сначала эмпириокритицизм, а затем логический эмпиризм. Понятно, что такая позиция была продиктована развитием науки, появлением новой логики и новых математических теорий. Новая логика – исчисление предикатов, а новая математика – неевклидовы геометрии и формализация арифметики Пеано – становятся главными инструментами конструирования и контекстом для новой философии. Кодифицированная символическая логика и аксиоматизация содержания научных знаний вместе составили идею дедуктивной системы как образца

для построения научной теории. В ней выделили первичные термины и определения в качестве способа построения производных понятий, а первичные утверждения (аксиомы) и формализованный логический вывод предстали как способ обоснования производных утверждений – теорем. Такая модель послужила общим представлением о теоретическом знании в аналитической философии. Частным случаем были математика, естествознание, и даже общественные науки – именно так представлялось теперь единство научного знания, в методе, инструментарии науки, разделении на первичное и вторичное, исходное и производное, формальное и содержательное для каждой из теорий [Карпович, 1978].

Важнейшим дополнением к такому представлению научных теорий стали определенные дескрипции Рассела, поскольку они, по сути, являются контекстуальными определениями отдельных предметов и явлений. Теперь стало возможным характеризовать их через взаимоотношения и связь с другими предметами, входящими в область исследования. Причем этот способ идентификации предметов подходит к науке в целом, к математике, естествознанию и другим дисциплинам. Это дает возможность соединения всех этих характеристик для реального описания предмета в пространстве опыта и делает возможным их идентификацию. Такую идентификацию предметов демонстрирует классический пример Рассела, который можно для пояснения смысла записать так: «Нынешний (!) **король** Франции (!) **лыс**» = «тот, кто сейчас (!) во Франции (!) **король** = тот (!) **лысый**». Предикаты здесь выделены шрифтом, а знак «!» ставится после пространственных и временных указаний на единственность объекта. Важно, что это сопоставление предметов, а не явные определения свойств и отношений. Такие определения характеризуются как контекстуальные, причем в двух смыслах: 1) они учитывают реальную ситуацию и окружение, что тоже своего рода «контекст»; 2) не заменяют одно нарицательное имя на другое как в явных определениях: в тексте предложение с собственным именем вроде «Пегас» заменяется на другое предложение без сомнительного собственного имени, которое теперь представлено отношениями обозначенного именем объекта с другими знакомыми объектами, обладающими пространственно-временной идентификацией.

В таком способе представления предметов обнаруживается сходство научных описаний предметного мира, физики и математики, так как существование и единственность объектов можно сходным образом описать и в пространственно-временных, и в математических областях через отношения самих объектов. Этот же прием применим и к «наукам о духе». В исследуемой области существует то, что обладает определенным описанием, признаками, в первую очередь вытекающими из их соотношения с другими существующими предметами. Такая идея существования выражена в знаменитом положении Куайна «существовать – значит быть

значением квантифицированной переменной», другими словами, «быть» просто отсылает к предметам в области рассуждения. Но есть и другой способ определить существование, уже не предметов в области, но самой области. Внутри области объекты идентифицируются отношениями, снаружи – области исследования сопоставляются друг с другом, а вместе они представляют внутренние и внешние вопросы существования, как обозначил их Карнап [1959]. Это обстоятельство и привлекло Рассела в нейтральном монизме, который осознал непосредственную эпистемологическую и опосредованную онтологическую значимость этой теории. Она позволяет сопоставлять непосредственно воспринимаемые системы объектов и их математические модели. Подобные модели затем приравниваются к теоретическим конструкциям, как в естествознании, так и в гуманитарных дисциплинах, в частности в психологии [Russel, 2009. P. 120]. Получается, что внимание к эпистемологии (главное – познавать мир) естественным образом, при помощи описанных выше инструментов, приводит к своеобразной онтологической нейтральности науки. Поскольку основная идея заключается в том, что наука методологически едина, можно различать предметные области, но подходить к ним единообразно, не интересуясь до поры природой самих объектов. Заметим, что исследователи в общественных дисциплинах тоже не чуждались такого подхода в это время, критикуя при этом традиционную философию за метафизичность. Пример Маркса по этому поводу – его рассуждение о сущности человека (как такового, а не как вида млекопитающих) как совокупности общественных отношений: нам не надо изучать природу элементов, достаточно ее предположить – что человек является разумным существом. Вместо этого надо изучать отношения предметов в выделенной области познания; тогда мы сможем приблизиться к пониманию специфики таких понятий, как разумность, производство, организация, язык и т. п. Другой пример: данный человек лишь потому «король», что другие ведут себя по отношению к нему как «подданные». Между тем и они считают себя «подданными» потому, что он – «король» [Маркс, 1985. С. 46].

Подобные системные построения из отношений между предметами исследуемой области с использованием соответствующего концептуального аппарата демонстрируют методологическое единство науки и ставят вопрос о том, что есть реальность, как именно и в какой мере вспомогательные конструкции соотносятся с существованием. При таком подходе предметные области можно делить на более фундаментальные и менее фундаментальные в отношении первичности – вторичности. Можно также соотносить формы существования материи – пространство и время; выделять уровни организации материи или сознания, соотнося их по степени сложности; связывать уровни организации друг с другом, определяя, например, сознание как свойство высокоорганизованной материи; сводить вместе абст-

рактное и конкретное как диалектически связанное друг с другом в системе прикладной науки.

Такие связи показывают, что научные споры о возможности соотношения конструкций и реальности превращаются в вопрос о соотношении философских мировоззрений. А для самой науки это прежде всего вопрос о том, как понимать так называемый научный реализм в аспекте философского прочтения специфики научного знания. В частности, следует ли ограничиться инструменталистской трактовкой научного знания (практический реализм) или все-таки считать, что для каждого теоретического объекта, если он построен научным методом, обязательно существует некоторая область реального (человеческий институт, теория, система общественных отношений), которая этим конструктом схватывается и отображается. Причем такие конструкции ориентируют на изучение предметной реальности и демонстрируют его результаты, даже в том случае, когда речь идет о пресловутых теплоходе или флогистоне для описания процессов перетекания тепла или феномена горения. То же самое можно сказать про идею исторических общностей людей – семья, род, племя, нация, и даже про общественные институты типа государства, морали, права в их исторической данности. Фактически это означает, что эмпирическое можно соотносить с теоретическим в качестве одного из способов обоснования реальной значимости научных конструкций для индивидуальной и общественной практики. Реальность правильно построенной теории подтверждает и проверяет практика в соответствующих формах, а гарантией верности представлений, т. е. реализма, является исторически определенный этап развития науки как формы духовного производства и социального института.

При таком подходе одна из основных сложностей формулирования идеи научного реализма будет состоять в том, что за обобщенными описаниями опыта и характеристикой отдельных предметов в конечном счете стоят системы понятий. Сходства наблюдаемого даны в опыте непосредственно, существование же объектов, обозначенных теоретическими, понятийными конструкциями, которые не сводимы к явным определениям через представленные в опыте понятия, отсылает к проблеме «реализма» в его традиционном философском смысле. Это вопрос об онтологическом статусе абстрактных идей как особых объектов в этом или каком-то другом, особом мире.

Идея различия и сходства опытного и внеопытного знания, обществоведения и естествознания характеризует нейтральный монизм, как одну из первых попыток сформулировать эту проблему применительно к науке в качестве особой формы познавательной деятельности. По существу, это была попытка заменить рассуждения об особой онтологии «нейтральностью» теоретических конструкций по отношению к этой традиционной философской проблеме, подчеркнув тем самым

приоритет науки перед метафизикой. Закономерно, что в переходные этапы появляется необходимость сойтись на некоторой нейтральной позиции и достичь хотя бы временной договоренности о стандартах научности, поэтому острота онтологических вопросов снижается естественным образом.

Этим и оказалась привлекательна позиция нейтрального монизма: толерантность в науке и терпимость к разным упражнениям в мировоззрении дает возможность использовать в реальной научной практике все, что может пригодиться. Для жизненной практики оказывается важна не столько красота и масштабность философской конструкции, сколько ее универсальность и удобство применения, возможность охвата всего спектра задач хотя бы на уровне методологии.

По этой причине нейтральный монизм, если его рассматривать в контексте развития научного знания и преодоления кризисов, оказывается предвосхищением идеи научного реализма как формы единого толкования феноменов при помощи теоретических объектов. Иначе говоря, философское осознание соответствия научных приемов и методов построения научного знания принятой общественно-исторической практике, регулятивная идея трактовки науки как отражения объективной, независимой от ученых реальности, составляет подлинное содержание концепции научного реализма.

Список литературы / References

- Карнап Р.** Эмпиризм, семантика и онтология. М., 1959.
Karnap R. Empirizm, semantika i ontologiya [Empiricism, Semantics and Ontology]. Moscow, 1959. (in Russ.)
- Карпович В. Н.** Термины в структуре теории. Логический анализ. Новосибирск, 1978.
Karpovich V. N. Terminy v structure teorii. Logicheskii analiz [Terms in Theory Structure. Logical analysis]. Novosibirsk, 1978. (in Russ.)
- Ленин В. И.** Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 18.
Lenin V. I. Polnoe Sobranie Sochinenii [Collected Works]. Moscow, 1968, vol. 18. (in Russ.)
- Маркс К.** Капитал. М., 1985. Т. 1.
Marx K. Kapital [Capital]. Moscow, 1985, vol. 1. (in Russ.)
- Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 20.
Marx K., Engels F. Sochineniya [Essays]. Moscow, 1961, vol. 20. (in Russ.)
- Шлик М.** О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избр. тексты. М., 1993. С. 34–36.

Shlik M. O fundamente poznaniya [On the Foundatiom of Knowledge]. In: Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty [Analitical Philosophy: Selected Texts]. Moscow, 1993, p. 34–36. (in Russ.)

Энгельс и современные проблемы философии марксизма / Под ред. М. Т. Иовчука. М., 1971.

Engels i sovremennye problemy filosofii marksizma [Engels and Modern Problems of the Philosophy of Marxism]. M. T. Iovchuk (ed.). Moscow, 1971. (in Russ.)

Russel B. The Philosophy of Logical Atomism. Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2009.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Исмаилова Мария Владимировна, магистрант, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Maria V. Ismailova, graduate student, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ismailova.masha@gmail.com

УДК 608; 101.1; 16; 161.25; 165.4
DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-25-39

Открытия в науке и познавательный прогресс в философии

Н. С. Розов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Долгое время открытия признавались только в естествознании. Если можно говорить об «открытиях» в социальных науках, то в каком-то другом смысле. При этом, накопление общих теоретических знаний в таких науках, как экономика и социология, не вызывает сомнений. Сформулированы 11 критериев «положительного знания» (соответственно, «открытия», когда такое знание впервые обретается). Выделены три группы научных и философских дисциплин со сходными показателями по данным критериям. В философии (помимо логики и аналитической философии) затруднительно говорить об открытиях и знаниях из-за отсутствия согласия относительно любых нетривиальных суждений с характерным для философии уровнем общности и абстрактности. Вместе с тем развитие философии представляет собой нечто большее, чем накопление идей как необязательных мнений. Для разрешения этой трудности использована метафора «замка» (препятствий для познания), «ключа» (интеллектуальных средств, подбираемых и создаваемых для получения достоверных знаний) и «взгляда» (целостного осмысленного образа увиденного при «открытии разных дверей»). Даже если философия не производит полноценных открытий и общепринятых знаний, она прогрессивно развивает свои идеи в качестве эвристических «ключей» для научных исследований и в качестве «взглядов», обобщающих разнородные, накапливаемые научные знания, соединяя их с меняющимися в человеческих поколениях самосознанием и ценностями.

Ключевые слова

научное открытие, открытия в экономике, открытия в социологии, накопление знаний, философские открытия, критерии положительного знания, развитие философии, эвристическая роль философии, связь философии и науки

Для цитирования

Розов Н. С. Открытия в науке и познавательный прогресс в философии // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 25–39. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-25-39

Scientific Discoveries and the Cognitive Progress of Philosophy

N. S. Rozov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Technical University

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

For a long time discoveries were recognized only in natural sciences. We can talk about “discoveries” in the social sciences only in some other sense. At the same time the accumulation of general theoretical knowledge in economics and sociology is not in doubt. Eleven criteria of “positive knowledge” (respectively, “discoveries” when such knowledge is first acquired) are formulated. Three groups of scientific and philosophical disciplines with similar indicators according to these criteria are distinguished. In philosophy (with the exception of logic and analytical philosophy) it is difficult to talk about discoveries and knowledge due to the lack of agreement regarding any non-trivial judgments with a philosophical level of generality and abstractness. At the same time the development of philosophy is more than the accumulation of ideas as optional opinions. To solve this difficulty the metaphor of “a lock” (obstacles to cognition), “a key” (intellectual means selected and created to obtain reliable knowledge) and “a view” (holistic meaningful image on “opening different doors”) was used. Even if philosophy does not produce full-fledged discoveries and generally accepted knowledge it progressively develops its ideas as heuristic “keys” for scientific research and as “views” that generalize heterogeneous, accumulated scientific knowledge connecting them with changing self-consciousness and values in human generations.

Keywords

scientific discovery, discoveries in economics, discoveries in sociology, accumulation of knowledge, philosophical discoveries, criteria for positive knowledge, development of philosophy, heuristic role of philosophy, connection between philosophy and sciences

For citation

Rozov N. S. Scientific Discoveries and the Cognitive Progress of Philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 25–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-25-39

Есть ли открытия в социальных науках?

Под «открытием» обычно подразумевают обнаружение (установление) того, что объективно существует, но ранее не было известно. Поскольку открытия наряду с изобретениями регистрируются, есть вполне официальные юридически значимые дефиниции.

Открытие – установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, вносящих коренные изменения в уровень познания. Открытием признается научное положение, представляющее собой решение познавательной задачи (от открытия следует отличать научные догадки, гипотезы) и обладающее новизной в мировом масштабе¹.

Любопытно, что здесь же специально сделано уточнение, исключающее из открытий единичные суждения в естествознании и «положения» (любые? в том числе общие, теоретические суждения?) в «общественных науках», вероятно, здесь включающих социальные, гуманитарные дисциплины и философию.

Открытием не признается установление единичного факта (тоже иногда именуемого «открытием»), в т. ч. географического, археологического, палеонтологического, месторождения полезных ископаемых, а также положения в области общественных наук².

Действительно, если обратиться к патентному праву, то обнаружим сходное ограничение: речь может идти только о «материальном мире», а это значит, что открытия признаются только в естественных науках.

Законодательство признает *открытием* установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, вносящих коренное изменение в уровень познания³.

Несмотря на такие запреты, об открытиях в социальных науках говорят, пишут и даже читают университетские курсы. Так, известный социолог Вадим Волков в Европейском университете (Санкт-Петербург) читает курс «Социальная теория: открытия и их авторы»⁴. Судя по всему, речь здесь идет только об идеях, которые действительно значимы для социологии, но никак не об открытиях в строгом смысле слова.

Более того, на сайте Российской академии естественных наук (РАЕН) сказано, что она «впервые в мировой практике начала проводить регистрацию открытий в области общественных и гуманитарных наук». В «Положении» даже дано соответствующее определение «открытия»:

1.3. В области гуманитарных наук открытием признается установление интеллектуальных связей между понятиями и/или концепциями, которые воспринимались ранее несвязанными⁵.

¹ Финансовый словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/16186/.

² Там же.

³ Пункт 10 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973 г. Это положение действует и в настоящее время. См.: Регистр интеллектуальной промышленной собственности. URL: <http://patent.su/press/otkrytie.html>

⁴ <https://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=454>

⁵ <http://raen.info/activities/registracija-nauchnyh-otkrytii>

Прямо скажем, под такое определение может попасть очень многое, что грозит не только инфляцией статуса «открытия в социальных и гуманитарных науках», но и полным дискредитированием практики регистрации таких «открытий». Наше подозрение подтверждается анализом списка «открытий в области общественных наук»⁶, среди которых находим «Закономерность образования геометрической пространственной многомерной структуры при использовании математического алгоритма золотого сечения», «открытую» не кем иным, как В. И. Петриком – тем самым фигурантом известного «Петрикейта», лоббировавшим установку своих фильтров для очистки воды в государственных и муниципальных учреждениях по всей России.

Этот ряд «открытий» и сама инициатива РАЕН наводят на совсем грустные мысли об открытиях в социальных науках, но все же дело обстоит не так уж плохо, по крайней мере, в экономической науке.

Специфика открытий и знаний в экономике

Открытия в экономической науке выгодно отличаются наличием обоснований как в плане корректности математических моделей, так и в плане эмпирического подкрепления. В качестве классических концептуальных открытий Е. В. Балацкий называет идейные достижения Д. Рикардо (о долговой и фискальной политике государства), Ж.-Б. Сэя (закон порождения спроса предложением), К. Маркса (механизм кругооборота капитала и капиталистической эксплуатации), А. Маршалла («эластичность» спроса и других экономических параметров), Дж. Кейнса (мультипликатор инвестиций).

В XX в. начинает превалировать «теоремная парадигма», появляются «уравнение Слуцкого», «кривая Филипса», «закон Оукена», «парадокс Леонтьева» и др. Теперь вновь наступает волна «концептуальных открытий».

Например, раскрытие Дж. Бьюкененом механизма влияния демократических институтов общества и, соответственно, демократических форм государственного правления на процесс образования бюджетного дефицита и разбалансирования системы государственных финансов является одним из наиболее ярких открытий экономической науки за последние два века [Балацкий, 2002].

В том же ряду упоминаются теория рефлексивности Дж. Сороса, теория многоуровневой экономики Ю. В. Яременко, теория институциональных ловушек В. М. Полтеровича, основанная на грандиозных базах данных концепция институциональных факторов технологических сдвигов Р. Фогеля.

⁶ <http://old.ihst.ru/~biosphere/03-1/discavery.htm>

В методологическом плане весьма любопытно признание Е. В. Балацким «взаимоисключающих открытий» в экономике:

...старая теория уже никак не может быть интегрирована в новую, ибо эти две теории оказываются *качественно несопоставимыми*, а соответственно возникает противоречие между старыми и новыми открытиями. Но парадокс развития экономической науки заключается в том, что антагонизм между старыми и новыми открытиями никак не преодолевается, он как бы отрицается и никем не замечается. Итогом подобной научной «терпимости» является сосуществование взаимоисключающих открытий и теорий, которые по мере необходимости продолжают использоваться [Там же].

Таким образом, экономические «открытия» признаются профессионалами, накапливаются, но не обязательно должны быть интегрированы в общую теорию, продолжают сосуществовать в качестве отдельных, частных, но все же «научных истин» – экономических знаний.

В других социальных науках – социологии, политологии, антропологии, культурологии – меньше говорят об «открытиях», разве что совсем в нестрогом смысле. Кроме того, здесь имеет место проблема пренебрежения прошлыми результатами, даже их забвения, т. е. сбой в накоплении знаний. Рассмотрим этот вопрос на примере социологии.

О накоплении знаний в социологии

Р. Коллинз утверждает наличие в социологии отдельных фрагментов накопления знаний, которое, тем не менее, не является общепризнанным [Collins, 1999]. Он выделяет:

а) «специализированное накопление» внутри отдельных исследовательских сообществ, не признаваемое вовне;

б) «непризнанное или утерянное накопление», происходящее при игнорировании научным сообществом прошлых результатов вследствие смещения интересов и выхода из моды прошлых понятий, задач и достижений;

в) «непризнанное пересекающее границы специальностей интегрированное накопление» (*unrecognized cross-specialty integrated cumulation*), под которым понимаются результаты, полученные в различных сообществах, оформленные в различных понятиях, имеющие при этом сущностное сходство, которое, однако, не воспринимается как таковое.

Коллинз выделяет следующие главные препятствия для признания накопления результатов в социологии (причем многое явно применимо и к остальным социальным наукам):

- сами *специализированные исследовательские сообщества становятся барьерами*, поскольку вследствие своей профессиональной мотивации члены таких

сообществ склонны не признавать накопления результатов в конкурирующих сообществах, даже тогда, когда чужие результаты по существу совпадают с собственными;

- социальные исследователи больше реагируют на теоретические «бирки», служащие своего рода символическими знаменами отдельных научных сообществ, склонны *отвергать все результаты, ассоциирующиеся с отвергаемыми теориями* (особенно, метатеориями), вместо того, чтобы сосредоточиться на анализе лучшим образом подкрепленных обобщений, относительно автономных от теоретических интерпретаций;

- происходит *излишняя фиксация на методах и местных стандартах методологии*; в реальности же идеально точных методов не бывает; именно сходство результатов, полученных разными методами, является самым ценным, однако оно остается непризнанным из-за «фетишизма методов»;

- в каждой исследовательской области в социальных науках предпочтение отдается *переднему фронту, прокладыванию новых троп, заявлению новых понятий и концепций* притом, что прошлые результаты, даже признанные достоверными, со временем начинают игнорироваться, а затем и забываться.

Итак, несмотря на указанные трудности, накопление в социальном познании происходит, а значит, некие открытия ранее неизвестного, пусть и не в столь строгом смысле, осуществляются.

Критерии положительного знания

В каждой настоящей науке происходит прирост знаний, но приходится признать, что не каждое новое знание изначально имело статус открытия. На примерах экономики и социологии уже понятно, что критерии открытий и знаний в разных науках разные. Под «знаниями» здесь и далее подразумеваем «положительные знания», отличая их от тех идей (принципов, подходов, парадигм, схем, концепций, теорий и т. д.), которые лишены достаточных признаков, позволяющих судить об объективности и общезначимости знаний. В разных типах познавательных дисциплин эти признаки (критерии, основания) существенно различны. С учетом классических парадигм философии науки (рационализм, эмпирицизм, прагматизм, конвенционализм, логический позитивизм и др.) составим следующий список критериев положительного знания [Ильин, 1989; Розов, 2018]:

- 1) суждения теории строго дедуктивно доказаны;
- 2) суждения теории полностью согласуются с ранее принятыми чужими теориями;
- 3) эффекты теории надежно воспроизводятся в лабораторных экспериментах;

- 4) эффекты теории надежно воспроизводятся разными исследователями в полевых условиях;
- 5) суждение подкреплено эмпирически в некоторых полевых условиях;
- 6) теория принимается большинством специалистов, либо же доля принимающих это положение быстро растет при смене поколений;
- 7) теория фиксируется как общезначимое неоспоримое знание в справочниках и учебниках;
- 8) теория широко используется в последующих исследованиях в качестве основания;
- 9) суждения и/или эффекты теории включены в технологии, массовое производство и услуги;
- 10) суждения и/или эффекты теории включены в некоторые надежно работающие технологии;
- 11) суждения и/или эффекты теории спорадически успешно используются на практике.

Разделим науки на группы таким образом, чтобы внутри каждой группы статус положительного знания (соответственно, открытия такого знания) определялся сходным образом – через один и тот же набор критериев.

В отдельную группу у нас попадет математическая лингвистика – формально гуманитарная дисциплина, но с необычно высокой для гуманитарных наук строгостью. Таким же образом, из социальных наук выделена группа экономики и демографии со спецификой высокой математизированности.

Также добавим философию и отдельно от нее логику вместе с аналитической философией, которые характеризуются высокой строгостью и с большими основаниями, чем остальные философские дисциплины, претендуют на общезначимость своих принципов и результатов.

Сопоставим эти группы дисциплин, разместив их обозначения в заголовках столбцов, с вышеуказанными критериями положительного знания в строках (табл. 1). В ячейках таблицы (1) означает, что обычно новое знание в данной группе дисциплин удовлетворяет данному критерию; (0) означает, что соответствие данному критерию не обязательно и обычно не требуется.

Половина балла (0,5) означает промежуточное значение, существенные оговорки при требованиях удовлетворения данному критерию. Так, результаты, полученные в аналитической философии, вовсе не обязательно согласуются со всеми предыдущими результатами, хотя с некоторыми обычно согласуются; в лабораторных экспериментах по экономическому поведению результаты воспроизводятся, но не в разных странах и культурах, и т. д.

Таблица 1

Критерии положительного знания и открытий в разных группах научных и философских дисциплин

Table 1

Criteria for positive knowledge and discoveries in different groups of scientific and philosophical disciplines

Критерий	Математика и мат. логика	Мат. лингвистика	Физика, химия	Анатомия, физиология, психология, психология физиологии	География, география, эв. биология	Экономика, демография	Логика и аналит. философия	Социальные науки	Гуманитарные науки	Философия
Суждения теории строго дедуктивно доказаны	1	1	1	0	0	1	1	0	0	0
Суждения теории полностью согласуются с ранее принятыми чужими теориями	1	1	1	1	1	0	0,5	0	0	0
Эффекты теории надежно воспроизводятся в лабораторных экспериментах	0	0	1	1	0	0,5	0	0	0	0
Эффекты теории надежно воспроизводятся разными исследователями в полевых условиях	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0

Продолжение табл. 1

Критерий	Математика и мат. логика	Мат. лингвистика	Физика, химия	Анатомия, физиология, психология, психологии функций	Геология, география, эв. биология	Экономика, демография	Логика и аналит. философия	Социальные науки	Гуманитарные науки	Философия
Суждение подкреплено эмпирически в некоторых полевых условиях	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0,5?
Теория принимается большинством специалистов, либо же доля принимающих это положение быстро растет при смене поколений	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0
Теория фиксируется как общезначимое неоспоримое знание в справочниках и учебниках	1	1	1	1	1	0,5	0	0	0	0
Теория широко используется в последующих исследованиях в качестве основания	1	1	1	1	1	0,5	0,5	0	0	0

Чем большему числу критериев обычно удовлетворяет знание, тем более строгой является наука, тем с большим основанием новое знание в ней квалифицируется как «открытие». Поэтому резонно трактовать единицы в нашей таблице как «баллы», суммировать их и рассмотреть выделенные группы дисциплин с этой точки зрения (табл. 2).

Простой подсчет позволяет выделить три группы наук и соответствующие три типа открытий:

- *классические общепринятые открытия*, накапливаемые в качестве непреложных истин, надежно используемые в технологиях;
- *частные научные открытия*, накапливаемые в качестве признаваемых результатов с практическим значением, но не более того;
- *частные принципы*, которые обычно не считаются «открытиями», накапливаются как необязательные альтернативные идеи и результаты разных авторов и течений мысли, лишены надежных способов практического использования.

В последней группе явно выделяется философия, которая, судя по числу баллов, наиболее далека от областей познания с положительными знаниями и «настоящими» открытиями. Полбалла (со знаком вопроса) было поставлено новым философским результатам по критерию «Суждение подкреплено эмпирически в некоторых полевых условиях». На самом деле даже такая оценка является сомнительной, поскольку философские суждения с характерным для них высоким уровнем общности и абстрактности [Коллинз, 2002] не могут быть эмпирически подкреплены непосредственно. Проверять (верифицировать или фальсифицировать) можно только конкретизации таких суждений, а они уже принадлежат той или иной области научного знания.

Таким образом, даже эти скромные полбалла не являются, строго говоря, законными. Философия (за вычетом логики и аналитической философии) может получить «ноль» по всем вышеуказанным критериям. А отсюда возникает весьма неделикатный вопрос.

Есть ли вообще открытия и знания в философии?

Как показано выше, философские результаты не удовлетворяют множеству критериев объективности и достоверности знаний. Поэтому можно считать, что открытий (в строгом смысле) в философии нет, по крайней мере, нет убедительных доводов в пользу существования таковых. Философы достаточно спокойно мирятся с таким положением дел, соглашаясь с тем, что череда бесспорных открытий принадлежит сфере науки. Однако выводы из отсутствия философских открытий имеют весьма неприятный характер. Понятие «открытие» сопряжено с понятием «знание». Есть ли в философии настоящие знания?

Таблица 2

Группы дисциплин, ранжированные по строгости; соответствующий тип открытий

Table 2

Discipline groups ranked by scientific rigor; appropriate type of discoveries

Показатель	Математика и мат. логика	Мат. лингвистика	Физика, химия	Анатомия, физиология, психология функций	Геология, география, эв. биология	Экономика, демография	Логика и аналит. философия	Социальные науки	Гуманитарные науки	Философия
Сумма баллов по критериям открытия	9	9	11	10	7	6,5	6	3	2	0,5?
Тип открытий	Классические общепринятые открытия			Частные научные открытия с практическим применением			Частные принципы, спорадически используемые на практике			

Имеется огромный объем фактологических знаний в истории философии типа «такой-то философ в таком-то году написал такой-то трактат, посвященный таким-то темам и проблемам», но беда в том, что подобные суждения имеют сугубо научный характер, тот же, что и любые иные историографические сведения. Как только речь заходит о понимании, собственно о философском содержании текстов, об интерпретациях, то здесь уже нет достоверных знаний с полным согласием специалистов. А значит, нет и открытий в строгом смысле, нет настоящего познавательного прогресса. Мнения сменяются мнениями, философские идеи, понятия, концепции, подходы накапливаются, но опять же в статусе необязательных мнений.

Поступательное развитие философии и научный прогресс

Пожалуй, не только профессиональное самомнение («честь мундира»), но и некая глубинная интуиция не позволяет приравнять историю философской мысли к легковесной смене и накоплению необязательных мнений. Философское мышление явно развивается, причем необратимо, а значит, в каком-то смысле поступательно, прогрессивно.

Философские представления о мире, о мышлении, о человеке становятся более совершенными, особенно когда философия поддерживает связь с науками. Развитие философской мысли убедительно явлено в классических историко-философских книгах (наиболее ярко у Гегеля и Б. Рассела), а также в «Социологии философий» Р. Коллинза, объяснившего неуклонное повышение уровней абстрактности и рефлексии на основе закономерностей сетевых взаимодействий и диакронных связей между философами [2002. Гл. 15].

Хорошо известно, что научные понятия и теории всегда опираются на некие базовые различия, категории, схемы, парадигмы, имеющие уровни абстракции, познавательные принципы, которые характерны для философии. Иными словами, каждое теоретическое достижение в науке имеет явное или скрытое, опосредованное философское основание онтологического и гносеологического характера.

Эти философские идеи уже не являются произвольными мнениями, они имеют более сильное подкрепление, чем сугубо философское обоснование. Такие идеи включены в научное знание, но какую роль они в нем играют?

Ключ и взгляд

В данной метафоре запертая дверь и замок означают всевозможные объективные и субъективные препятствия для достижения требуемого знания, а ключ – изобретаемые категории, понятия, концепции, приборы, методы наблюдения, экспериментирования и т. п., позволяющие открыть замок и отворить дверь. Здесь

научное открытие – это увиденное за «дверью», которую удалось отворить подобраным или специально выточенным для данного «замка» «ключом» (как правило, с большим трудом, через многие пробы и ошибки). О настоящем открытии, о соответствующем положительном знании в науке уже не спорят, поскольку «дверь» теперь может открыть каждый, имеющий «ключ».

Философские идеи в данной метафоре – те, что помогают найти или изготовить этот «ключ». Эвристическая стратегия философии состоит в разработке таких идей, значимость которых будет подтверждена (или нет) судьбой основанных на них научных гипотез, подходов, теорий. Чем сложнее устроен «замок», тем более сложным и хитроумным должен быть «ключ».

Философия не ограничивается эвристической ролью своих идей для научных исследований. Людям недостаточно обладать огромными накоплениями сведений и теорий, пусть как угодно надежно обоснованных. Мы нуждаемся в общих осмысленных образах окружающего мира, причем как-то соотношенных с тем, как мы представляем себя самих. Если вернуться к нашей метафоре, мириады отворенных науками «дверей» не утоляют «томления духа». Требуется общий взгляд, позволяющий сводить увиденное в нечто целостное и осмысленное, значит, имеющее некую структуру, а также связанное с нашим самосознанием и нашими ценностями. Никакая наука такую задачу не выполняет, но философия это делает (уж как может).

Заметим, что поколения сменяют друг друга, меняются их самосознание и ценности, науки продолжают свое прогрессивное развитие. Значит, всегда будут востребованы новые эвристические «ключи» для все более заковыристых «замков» и новые «взгляды», придающие общий смысл научным открытиям.

Даже при отсутствии собственных полноценных открытий и положительных знаний философия имеет свое поступательное развитие.

Список литературы / References

- Балацкий Е. В.** О природе экономических открытий: прошлое, настоящее, будущее // Наукovedение. 2002. № 2. С. 31–50.
- Balackiy E. V.** O prirode ekonomicheskikh otkritiy: proshloe, nastoyashee, budushee [On the Nature of Economic Discoveries: Past, Present, Future]. *Naukovedenie [Science of science]*, 2002, no 2, p. 31–50. (in Russ.)
- Ильин В. В.** Критерии научности знания. М.: Высш. шк., 1989.
- Ilyin V. V.** Kriterii nauchnosti znaniya [Criteria of scientific knowledge]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. (in Russ.)

- Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Collins R.** Sotsiologiya filosofii: globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya [Sociology of Philosophy: A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk, Sibirskii Khronograf Publ., 2002. (in Russ.)
- Розов Н. С.** Достижимы ли научный консенсус и «быстрые открытия» в социальном познании // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2018, vol. 1, iss. 1, p. 96–114.
- Rozov N. S.** Dostizhimy li nauchnyi konsensus i “bystrie otkritiya” v sotsialnom poznanii [If There Achievable Scientific Consensus and “Quick Discoveries” in Social Cognition]. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2018, vol. 1, iss. 1, p. 96–114. (in Russ.)
- Collins R.** Socially unrecognized cumulation. *The American Sociologist*, June 1999, vol. 30, iss. 2, p. 41–61.

*Материал поступил в редколлегию
Received
09.12.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор
главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия);
заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия);
профессор Новосибирского государственного технического университета (пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия)

Nikolai S. Rozov, Doctor of Science (Philosophy), Professor
Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation);
Head of Department, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation);
Professor of Novosibirsk State Technical University (20 Karl Marx Ave, Novosibirsk, 630073, Russian Federation)

nrozov@nsu.ru

УДК 141.3 + 159.9.018

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50

Феноменология: ретроспективный и проспективный подходы (предварительный план исследования)

С. В. Бердаус, А. А. Санженаров

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Намечаются пути определения теоретических предпосылок формирования феноменологической философии и приводятся некоторые примеры практического применения феноменологического метода в психологии. Специфика подхода, реализуемого в настоящей статье, заключается в том, что авторы намеренно отказываются рассматривать первичные источники феноменологии (Брегана, Канта и др.) и обращаются к протоисточникам этого учения – античной философии. Предполагается, что именно такой подход позволит наиболее полно раскрыть потенциал феноменологического метода. Отмечается, что применение феноменологического метода в психологии сталкивается с рядом затруднений. Прежде всего, существует сложность проведения демаркационной линии между философией и психологией. С другой стороны, происходит столкновение научного (догматического) и феноменологического (антидогматического, критицистского) знания. Работа феноменолога, оперирующего беспредпосылочным знанием, предполагает отказ от догматизации собственных теорий и методов. Поскольку феноменологический психолог стремится выработать тонкое понимание всесторонности человеческого опыта, руководствуясь беспредпосылочным знанием, постольку обращение к историко-философскому наследию, и прежде всего к античным и средневековым текстам, является оправданным решением, ибо именно там можно обнаружить первые донаучные попытки мыслителей нащупать способы описания опыта.

Ключевые слова

феноменология, история феноменологического движения, Гуссерль, интенциональность, опыт, античная философия, средневековая философия

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00911)

Для цитирования

Бердаус С. В., Санженаров А. А. Феноменология: ретроспективный и проспективный подходы (предварительный план исследования) // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 40–50. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50

© С. В. Бердаус, А. А. Санженаров, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

Phenomenology: Retrospective and Prospective Approaches

S. V. Berdaus, A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article outlines ways to determine the theoretical preconditions for the formation of phenomenological philosophy and provides some examples of the practical application of the phenomenological method in current social and human studies. The specificity of the approach implemented in the article is that the authors deliberately refuse to consider the primary sources of phenomenology (Kant, Brentano, etc.) and turn to the primary sources of this doctrine in ancient philosophy. The authors assume that addressing ancient philosophy allows to reveal all capabilities of the phenomenological method. The application of the phenomenological method in psychology faces a number of difficulties. Firstly, there is a problem of distinguishing between philosophy and psychology. Secondly, there is a difficulty in combining scientific (dogmatic) and phenomenological (anti-dogmatic, critical) knowledge. The task of a phenomenological psychologist is to develop an understanding of the diversity of human experience, guided by unpackaged knowledge. Therefore, an appeal to the philosophical heritage of the past, and above all to ancient and medieval texts, is a justified decision, because the first pre-scientific attempts of thinkers to find ways to describe experience are found there.

Keywords

phenomenology, history of the phenomenological movement, Husserl, intentionality, experience, ancient philosophy, medieval philosophy

Acknowledgements

The Investigations are supported by Russian Foundation for Fundamental Studies (project no. 20-011-00911)

For citation

Berdaus S. V., Sanzhenakov A. A. Phenomenology: Retrospective and Prospective Approaches. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 40–50. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50

Феноменология представляет собой одно из важнейших современных направлений философской мысли, а феноменологический метод успешно применяется во многих социально-гуманитарных дисциплинах. В качестве примера мы возьмем психологию, где уже давно сформировалось направление, в рамках которого используется феноменологическая методология. Вместе с тем среди профессиональных философов и представителей других гуманитарных наук до сих пор существует определенный уровень недоверия к наследию Гуссерля. Как будет показано ниже, во многом это связано с отсутствием в феноменологии должного уровня строгости, который ожидается от любой научной дисциплины, а также с внутренними противоречиями феноменологической психологии. С точки зрения авторов

статьи, одним из способов преодоления общего недоверия может быть демонстрация истории становления основных понятий и концепций феноменологии. Включив Гуссерля в историко-философский контекст и показав, что его идеи являются закономерным продолжением предыдущей традиции, мы надеемся убедить критиков в легитимности притязаний феноменологии. Более того, подобный экскурс позволит расширить и переопределить основания использования феноменологического метода в современных условиях.

Интенциональность и опыт до феноменологии

Под поисками предпосылок феноменологии обычно понимается исследование ближайших источников, предопределивших появление феноменологических идей и феноменологического движения. Среди этих ближайших источников окажутся такие философы, как Декарт, Локк, Юм и Кант, а также непосредственный учитель Гуссерля – Ф. Brentano. Показательным примером в этой связи может служить, известная монография Г. Шпигельберга «Феноменологическое движение. Историческое введение» [Spiegelberg, 1960], открывающаяся главой с названием «Подготовительный этап», которая начинается с изложения учения Ф. Brentano и его места в истории феноменологии. Однако феноменология есть не только реакция и ответ на предыдущую и ближайшую традицию (нововременной эмпиризм и рационализм, трансцендентализм Канта, скептицизм Юма), но и следствие более ранних историко-философских процессов. При определении предпосылок и причин появления феноменологии и феноменологического метода следует учитывать оба этих исследовательских аспекта – и ближайшие источники, и отдаленные. В настоящей статье наше внимание будет сосредоточено именно на отдаленных источниках, поскольку ближайшее влияние было довольно хорошо изучено ранее, и поскольку именно посредством обращения к ранним источникам авторы статьи надеются получить результаты, которые позволят дополнить и возможно улучшить феноменологический метод, а также расширить теоретические основания феноменологической традиции.

Глубокие экскурсии в историю осуществляют исследователи, занимающиеся историей понятийного аппарата феноменологии. Так, теоретические корни понятия «интенциональность»¹ обнаруживаются в поздней схоластике и арабской философии (у Авиценны и Аль-Фараби) (см.: [Caston, 2001. P. 23]). В то же время суще-

¹ Различая психические и физические явления, Ф. Brentano вводит понятие «интенциональность» – направленность психики на имманентную ей предметность. Гуссерль отказывается от этого реалистического подхода в пользу антипсихологического взгляда, интерпретируя интенциональность не просто как психологический феномен, но как «чистый» акт сознания (см.: [Бабушкин, 1985]).

ствуют попытки проникнуть в более глубокие пласты истории философии с целью показать наличие в античной философии предпосылок, оформившихся позднее в виде феноменологического понятия интенциональности. В 1999 г. в Базеле прошла конференция, посвященная этому вопросу, в результате чего вышла в свет коллективная монография [Perler, 2001]. Как отмечается в рецензиях на эту работу (см., например: [Gerson, 2002]), главным ее достижением является включение наследия античных философов в обсуждение проблемы выявления первых попыток осмысления внутреннего опыта и интенциональных предметов. По убеждению авторов этой коллективной монографии, античной философской традиции принадлежит заслуга первых шагов в этом направлении.

Следует отметить, что подобное расширение исторического экскурса имеет свои основания. В частности, сам Ф. Brentano, которому принадлежит заслуга по актуализации понятия интенциональности, признавал, что среди первых философов, заинтересовавшихся этой темой, были греки. «Еще Аристотель рассуждал об этих психических переживаниях. В книге “О душе” он говорил, что ощущаемое в качестве ощущаемого существует в ощущающем, чувство воспринимает ощущаемое без материи², а мыслимое существует в мыслящем разуме³. Равным образом, и у Филона мы находим учение о ментальном существовании и внутреннем существовании» [Брентано, 1996. С. 33].

Историю интенциональности можно начинать с поэмы Парменида Элейского «О природе», в которой область мышления четко отделяется от того, что невозможно мыслить и утверждается, что существующее и мыслимое тождественны. Иначе говоря, единственно существующими являются только предметы мысли. В дальнейшем, по замечанию Ф. Brentano, подобный психологический феномен «средневековые схоласты назвали интенциональным (или же метальным) внутренним существованием предмета» [Там же]. В диалогах Платона также обнаруживаются первые попытки осмысления природы интенциональных предметов. Описывая различные формы опыта (ощущения, воспоминания, знание, любовь и т. д.), Сократ всякий раз настаивает на том, что любые переживания направлены на «нечто», причем на «нечто существующее» (например: Theaet. 160a–d; Rep. 476e,

² См.: [Аристотель, 1975. С. 421]. Подобное понимание процесса получения чувственных впечатлений, действительно, отличается от, скажем, Демокритова понимания, согласно которому от внешних предметов истекают образы (τὰ εἴδωλα) и проникают в душу познающего субъекта через органы чувств. Условно говоря, в этом случае мы имеем прямую трансляцию познавательного материала, в то время как в случае с Аристотелем уместнее говорить о внутреннем постижении, что, конечно, не предполагает полной независимости познающего от внешнего мира.

³ Мёрфи в диссертации «Начало интенциональности» отстаивает позицию, что именно понятие «ум» (νοῦς) Аристотеля является истинным прообразом интенциональности, а не его теория ощущения (см.: [Murphy, 2005]).

478b) ⁴. Вместе с тем утверждается, что все эти формы опыта имеют своим предметом нечто отличное от себя (зрение направлено на предмет зрения, а не на само себя, страсть направлена на удовольствие, а не на саму себя). Хотя в некоторых диалогах речь идет о том, что наши интенциональные акты (допустим эту терминологическую модернизацию) направлены на «нечто существующее», в других (например, в «Филебе») – говорится, что имеются такие акты, которые направлены на «то, чего нет» (Phileb. 40c). Более развернутый анализ того, как можно мыслить и утверждать ложные мнения (мнения о том, чего не существует), мы обнаруживаем в «Софисте».

Средневековые теории интенциональности были инспирированы теорией восприятия и мышления Аристотеля. Как уже было сказано, наибольшее внимание в этом отношении уделялось учению о чувственном постижении – способности воспринимать формы ощущаемого без его материи (De An. II 12, 424a17–24; III 2, 425b23–24; III 4, 429a15–19; и III 8, 431b26–29). Непосредственно с этим связан постулат, согласно которому «действие и претерпевание происходят в претерпеваемом, а не в действующем» ⁵ (ἡ ποιήσις καὶ ἡ πάθησις ἐν τῷ πάσχοντι ἀλλ' οὐκ ἐν τῷ ποιοῦντι) (De An. III 2, 426a9–10) [Аристотель, 1975. С. 426]. Следует отметить, что представленные рассуждения Аристотеля далеко не в полной мере отражают проблематику интенциональности, поскольку касаются все же таких интенциональных состояний, которые вызваны внешними предметами и не учитывают таких парадигматических случаев интенциональности, как сны или надежды на будущее ⁶. Однако в работе «О памяти и припоминании» Аристотель демонстрирует хорошее понимание сущности интенциональности, когда заявляет, что нет мышления без образа (ἄνευ φαντάσματος) (De Mem. 449b31) (некоторого аналога интенционального предмета) и что разум способен мыслить предметы, «даже когда их нет» (μὴ ὄντων ὁμοίως νοήσει) (De Mem. 452b12).

Этот небольшой экскурс в историю показывает, что первые представления о внутреннем опыте и об интенциональном предмете впервые появились в Античности. Безусловно, подобного первоначального обращения недостаточно для всестороннего понимания первых попыток осмысления феномена интенциональности. Однако наше исследование позволяет с уверенностью сказать, что есть необходимость более широкого и глубокого обращения к текстам античных фило-

⁴ Здесь и далее древнегреческие тексты Платона и Аристотеля приводятся в круглых скобках и ссылки на них даются по изданиям: [Аристотель, 1975; 2004; Платон, 1993; 1994].

⁵ См. также: «...движение – действие и претерпевание – происходит в том, что подвергается воздействию» (τὸ ποικτικὸν καὶ κινητικὸν ἐνέργεια ἐν τῷ πάσχοντι ἐγγίνεται) (De An. III 2, 426a 4–5).

⁶ Caston V. Intentionality in Ancient Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/intentionality-ancient> (accessed date 25.01.2019).

соффов, с тем чтобы выявить особенности осмысления проблемы интернациональности в Античности.

Феноменологический метод в психологии

Психология является одной из тех научных дисциплин, которые наиболее поздно вышли из состава философии и приобрели самостоятельный статус. Исторически становление этой дисциплины было обусловлено такими тенденциями, как позитивизм и сциентизм. Если посмотреть с самой отвлеченной точки зрения, то можно обнаружить, что ведущими направлениями в данный момент являются выхолощенный (максимально объективистский и наукообразный) фрейдизм и бихевиоризм вкупе с различными направлениями нейропсихологии и экспериментальной психологии⁷. Оказавшись на твердой почве науки, представители этих направлений заняли скептическую позицию в отношении философии и ее инструментария. Так, устроение концепции Фрейда, попытки максимально онаучить его идеи привели к устранению некоторых явно ненаучных элементов. Например, не поддается полной рационализации содержание такого понятия, как «инстинкт смерти». На этом фоне особое место занимают такие направления, как феноменологическая психология, экзистенциальная психология, гуманистическая психология, объединяемые антипозитивистской установкой. Единым методологическим базисом для них стал отказ от построения психологии по образцу естественных наук⁸. В то же время вслед за Р. Мэйем следует отметить, что предметы анализа и фрейдизма, и экзистенциальной психологии совпадают – «тревога, отчаяние, отчуждение человека от себя и общества» [2017. С. 109]. Во многом такое совпадение объясняется тем, что данные направления сформировались в рамках одного социокультурного поля. Невротическая личность конца XIX века, характеризующаяся раздробленностью и различными формами отчуждения от себя, стала объектом анализа и для Фрейда, и для Кьеркегора (см.: [Там же. С. 110–114]).

Отказ от сциентистской установки привел феноменологическую психологию к ряду задач, которые не всегда успешно ею решаются. Прежде всего, речь идет

⁷ Зачастую, феноменологическую психологию понимают как составную часть более широких направлений – экзистенциальной и гуманистической психологии (что отчасти является верным, а отчасти – нет) (см.: [Улановский, 2007]). В данной статье мы будем вести речь о всех этих направлениях вместе, условно объединяя их под именем «феноменологически-экзистенциальной психологии».

⁸ В монографии «Исторический смысл психологического кризиса» Л. С. Выготский «описывает две основные взаимоисключающие тенденции. Для этих несовместимых тенденций трудно подобрать точные названия, но, определенно, можно отметить, что психологии, представляющие первую тенденцию, ориентированы на образцы естественнонаучного исследования, в то время как психологии, составляющие вторую тенденцию, строятся по образцам гуманитарных наук» [Кучинский, 2010. С. 14].

о техниках и алгоритмах привнесения философского знания в практическую область. Каким именно образом феноменология может составить некий продуктивный базис для психологических исследований? С одной стороны, устроение механизмов работы приводит к нивелированию философской составляющей феноменологии. С другой стороны, вольное применение методики ведет к снижению уровня строгости и справедливым упрекам в надуманности выводов и отсутствию последовательности.

Приступая к анализу проблематики использования феноменологического метода на практике, сделаем одно критическое замечание относительно общей тенденции в восприятии феноменологического метода в гуманитарных науках. Ключевым моментом этой тенденции можно считать наличие своего рода шкалы аутентичности реализации данного метода. Предельными координатами этой шкалы выступают, с одной стороны, заимствование метода во всей полноте его концептуального замысла, а с другой – использование его на уровне эрзаца. Последнее во многом обусловлено *prima facie* базовой методологической установкой феноменологии, которая самим Гуссерлем сформулирована следующим образом: «Переживания сознания мы будем рассматривать во всей полноте конкретизации, с какой выступают они в своей конкретной взаимосвязи, потоке переживания, и в какую сливаются они по своей сущности. Тогда станет очевидным и то, что всякое переживание потока, какое способен схватить рефлексивный взгляд, обладает своей собственной, интуитивно постигаемой сущностью, “содержанием”, какое в своей самобытности позволяет рассматривать себя для себя. Нам же важно схватить это самобытное наполнение *cogitatio* в его чистой самобытности и охарактеризовать его всеобще, т. е. исключая все, что не заключено в *cogitatio* согласно тому, что она такое в себе самой. Равным образом необходимо охарактеризовать и единство сознания, какое исключительно требуется собственным наполнением любых *cogitationes*, причем с такой неременностью, что без такого единства они не могут существовать» [2009. С. 107]. Гуссерль предлагает новый познавательный метод, позволяющий охватить и представить переживаемый опыт во всей его многогранности и неоднозначности, что в свою очередь позволяет зафиксировать уникальность каждого момента в нашем сознании. Подобная интроспекция раскрывает содержание сознания как уникального феномена с собственным конститутивным содержанием, которое обеспечивается не столько отдельными актами, сколько единой структурой сознания. В следующем параграфе обсуждаемой работы следует известный пример с листом белой бумаги, который Гуссерль видит и ощупывает, заключая, что «такое восприятие – видение-ощупывание – листа бумаги, как полностью конкретное переживание лежащего здесь листа бумаги, причем данного с точно такими-то качествами, в точно такой относительной неясности, в такой

неполной определенности, являющегося так-то ориентированным относительно меня, – и есть cogito, переживание сознания» [Там же]. Соответственно, в центре интереса Гуссерля не сам белый лист, а интенциональное переживание этого листа. Таким образом, если мы хотим охарактеризовать нижнюю координату шкалы аутентичности реализации феноменологического метода, то в качестве таковой следует признать паллиативное использование метода с особым акцентом на отдельные структуры опыта.

Практика применения феноменологической методике в психологии и психотерапии, а также теоретические исследования в этой области показывают, что большая часть проблем проистекает из двух затруднений. Во-первых, в этой дисциплине наблюдается сложность в разграничении компетенций философа и психолога. Поскольку представители феноменологически-экзистенциальной психологии отказываются проводить линию демаркации между философией и психологией, в отличие от ранее обозначенных позитивистских психологов, постольку под вопросом оказывается уровень введения философской составляющей в методологически-практическую часть психологии. Во-вторых, феноменологический метод как таковой произрастал на почве критицистской установки феноменологии, ее принципиального обособления от догматических и скептических позиций, что в свою очередь влечет несвойственные для науки в традиционном смысле методологические обязательства. Речь идет о том, как научное мышление, которому присуща догматическая установка, может состояться на базе критической установки. Иначе говоря, работа ученого предполагает наличие ясных и неизблемых теоретических и методологических установок, а работа феноменолога, оперирующего беспредпосылочным знанием, предполагает отказ от догматизации собственных теорий и методов, что ведет к очевидному конфликту.

Исходя из вышеперечисленных затруднений, первой задачей феноменологического психолога является отказ от предпосылочного знания вкупе с выработкой тонкого понимания всесторонности человеческого опыта. Если первое сделать сравнительно просто, то второе условие выполнить гораздо сложнее. Можно выделить по меньшей мере три решения. Самым очевидным будет обращение к собственному опыту, что, однако, предполагает довольно глубокий и разнообразный внутренний мир практикующего психолога. Другой вариант – обращение к естественному чувству эмпатии, позволяющему проникнуть в переживания другого человека и понять их специфику. Наконец, возможно обращение к историко-философскому наследию, прежде всего к античным и средневековым текстам. Последнее решение является не столь очевидным как два первых и может быть расценено как окольный путь. Тем не менее обращение именно к текстам античных и средневековых авторов позволит обнаружить первые донаучные попытки мыс-

лителей прошлого нащупать способы описания опыта, а также соотнести воедино различные компоненты, которые связывают человека – телесность, эмоции, намерения, моральные убеждения и т. п. Важно отметить, что именно Античность и схоластика являются наиболее удобным плацдармом для изучения опыта в том виде его концептуализации, который еще не получил высокую степень универсализации и объективации, характерную для Нового времени. Такой подход наиболее отвечает видению Гуссерля, который выступал с критикой европейской рациональности. Критическое отношение Гуссерля к европейской науке ясно показано в его работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (см.: [Гуссерль, 2013]). В качестве выхода Гуссерль видел переопределение оснований научного мышления, устранение разрыва между субъективизмом и объективизмом, создание подлинной психологии, раскрывающей трансцендентальную субъективность (см.: [Гуссерль, 2009. С. 15]). Возвращаясь к более частной проблеме феноменологической психологии, отметим, что из вышесказанного очевидно, что обращение к самым ранним экспликациям внутреннего опыта в античной и средневековой философии является одним из перспективных способов преодоления затруднений в этой дисциплине.

Список литературы / References

- Аристотель.** Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 4.
Aristotle. Sochineniya [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. (in Russ.)
- Аристотель.** Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Пер. Е. В. Алымовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
Aristotle. Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati [Protrepticus. On Sense and the Sensible. On Memory]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2004. (in Russ.)
- Бабушкин В. У.** Феноменологическая философия науки. М.: Наука, 1985.
Babushkin V. U. Fenomenologicheskaya filosofiya nauki [The phenomenological philosophy of science]. Moscow, Nauka, 1985. (in Russ.)
- Брентано Ф.** Избранные работы / Пер. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996.
Brentano F. Izbrannyye raboty [Selected Works]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi Publ., 1996. (in Russ.)
- Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2009. 489 с.
Husserl E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2009. (in Russ.)

- Гуссерль Э.** Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Наука, 2013.
- Husserl E.** Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Moscow, Nauka, 2013. (in Russ.)
- Кучинский Г. М.** Феноменологическая психология Э. Гуссерля // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 14–25.
- Kuchinskii G. M.** Fenomenologicheskaya psikhologiya E. Gusserlya [The phenomenological psychology of E. Husserl]. *Psychological Journal*, 2010, no. 1, p. 14–25. (in Russ.)
- Мэй Р.** Теория и практика экзистенциальной психологии / Пер. С. Римского. М.: ИОИ, 2017.
- May R.** Teoriya i praktika ekzistsentsial'noi psikhologii [Theory and Practice of Existential Psychology]. Moscow, IOI Publ., 2017. (in Russ.)
- Платон.** Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
- Plato.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, vol. 2. (In Russ.)
- Платон.** Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
- Plato.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3. (in Russ.)
- Улановский А. М.** Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 130–150.
- Ulanovskii A. M.** Fenomenologicheskii metod v psikhologii, psikhiiatrii i psikhoterapii [Phenomenological Method in Psychology, Psychiatry and Psychotherapy]. *Methodology and History of Psychology*, 2007, vol. 2, no. 1, p. 130–150. (in Russ.)
- Ancient and Medieval Theories of Intentionality. D. Perler (ed.). Leiden, Brill, 2001.
- Caston V.** Connecting Traditions Augustine and the Greeks on Intentionality. In: Ancient and Medieval Theories of Intentionality. D. Perler (ed.). Leiden, Brill, 2001, p. 23–48.
- Gerson L. P.** Ancient and Medieval Theories of Intentionality (review). *Journal of the History of Philosophy*, 2002, vol. 40, no. 4, p. 539–540.
- Murphy D. J.** Origin of Intentionality. Thesis submitted to the Department of Philosophy in partial fulfillment of the requirements for Doctor of Philosophy. Wilfrid Laurier University, 2008.
- Spiegelberg H.** The Phenomenological Movement. A Historical Introduction. Hague, Nijhoff, 1960, vol. 1.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Бердаус Светлана Владимировна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Svetlana V. Berdaus, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

s.berdaus@yandex.ru

Александр Афанасьевич Санженakov, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sanzhenakov@gmail.com

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-51-61

Сибирская философия в ситуации «десакрализации» научного знания

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассмотрен феномен «десакрализации» научного знания как следствие развития виртуальных интернет-технологий. Показано, что процесс десакрализации знания может оказаться решающим фактором в переконфигурации сложившейся иерархии научного знания. Это может способствовать преодолению интеллектуального разрыва, существующего между столичной и провинциальной наукой. «Интеллектуальный вызов» рассматривается как характеристика актуального состояния сибирской философии и как часть более крупных волн интеллектуального вызова, возникающего перед всеми философскими и социальными науками и формирующегося в результате изменения количественных и качественных характеристик научного знания.

Ключевые слова

сибирская философия, «провинциальная философия», «туземная философия», «десакрализация» знания, иерархия

Для цитирования

Зазулина М. Р. Сибирская философия в ситуации «десакрализации» научного знания // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 51–61. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-51-61

Siberian Philosophy in the Situation of “Desacralization” of Scientific Knowledge

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper considers the phenomenon of “desacralization” of scientific knowledge as a consequence of the development of virtual Internet technologies. It is shown that the process of desacralization of knowledge can be a decisive factor in the reconfiguration of the existing hierarchy of scientific knowledge. This can

© М. Р. Зазулина, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

help to bridge the intellectual gap existing between the metropolitan and provincial science. “Intellectual challenge” is considered as a characteristic of the current state of Siberian philosophy and as part of the larger waves of intellectual challenge that faces all philosophical and social sciences and is formed as a result of changes in the quantitative and qualitative characteristics of scientific knowledge.

Keywords

Siberian philosophy, “provincial philosophy”, “native philosophy”, “desacralization” of knowledge, hierarchy

For citation

Zazulina M. R. Siberian Philosophy in the Situation of “Desacralization” of Scientific Knowledge. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 51–61. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-51-61

Данная работа представляет собой размышление по поводу ситуации, сложившейся в социальных и философских науках, которая характеризуется формированием различных кластеров научного знания и существованием между ними интеллектуального и коммуникативного дисбаланса. Данная дискуссия была инициирована статьей петербургских социологов М. Соколова и К. Титаева «Провинциальная и туземная наука» [2013].

Авторы представили науку в виде иерархии научного знания, создаваемую неравномерным распределением коммуникаций. В рамках такой иерархии выделяются три кластера научного знания, представляющие собой различные типы коммуникаций: столичная, провинциальная и туземная наука (к последним двум относится почти вся наука за пределами Москвы). Туземная и провинциальная наука являются «коммуникативными изолятами» по отношению к столичной науке и существуют «в условиях искаженной, не равноценной коммуникации, которая и задает иерархию различных научных локаций» [Там же. С. 240].

Авторы отметили, что подобное деление представляет собой «идеальные типы», возникает «во всех национальных академических мирах» и «во всех дисциплинарных сообществах» [Там же. С. 252]. Однако тот факт, что предметом исследования стали именно отечественные социальные науки, вызвал живой отклик со стороны представителей самых различных социальных наук [Форум..., 2013]. Определение науки как столичной, провинциальной и туземной, характеризует не только географические позиции, занимаемые учеными в научных сетях (кто-то работает в столице, а кто-то в регионах). Эти же категории интуитивно воспринимаются как оценочные, т. е. как характеристика разных уровней научного мышления, причем разных по качеству. Таким образом, статья Соколова и Титаева предполагает систему интеллектуального неравенства, которая репрезентируется в виде неравномерного распределения коммуникаций. В ходе дискуссии, развернувшейся по поводу статьи, неожиданно полно и интересно оказалось раскрыто

не только отношение к обозначенной постановке проблемы, но была дана характеристика состояния социальных наук самими их представителями.

Что еще более важно, полученный отклик можно рассматривать как демонстрацию самоощущения представителей социальных наук, живущих и работающих в различных «уголках России». И в этом самоощущении прослеживается определенная закономерность. Предложенный дискурс в терминах «провинциальное / туземное» был продолжен в каждой статье, что можно интерпретировать как согласие членов дискуссии с изначальной постановкой проблемы. Кроме этого, практически все участники форума, описывая состояние дел в своих дисциплинах, обращаются к терминологии и метафорам, почерпнутым из антропологии, психиатрии, биологии. Подобные сравнения можно интерпретировать как некий диагноз, который социальная наука невольно ставит сама себе, ощущая свое состояние либо как болезненное, либо как находящееся на невысокой ступени развития. Можно предположить, что за всем этим кроется один большой оценочный комплекс. И это – комплекс неравноценности по сравнению с естественными и точными науками, по отношению к которым на сегодняшний момент все социальные науки позиционированы как вторичные и туземно-провинциальные.

Постулирование существования системы интеллектуального неравенства как характерной черты отечественных социальных наук обуславливает при условии согласия с такой оценкой необходимость поиска путей выхода из сложившейся ситуации. Возможности ее преодоления были обозначены Н. С. Розовым в работах «Путь к столичности – наука, бросающая вызов» [2013] и «Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть “провинциализм” и “туземство”»¹.

В отличие от Титаева и Соколова, которые лишь фиксируют состояние туземства и провинциализма в интеллектуальной сфере, Розов рассматривает возможность преодоления такого состояния: каким образом возможно стать интеллектуальным центром, «достижения которого получают внимание извне, слова и идеи которого “слышны”, а главное – как можно преодолеть разобщенность внутри себя, слышать друг друга и коммуницировать друг с другом (это относится и к сибирской, и к российской философии)².

Возможная перспектива размышлений в данном направлении обозначена в виде метафоры «науки, бросающей вызов» [Розов, 2013. С. 130]. Кризисная ситуация проблематизируется как ситуация интеллектуального вызова, обращенного к тому, что охарактеризовано как туземная и провинциальная наука. Это позволяет сме-

¹ См.: Розов Н. С. Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть «провинциализм» и «туземство» // Идеи и идеалы. 2020 (в печати).

² Там же.

стить рассмотрение от постулирования состояния дел в «нестоличной» науке и от причин наличия такого представления об иерархии в сфере науки к поиску интеллектуальных и идейных оснований, которые могли бы стать началом нового интеллектуального подъема и способствовать прорыву социального и философского знания в осмыслении социальной реальности.

Кроме этого, интересным оказывается вопрос о влиянии географической удаленности от центров и локализованности в Сибири на специфику философской рефлексии, который связан с необходимостью конструирования специфической сибирской идентичности и одновременно специфической сибирской философии.

Все это выглядит крайне заманчивым приглашением к размышлению над тем, каковы сегодня пути и перспективы передачи философского знания, а также над тем, как могут (должны?) идентифицировать себя люди, занимающиеся философией и, волею судеб, проживающие крайне удаленно и географически локализованно от мировых философских центров, да и от всего мира. Ниже представлен авторский вариант размышлений на предложенную тему и акцентировано внимание на отдельных аспектах проблемы, значимых, по мнению автора, для современного состояния дел в сфере социальных наук и для дальнейшего развития событий.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что циркуляция и распространение философского и, шире всего, научного знания претерпевает значительные изменения в связи с развитием интернет-технологий и расширением интернет-сетей – виртуализацией знания. За этими процессами неизбежно следует процесс, который можно назвать «десакрализацией» любого знания. «Десакрализация» означает, что знание становится более доступным, оно перестает быть чем-то спрятанным в монастырях или университетах, чем-то элитным, предназначенным только для избранных, тех, кто попадает в сеть «учитель-ученик» в их традиционном понимании.

Мы живем в эпоху, когда знание становится все более открытым, и мы можем наблюдать это в целом ряде процессов и явлений. Нахождение философской литературы любого вида, от классических трудов до последних рецензий и дискуссий становится все более простым и быстрым. То же касается работ по смежным, да и не смежным дисциплинам. Причем процесс активной виртуализации и десакрализации знания начался лишь последние пару лет и в перспективе будет лишь нарастать.

В результате фрагментарное раньше знание приобретает форму единого поля, в котором знания всех наук оказываются (хотя бы гипотетически) соотносимы друг с другом. Мы получаем возможность соединить вместе части, которые рань-

ше существовали разрозненно, что, скорее всего, приведет и уже приводит к изменению наших представлений о мире. Проясняются связи между процессами в различных областях, обнаруживаются параллели между явлениями, которые раньше казались не связанными. Мы не знали об этом раньше, потому что объем работ по определенным проблематикам был либо слишком большим, либо какие-то труды были недоступны. В перспективе это должно привести к тому, что философские и социальные науки выйдут на качественно иной уровень, поскольку получат дополнительный материал для осмысления.

При сохранении современных тенденций в развитии знания такой процесс представляется неизбежным, поскольку отражает действие одного из эволюционных законов, в соответствии с которым на больших территориях эволюционный прогресс и рост конкурентоспособности происходят быстрее, чем на небольших [Марков, 2015]. Перефразируя этот закон, можно сказать, что увеличение объема информации способствует либо выявлению большего количества закономерностей, либо выявлению закономерностей более общего уровня. И история науки представляет много ярких примеров, подтверждающих это правило (для этого достаточно обратить внимание не только на сами научные труды, но и на историю их создания, на контекст).

Например, историки науки показали, что теория естественного отбора у Ч. Дарвина возникла как результат аккумуляции биологической, сельскохозяйственной и социальной мысли. При этом основные идейные положения были почерпнуты из трудов британских философов, демографов, экономистов и социологов того времени, в частности трудов Мальтуса, А. Смита. Именно в их изложении идея индивидуальной конкуренции в обществе, равно как идея существования закономерностей в росте популяций были восприняты Ч. Дарвиным и стали основой для формулирования идеи эволюционной [Смирнова, Галл, 2009]. Это яркий пример того, как смелые оригинальные теоретические обобщения на фоне объединения различного знания привели к качественному скачку в познании.

В таком же ключе можно интерпретировать, например, достижения Н. Кондратьева (сопоставив данные макроэкономических показателей стран Западной Европы и США с 1790 по 1920 гг., он пришел к идее экономических циклов [2002]), Т. Куна (не просто изучил огромный пласт истории науки, чтобы понять, как совершаются научные революции, но, кроме этого, подошел к специфике работы научного мышления с точки зрения психологических и социальных аспектов [2003]), П. Сорокина (идея закономерностей в развитии социальных кризисов и их амбивалентных характеров, известных как «закон позитивной и негативной поляризации», появилась в результате анализа 1622 случаев социальных кризисов [1997]).

Список примеров можно продолжать бесконечно: вся современная теория статистики, да в принципе вся история развития наук (естественных, точных, гуманитарных) показывает, что увеличение объема данных способствует выявлению закономерностей и увеличению знаний о мире. Путь к научным революциям заключается в увеличении объемов информации, сопровождаемых аккумулярованием знаний различных дисциплин.

Если рассматривать дальнейшее развитие философии в контексте отмеченных тенденций развития знания, то можно предположить, что десакрализация знания существенно повлияет в недалеком будущем не только на само знание, но и на структуру интеллектуальных сетей, в которых оно распространяется. Дело в том, что деэлитизация знания не может не повлиять на существующие иерархии, потому что если специфика туземства и провинциализма в науке заключается «в более простом взгляде на жизнь», то их главная проблема, возможно, сводится к недостатку и недоступности текстов. А значит, процесс десакрализации знания (при условии, что он будет развиваться в том же направлении такими же темпами) в значительной степени может сделать неактуальными попытки деления науки на «провинциальную», «туземную» или «столичную». Произойдет превращение современных ситуаций, оцениваемых в сети как иерархии, характеризующиеся более или менее равномерной расстановкой сил.

С такой точки зрения перспектива развития дальнейшего знания действительно видится как интеллектуальный прорыв, т. е. профессор Н. С. Розов прав. И проживание в Сибири, на мой взгляд, может оказаться одним из факторов, значимых для такого прорыва. Суровый климат и невозможность идти наперекор силам природы способствуют тому, чтобы быть отстраненными и удаленными и в прямом, и в переносном смысле. Географическая удаленность Сибири может стать фактором, облегчающим возможность выхода за рамки всех школ и направлений, позволяющим взглянуть на ситуацию «извне». А значит, обрести иной, отличающийся от обычного, взгляд на мир. И в этом, возможно, одно из оснований для идентификации сибирской философии.

Статья Н. С. Розова как раз озвучивает запрос на то, чтобы процесс этой идентификации стал более интенсивным и ярко выраженным, потому что пока «самосознание философов и философии в Сибири находится в самом начале своего роста и развития». Предполагается, что для этого сибирская философия должна проделать путь от «формально-географического объединения философов и их творчества по территориальному признаку», до некоего идеального состояния

«интеллектуального центра с открытыми возможностями и путями развития в обширном пространстве центров и сетей российской и мировой философии»³.

Таким образом, сибирская философия предстает как концентрация интеллектуальной мысли, географически локализованная в Сибири, но интеллектуально ориентированная как внутрь, так и вовне. С такой точки зрения призыв к интеллектуальному прорыву звучит, прежде всего, как призыв к преодолению представления об интеллектуальной изоляции. И он может пониматься двояко. Как необходимость быть услышанным другими и как потребность в получении объема информации, необходимой для интеллектуального прорыва (напомню, главная проблема «провинциализма» и «туземства», возможно, сводится к недостатку и недоступности текстов).

В целом соглашусь, что сегодня сибирская философия находится в ситуации интеллектуального вызова. Однако есть вероятность, что этот интеллектуальный вызов, который мы чувствуем, является частью более широкой волны вызова, возникающего перед всеми философскими и социальными науками и формирующегося в результате изменения количественных и качественных характеристик научного знания.

Однако в таком случае сама дискуссия о специфике сибирской философии становится неактуальной, поскольку мы все постепенно движемся к тому, чтобы стать «философами мира». Таким образом, в условиях десакрализации знания «изолированность» сибирской философии в перспективе перестанет оцениваться в качестве интеллектуальной изолированности и останется лишь характеристикой географического положения. Это снимет многие ограничения, связанные с удаленностью, но, вполне вероятно, подчеркнет и усилит возможности, связанные с занимаемой позицией. Туземность, провинциальность на одном полюсе могут обернуться неприкаянностью и неукорененностью, но на другом – номадизмом и пассионарностью.

Возможным толчком к интеллектуальному прорыву может послужить переосмысление задаваемых современной иерархией научного знания категорий. Действительно, каждая позиция в иерархии научного знания связана как с ограничениями, так и с возможностями⁴. «Провинциальная» и «туземная» науки демонстрируют установки и более простые, и более «простодушные», чем наука «столичная». Ограничения подобных позиций, связанные с недостатком зна-

³ Розов Н. С. Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть «провинциализм» и «туземство».

⁴ Там же.

ний или компетентности, были в достаточной степени обсуждены в упомянутых статьях.

Возможности могут быть поняты, если переосмыслить отношение к понятиям «туземство» и «провинциализм», которые изначально являются антропологическими метафорами и описывают определенное мировосприятие, характерное для примитивных народов, но также и для детей. В этом случае возможность быть «туземным» философом может восприниматься как интересная и продуктивная позиция, за которой открывается образ ученого с наивным детским взглядом на мир, не зашоренного обязательной принадлежностью к столичным школам. Эвристический потенциал такой позиции очевиден. Более того, этот характерный для примитивных народов и для детей простой взгляд на жизнь востребован уже сегодня. Доказательством востребованности такой позиции, например, служит неожиданное внимание к выступлениям шведской школьницы эко-активистки Греты Тунберг, которая, публично продемонстрировав детскую наивность, неожиданно была услышана и снискала благосклонность мировой общественности.

С практической точки зрения проблема самоидентификации сибирской философии заставляет задуматься не только «о своем месте под солнцем», но о конкретных формах взаимодействия между сибирскими философами, она показывает необходимость нахождения путей обмена мнениями по значимым и дискуссионным проблемам.

Таковыми могут стать, например, выпуски номеров журналов, посвященные заранее определенным темам, значимым для большей части научного сообщества, и таким, которые смогут получить отклик в виде необходимого количества и качества статей. Ярким примером как раз выступает Форум «Провинциальная и туземная наука» [2013].

К сожалению, современная система подсчета публикаций по системе DOI вынуждает нас переориентироваться преимущественно на публикации в журналах ВАК и «выше» и снижать количество статей, пишущихся просто для РИНЦ. А вот нахождение журнала ВАК, который стал бы постоянной площадкой для организации подобных тематических выпусков, на современном этапе, скорее всего, окажется практически нерешаемой проблемой.

Еще одним выходом из ситуации видится создание интернет-площадок. Например, это могут быть ресурсы для размещения статей отдельных работ (не только местных, но и столичных и зарубежных) с возможностью написания комментариев и обсуждений. Либо интернет-форумы не для публикационной активности, а для быстрого обмена мнениями. Назовем это «виртуализацией» философской дискуссии или созданием «философии on-line». Такой путь сплочения представляется более перспективным, поскольку менее затратен с финансовой точки зрения.

Кроме этого, он будет менее формализован, что может оказаться интеллектуально более интересным и полезным, поскольку позволит быстрее схватывать и обкатывать какие-то научные идеи. Однако в данном случае могут возникнуть проблемы, связанные с дальнейшей публикацией этих самых идей, которые уже окажутся «не новыми».

Вопрос заключается в другом: необходимо ли формирование сообщества сибирских философов? Существует ли потребность именно в такой локальной идентичности? Нужна ли она сейчас или будет востребована, но в дальнейшем? Это вопрос дискуссионный, поскольку связан он со спецификой самоорганизации сообществ. Когда речь идет о процессе самоорганизации, то важно, чтобы все ее формы были естественны, а значит, востребованы временем (т. е. своевременны): они ни в коем случае не должны носить принудительный характер, потребность в них должна быть осознана самими потенциальными членами сообщества, а общество и его технологии должны обладать ресурсами для их реализации.

Пока этого не происходит, следовательно, сами потенциальные участники сообщества (например, философы, проживающие и работающие на территории Сибири) до этого «не доросли» и им вполне достаточно форм организации и самоорганизации, задаваемых рамками тем и направлений работы их учреждений, получаемыми грантами и сложившимися традициями исследований. Можно сказать, что сибирская философия, да и российская философия существуют по большей части в виде собрания кодифицированных философских текстов, а не в виде живой актуальной дискуссии.

Возможно, с созданием новых форм самоорганизации философских сообществ пока не стоит торопиться. Но следует иметь в виду, что формируется запрос на интеллектуальный прорыв и постепенно будет формироваться и запрос на новые формы коммуникации.

В заключение вернусь к вопросу, поднимаемому профессором Н. С. Розовым: находится ли сибирская философия на пороге прорыва? На мой взгляд, она находится в процессе осознания своих возможностей. И воспринимать философию сегодня имеет смысл именно как предприятие по подготовке к поиску новых идей, стоящую на пороге переопределения понятий, переконфигурации теорий и т. д. Потенциал этого прорыва идейно-интеллектуальный. Вызов из Сибири может быть только вызовом идей. Таких, что провоцируют коммуникацию. Но сам этот прорыв является частью более крупных волн «десакрализации» знания, аккумуляции информации и переосознания науками самих себя.

Список литературы / References

- Кондратьев Н.** Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Кондратьев Н. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.
Kondratiev N. Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya [Large cycles of conjuncture and the theory of foresight]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Ekonomika, 2002, 767 p. (in Russ.)
- Кун Т.** Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii [Structure of scientific revolutions]. Moscow, Izdatelstvo AST Publ., 2003, 605 p. (in Russ.)
- Марков А.** Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель, Corpus, 2015. 322 с.
Markov A. Rozhdenie slozhnosti. Evolyutsionnaya biologiya segodnya: neozhidannye otkrytiya i novye voprosy [The Birth of complexity. Evolutionary biology today: unexpected discoveries and new questions]. Moscow, Astrel, Corpus, 2015, 322 p. (in Russ.)
- Розов Н. С.** Путь к столичности – наука, бросающая вызов // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 122–132.
Rozov N. S. Put' k stolichnosti – nauka, brosayushchaya vyzov [The Way to the capital – the challenging science]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2013, no. 19, p. 122–132. (in Russ.)
- Смирнова В. С., Галл Я. М.** Влияние Томаса Мальтуса и Адама Смита на формирование идеи естественного отбора Ч. Дарвина // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Серия: История. 2009, № 1. С. 31–40.
Smirnova V. S., Gall Ya. M. Vliyanie Tomasa Mal'tusa i Adama Smita na formirovanie idei estestvennogo otbora Ch. Darvina [Influence of Thomas Malthus and Adam Smith on Darwin's idea of natural selection]. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Series: History*, 2009, no. 1, p. 31–40. (in Russ.)
- Соколов М., Титаев К.** Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
Sokolov M. Titaev K. Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and native science]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2013, no. 19, p. 239–275. (in Russ.)
- Сорокин П.** Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 350 с.
Sorokin P. Glavnye tendentsii nashego vremeni [Main trends of our time]. Moscow, Nauka, 1997, 350 p. (in Russ.)

Форум: Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 11–238.

Forum: Provintsialnaya i tuzemnaya nauka [Forum: Provincial and indigenous science]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2013, no. 19, p. 11–238. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
12.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Зазулина Мария Рудольфовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya R. Zazulina, Candidate of Science (Philosophy), Senior researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

zamashka@yandex.ru

УДК 1:3; 001.8:3

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-62-73

Теория социального качества как инструмент анализа социальных процессов: возможности и границы применения

В. В. Самсонов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются современные подходы к изучению социальной динамики, нашедшие концептуальное выражение в теориях социального качества жизни, связывающих экономико-статистические данные с индикаторами, отражающими интегративные связи и формы социального взаимодействия внутри сообществ. Попытка оценки эффективности данных теоретико-методологических подходов осуществляется в контексте анализа такой проблемы российского общества, как возросший уровень эмиграционного оттока из страны в последние годы.

Ключевые слова

индикаторы, показатели социального развития, социальная динамика, качество жизни, методология, модернизация, социальное качество

Для цитирования

Самсонов В. В. Теория социального качества как инструмент анализа социальных процессов: возможности и границы применения // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 62–73. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-62-73

Theory of Social Quality as a Tool for Analyzing Social Processes: Opportunities and Scope of Adaptation

V. V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper considers modern approaches to the study of social dynamics, which are conceptually reflected in theories of social quality of life, linking economic and statistical data with indicators reflecting integra-

© В. В. Самсонов, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

tive relationships and forms of social interaction. An attempt to assess the effectiveness of these theoretical and methodological approaches is carried out in the context of analyzing such a problem in Russian society as the increased level of emigration in recent years.

Keywords

indicators, indicators of social development, social dynamics, quality of life, modernization, social quality

For citation

Samsonov V. V. Theory of Social Quality as a Tool for Analyzing Social Processes: Opportunities and Scope of Adaptation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 62–73. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-62-73

В начале XXI в. общепризнанной задачей исследования в социальных науках становится измерение благосостояния общества как показателя социального прогресса, выходящего за рамки экономических показателей. Теоретико-методологическими концепциями, направленными на сравнительное изучение социальной динамики в различных обществах, разрабатывается широкий набор разнопорядковых индикаторов, от традиционных объективных статистических показателей (имеющих отношение в первую очередь к развитию экономической сферы) до субъективно-социологических переменных (включающих оценки людьми качества своей жизни, условий повседневного существования, прав и возможностей в публично-политической сфере). А традиционные показатели развития, такие как, например, валовой внутренний продукт, данные о промышленном и сельскохозяйственном производстве, инвестициях в капитал и т. п., все чаще признаются недостаточными

В данной работе мы рассмотрим этапы формирования современных подходов к изучению динамики социального развития, их объединение в системы и методологические модели, нашедших концептуальное отражение в понятии «социальное качество жизни». Попытка оценки эффективности этих методологически-концептуальных подходов будет осуществлена в применении к контексту одной из важнейших социальных проблем России, возникшей в последние годы и проявляющейся в резко возросшем уровне оттока из страны наиболее образованных и востребованных в инновационных сферах специалистов и в возросшей распространенности миграционных настроений среди молодежи. (Причем как причины отъезда эмигранты отмечают недостатки развития именно в тех сферах, которые выделяются исследованиями социального качества жизни как ключевые для успешного и эффективного развития современного общества).

Социальные показатели и качество жизни: современные подходы к изучению динамики социального развития

Современное общепринятое понимание «качества жизни» как специфического набора индикаторов социальной динамики (совмещающего в себе как статистические, экономические данные, так и показатели социально-интегративных процессов, отражающие переход к постиндустриальной и посткапиталистической фазе развития западных обществ) возникло в середине 1960-х гг. Считается, что впервые в отчетливой форме данная методология была сформулирована в результате реализации проекта под управлением агентства НАСА по выявлению влияния космической программы на американское общество и побочные эффекты этого воздействия. Директором этого проекта, Р. Бауэром, был сделан вывод о почти полном отсутствии соответствующей методологии, и была разработана система «социальных показателей», включающая в себя «данные, набор статистических рядов и другие доказательства, позволяющие определить, где находится общество и куда оно движется в отношении ценностей и целей» [Bauer, 1966]. Аналогичные исследования вскоре начали осуществляться под эгидой ООН, под руководством других национальных и международных институтов. Быстрое распространение нового концептуально-методологического подхода было связано с особым политическим климатом тех лет, которые воспринимаются сегодня как период процветания, когда в наиболее развитых западных обществах впервые возникают сомнения относительно экономического роста и материального процветания как основной цели социального прогресса. Концепция «качества жизни» возникла как воплощение альтернативной, многомерной и гораздо более сложной цели развития обществ, оказавшихся перед пределами дальнейшего роста и обеспокоенных экологическими условиями существования. Входящие в набор методологических компонентов индикаторы отражали специфические аспекты анализа комплексных процессов модернизации, представляя собой «сбалансированные статистически-нормативные наблюдения, позволяющие вынести краткие, всеобъемлющие и взвешенные суждения» о состоянии важнейших сфер и элементов общества, его движение в «правильном направлении», в то время как «другие вещи не меняются или меняются незначительно» (см.: [Zapf, 1993. P. 165]).

В рамках социально-качественного подхода основное внимание уделяется как разработке стандартов для мониторинга прогресса в модернизации общества, так и решению связанных с этим проблем, и выделяются различные компоненты, наборы индикаторов, избираемых для эмпирического измерения. В частности, различие между так называемыми «объективными» и «субъективными» социальными показателями тесно связано с соответствующей концептуальной системой отсчета.

В то время как объективные социальные индикаторы представляют собой статистические данные, показывающие социальные факты, независимые от личных оценок, субъективные социальные индикаторы отражают индивидуальное восприятие и оценку социальных условий.

Выбор объективных показателей отталкивается от предположения, согласно которому условия жизни как благоприятные или неблагоприятные можно оценивать путем сравнения реальных условий с нормативными критериями. Важным предварительным условием для этого является наличие общественного консенсуса по таким вопросам, как: 1) индикаторы, имеющие значимость для анализа благосостояния; 2) ранжирование условий; 3) выбор направления, в котором должно двигаться общество. Ранжирование индикаторов всегда может быть подвергнуто критике. Так, сокращение безработицы и преступности или рост доходов населения, как и уровня образования – всегда воспринимаются как улучшение и прогресс. Менее мы можем быть уверены в оценках такого показателя, как возраст выхода на пенсию. Изменения неравенства в доходах также не всегда воспринимаются как показатель социального прогресса, учитывая возможность противоречий между справедливостью и эффективностью или справедливостью и экономическим ростом [McMurrer, Isabel, 1998. P. 25].

Подход, ориентирующий в первую очередь на субъективное благополучие людей как конечный результат процессов социального развития, разрабатывался преимущественно американскими исследователями. Согласно традиции утилитарной философии «исследования психического здоровья», «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [Campbell, 1972. P. 442]. Субъективное благополучие отдельного гражданина считается конечной целью развития общества и критерием, который следует использовать для измерения качества жизни; сам «простой человек» считается лучшим экспертом для оценки качества своей жизни. Использование субъективных социальных показателей, в отличие от объективных, основано на предположении, что понимание направленности изменений благосостояния в итоге должно и может оцениваться отдельными гражданами (благополучие которых отражается в оценках удовлетворенностью условиями жизни). Эта позиция тоже не бесспорна и вызвала глубокую полемику о принципах субъективно трактуемого благосостояния – поскольку избираемые исследователями показатели (например, счастье или дискомфорт) отражают только индивидуальные состояния, что не всегда полезно для измерения качества общества как целостности. По словам Р. Эриксона, одного из наиболее выдающихся сторонников скандинавских исследований в области социального обеспечения, «мнения и предпочтения индивидуумов должны включаться в демократический политический процесс в результате их деятельности в качестве гражд-

дан, а не в результате опросов... критике может быть подвержена адаптированность к своим нынешним условиям людей, измеряющих положительно или отрицательно качество своей жизни». Одна из их проблем, связанных с подходом, основанным на субъективно-индивидуальной оценке удовлетворенности, заключается в том, что он «зависим от уровня развития персональных стремлений» (см.: [Erikson, 1993. P. 77–78]). По мнению критиков, вопросы относительно надежности использования субъективных индикаторов также могут быть дополнены вопросами относительно достоверности такого рода информации.

Сегодня консенсус мнений заключается скорее не в полном отрицании одного из двух подходов такого типа, а в том, чтобы основывать измерения благосостояния и на объективных, и на субъективных показателях. В попытках комплексного анализа для каждой категории потребностей человека подбираются как объективные, так и субъективные индикаторы. Их объединение (ковариация) позволяет выявить взаимосвязь субъективных оценок и внешних условий.

Социальное качество: основные сферы изучения динамики современного социального развития

Хотя главные аспекты социально-качественного подхода начали формироваться в эмпирических исследованиях 1960-х гг., наиболее широко его распространение происходит в последние десятилетия, что часто объясняется тем, что именно в наши дни, теоретические и практические установки, сформированные в его рамках, начали наиболее соответствующе отражать специфику происходящих процессов «поздней модернизации», меняющие прежние формы «социального порядка». Концепция «социального качества» сформировалась в результате дальнейшего развития методологии анализа «качества жизни»; в ней современное общество рассматривается как результат артикуляции социальной и системной интеграций, обеспечивающих контекст для социального действия (см.: [Lockwood, 1992]). Социальное качество определяется как «степень, в которой люди в состоянии участвовать в общественных отношениях при условии увеличения их благосостояния, возможностей и индивидуального потенциала» [Beck et al., 2007. P. 25]. Качество общества влияет на социальную активность: чем выше качество общества, тем больше у людей возможностей для планирования целей и реализации желаний.

Теория социального качества основывается на трех предположениях.

1. Человек по своей сути является социальным существом, деятельность которого направлена на удовлетворение собственных потребностей. В этом контексте, люди наделяются соответствующими правами и полномочиями.

2. Социальное пространство возникает в результате взаимодействия человека с системой, с экономическими и социальными структурами. Взаимодействие между людьми как социальными существами и коллективными тождествами имеет противоречивый, диалектический характер, но именно так порождаются социальные изменения и социальное пространство как таковое.

3. Наиболее важны две группы противоречий: (а) между социетальным и «биографическим», индивидуальным развитием (что характеризуется как разрыв между макро- и микроуровнями); (б) между формальным уровнем и неформальным «жизненным миром» (см.: [Beck et al., 2007. P. 25]).

В модели социального качества выделяются четыре области: экономическая безопасность, социальная сплоченность, социальная интеграция, полномочия и возможности. Они выражены в виде квадрантов, которые являются продуктом системно-социальных интегративных процессов (см.: [Lockwood, 1992]).

Социально-экономическая безопасность – степень, в которой у человека имеются достаточные ресурсы, необходимые для повседневной жизни, как условия для процесса самореализации. У социально-экономической безопасности есть два аспекта: (1) факторы благосостояния, которые гарантируют базовую экзистенциальную безопасность граждан (доход, социальная защита, здоровье), безопасность повседневной жизни (качество пищевых продуктов, условия труда, проблема охраны окружающей среды) и внутренняя свобода, безопасность и правосудие; (2) жизненные возможности людей для поддержания и развития достойных условий существования: «Здесь цель состоит в увеличении числа альтернативных вариантов, между которыми человек может выбирать» [Beck, van der Maesen, 2001. P. 341]. При отборе переменных, входящих в первую группу, учитываются субъективные и объективные представления об экономической безопасности, показатели бедности, оцениваются доходы домохозяйств, факторы депривации (в том числе, касающиеся способности людей приобретать товары и услуги первой необходимости) и т. д.

С практической точки зрения подход, основанный на изучении «материальных» причин социальной эксклюзии, является, вероятно, самым простым в использовании, поскольку позволяет оперировать традиционными индикаторами социально-экономического развития и социального самочувствия. Вместе с тем первичными факторами неудовлетворительного развития сообществ, наций, индивидуумов выступают именно условия социально-экономической безопасности. Особенно показателен приоритет этого набора индикаторов качественно-социального развития при анализе социальной ситуации в российских условиях, показывающем, что депрессивное развитие провинции или сельской «глубинки» зачастую вызвано последствиями «трансформационного шока», выражающимися

в низких показателях социально-экономической безопасности и признаках социально-политической эксклюзии населения (проявляющейся в первую очередь в гражданской пассивности, равнодушии к вопросам гражданской, социальной субъектности) [Зазулина, Самсонов, 2013]. Социальное неблагополучие проявляется в местной (территориальной) сегрегации и разъединении (исключенные сообщества, поселения, экономическая и социальная среда которых неразвиты и в которых отсутствуют возможности социального роста). Члены таких сообществ презираемы и избегаемы членами других, более благополучных сообществ; классический пример исключенного в социальном отношении сообщества – это гетто или «глубинка».

Социальное неравенство не всегда является абсолютным препятствием к социальной сплоченности и участию граждан в жизни общества (история знает немало количество примеров объединения жестко стратифицированных обществ в противостоянии, например, внешней агрессии) – в то время как свободно социально структурированное, гетерогенное или плюралистическое общество, характеризующееся относительным равенством и низким порогом исключения, может быть разобщенным, т. е. характеризоваться более низким уровнем социального сплочения.

Индикаторы социальной сплоченности ориентированы на связи в обществе и изменение проявлений в нем показателей доверия. При высоком уровне социальной сплоченности граждане действуют как реальные социальные существа, вовлеченные в социально-партиципативное действие (активное участие в жизни общества). Взаимодействие такого типа обеспечивает социальную стабильность, сохранность и развитие социального порядка, поддерживаемого верховенством права. Для анализа уровня социального сплочения используются индикаторы, показывающие, насколько общество в целом связано внутренне – такие как общее доверие в обществе, доверие к правительству (в том числе оценка государственной пенсионной системы и системы социального обеспечения), показатели восприятия социальных конфликтов, позволяющие понять, насколько разделено или объединено общество (шкала конфликтов рассчитывается на основе анализа ответов на вопросы о том, существует ли напряженность между бедными и богатыми, между различными расовыми и этническими группами и полами между собой, а также между управляющей прослойкой и простыми работниками).

Третья область, характеризующаяся как социальная инклюзия (включенность) – это степень, в которой люди интегрированы в институты и социальные группы, насколько они погружены в реалии, которые определяют самореализацию человека, участие в связях, включающих в себя, помимо самых простых («сильных»), близких отношений с родственниками и друзьями, членство в более «слабых» (или

более сложных, с другой стороны) сетях. Признаком нехватки принадлежности к социуму выступают одиночество, изоляция, низкое самоуважение. Скорее всего, такие индивидуумы характеризуются недостаточным доверием к людям, персонам, символизирующим власть; лишение доступа к ресурсам проявляется в безработице и отсутствии жизненных возможностей. Таким образом, в социальном отношении исключенные индивиды характеризуются как люди, имеющие низкое чувство собственного достоинства, отдаленные от социальной, политической и экономической (формальной) активности, не участвующие в «нормальной» общественной жизни. Типичный пример индивидуального проявления социальной маргинализации – бездомные, алкоголики, наркоманы, члены «проблемных семей».

При анализе уровня интегрированности респондентов в сообщество и их включенности в социальные отношения изучается частота контактов с друзьями, родственниками, другими людьми. Показатели включенности в такие формы общения, а также возможность обратиться к кому-либо за поддержкой трактуются как индикатор связи индивида со своим окружением. Точно так же включенность в семейные связи показывает уровень интеграции в социальные сети (основной тип сообщества). Участие в избирательном процессе (голосование на выборах) и членство в политической партии или профсоюзе дают другое представление о том, как человек может взаимодействовать с обществом с помощью формальных механизмов (включенность в формальный социальный капитал).

Четвертая сфера социально-качественного подхода сосредоточена на условиях для расширения индивидуальных и коллективных прав и полномочий, наделение людей такими возможностями, которые позволяют им осуществлять активную деятельность необходимую для того, чтобы индивиды могли воздействовать на окружающую среду. В таком ключе используется следующий набор показателей: образованность (доступность к «культурному капиталу»), доступность качественных медицинских услуг, самооценка состояния здоровья, в том числе психологическое состояние, экологическая обстановка, субъективное восприятие условий и перспектив жизни) и т. д.

Выделенные компоненты не являются ортогональными (непересекаемыми). Так как они взаимодействуют и дополняют друг друга, нельзя выделить какой-либо элемент и редуцировать к нему уровень социального развития в других сферах – также как невозможно при анализе социальных процессов опираться только на статистические или социологические показатели. Конечно, в той или иной конкретной ситуации можно выделить тот или иной набор индикаторов в качестве ключевого, определяющего состояние других областей социального развития. Од-

нако порядок значимости этих факторов в других условиях может измениться, что требует изменения исследовательской перспективы.

Сферы применения социально-качественного подхода в контексте проблематики эмиграционного оттока из России

В последнее время к проблемам кризиса в демографической сфере России и нехватки, дефицита кадров в областях, связанных с развитием инновационных технологий, добавилась проблема роста эмиграции населения из страны. Ситуация обостряется преобладанием среди людей, покидающих страну, наиболее квалифицированных, образованных специалистов, а также в связи с увеличением доли молодежи, ориентирующейся на перспективы эмиграции.

По оценкам исследователей, опирающихся как на данные Росстата с 1997 г., так и на доклады аналитических агентств, темпы эмиграции с начала 2000-х гг. из России ежегодно снижались. Однако с 2012 г. показатель резко пошел вверх. В целом из России уехало от 1,6 до 2 млн россиян из 145 млн, живших до 2000 г. Причем в последние годы ежегодная эмиграция стала превышать самые высокие показатели прежних лет. Только с 2014 по 2016 г. из России уехало почти 977 тыс. чел.¹ В 2016 г. число людей, эмигрировавших в страны дальнего зарубежья, выросло в 4 раза в сравнении с 2011 г.

При этом образовательный и социальный статус эмигрантов повысился. Если в 2000–2011 гг. из страны в основном уезжали предприниматели, средний класс, «импортированные» родители и дети эмигрантов 1990-х гг., то с 2012 г. в потоке эмигрантов стали преобладать люди, занятые в IT-индустрии, сотрудники НКО, творческие работники, политические активисты. У 45 % уезжающих есть дипломы бакалавра или специалиста, 36 % – магистерская или кандидатская степень, и только у 19 % нет высшего образования. У многих из эмигрантов «новой волны» несколько образований, поэтому общая сумма процентов в этом перечне больше 100.

Нынешние эмигранты отличаются своими настроениями, которые основаны «на сложном комплексе культурных и предпринимательских мотиваций, нежели на мотивациях экономических или чисто политических». Они моложе, образованнее, лучше владеют иностранными языками, лучше понимают устройство глобального мира, более свободны и разнообразны в культурном и профессиональном плане; 72 % эмигрировавших были полностью трудоустроены до отъезда,

¹ Астахов С. Греф откровенно объяснил чиновнику правительства, почему из России уезжают специалисты. URL: <https://www.mk.ru> (дата обращения 26.10.2019).

а свои политические взгляды почти половина мигрантов (45 %) характеризуют как либеральные или очень либеральные ².

Наибольшее беспокойство вызывает рост миграционных настроений среди молодежи: 53 % россиян в возрасте от 18 до 24 лет хотят переехать за границу на постоянное место жительства – это максимальный показатель за последние годы.

В числе причин, которые побуждают образованных и молодых россиян задуматься о переезде – желание обеспечить детям достойное будущее за границей (45 %), экономическая обстановка в России (40 %), высокое качество медицины за рубежом (35 %) и политическая обстановка в стране (33 %) (см. таблицу). Если проанализировать и ранжировать основные причины, по которым происходит рост миграционных настроений у молодежи, то можно выделить три группы: 1) молодежь видит за границей больше возможностей для своей карьеры; 2) инфраструктура жизни за рубежом оценивается гораздо выше – неслучайно медицина на 3-м месте среди причин для отъезда (помимо медицинских услуг и их качества, такие представления относятся и к сравнительным уровням образования, экологии, социальных стандартов, транспорта – все это влияет на качество жизни и возможности человека); 3) политическая обстановка, неудовлетворенность

Что прежде всего заставляет Вас задуматься об отъезде из страны?

What makes you think about leaving the country?

Ответ	Количество ответов, %
Желание обеспечить детям достойное будущее за рубежом	45
Экономическая обстановка в России	40
Высокое качество медицинских услуг за рубежом	35
Политическая обстановка в России	33
Больше возможностей для карьерного роста за рубежом	28
Высокое качество образовательных услуг за рубежом	26
Интерес к другой культуре	18
Больше возможностей для ведения бизнеса за рубежом	16
Большая правовая и социальная защищенность за рубежом	12

Источник: Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения // Левада-Центр, пресс-выпуски, 26 ноября 2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4>. (дата обращения 06.12.2019).

² Фаизова Л. Хорошее образование, политические мотивы: эксперты оценили эмиграцию из России с 2012 года. URL: <https://thebell.io> (дата обращения 24.03.2019).

в оценке своих возможностей (полномочий) на изменения направленности развития общества в соответствии со своими предпочтениями (большинство потенциальных отъезжающих считают, что дела в стране идут в неправильном направлении (56 % против средних 36 %), но при этом среди них гораздо больше доля людей, готовых участвовать в политической жизни страны (среди потенциальных эмигрантов об этом говорят 39%, а в среднем 23%)).

Представители российского руководства, анализирующие сущность проблемы «утечки мозгов», вполне обоснованно отмечают³, что рост эмиграции зависит в первую очередь от таких факторов, как индикаторы благоденствия, инфраструктура общества, климат или система управления. Именно на изучение этих показателей ориентирована методология социально-качественного подхода для оценки соответствия ожиданиям людей государственной политики и ее влияния на инновационное развитие общества. А мотив «обеспечить детям достойное будущее за рубежом» характеризует признание политики государственного регулирования в современной России как неудовлетворительной при оценке своих жизненных перспектив. «Молодые люди не воспринимают предлагаемую государством модель развития страны – и при этом их жизнь не так устоялась, как у более старшего поколения»⁴. Субъективные оценки эмигрантами условий жизни и ее перспектив главным образом касаются именно сфер, выделяемых социально-качественной моделью как главных для развития современного общества – это переменные, относящиеся и к социально-экономической безопасности, и к показателям оценке уровня социальной интеграции, и к представлениям о сохранности и расширении индивидуальных прав и полномочий (что выражается, помимо критики политической обстановки в стране, в отрицательной характеристике развития сфер и образования, и здравоохранения).

Можно отметить, что люди, ориентированные на отъезд из России, ощущают потребность не только в улучшении экономических условий, но и в частичном изменении модели развития общества. Обновленная модель должна опираться на современную методологию изучения социальной динамики и изменений качества жизни. Это откроет возможности для полноценной интеграции граждан в социальную систему и их участия в новых и важных социальных изменениях. Пока социально-государственная политика выстраивается таким образом, что игнорируются представления людей о том, как должно функционировать современное общество, то среди молодежи и дальше будут преобладать негативные на-

³ Астахов С. Грэф откровенно объяснил чиновнику правительства, почему из России уезжают специалисты.

⁴ Стогней А. Число желающих уехать из России молодых людей достигло максимума за последние 10 лет. URL: <https://thebell.io> (дата обращения 30.11.2019).

строения и ориентация на отъезд за границу в качестве первого по значению шага при выборе жизненной стратегии.

Список литературы / References

- Зазулина М. Р., Самсонов В. В.** Стратегии самоорганизации российского сельского социума: история и современность. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 352 с.
- Zazulina M. R., Samsonov V. V.** Strategii samoorganizatsii rossiiskogo selskogo sotsiuma: istoriya i sovremennost [Self-organization strategies of Russian rural society: history and modernity]. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2013. (in Russ.)
- Bauer R. A.** Social Indicators. Cambridge, London, The MIT Press, 1966.
- Beck W., van der Maesen L.** Social Quality: A Vision for Europe. The Hague, Kluwer Law International, 2001.
- Beck W. et al.** Theoretical Foundations for forthcoming third book on social quality. In: European Foundation for Social Quality. The Hague, 2007. Chapter 3.
- Campbell A.** Aspiration, Satisfaction and Fulfillment. In: The Human Meaning of Social Change. New York, Russell Sage Foundation, 1972, p. 441–446.
- Erikson R.** Descriptions of Inequality: The Swedish Approach to Welfare Research. In: The Quality of Life. Oxford, Clarendon Press, 1993, p. 67–87.
- Lockwood D.** Solidarity and Schism: 'The Problem of Disorder' in Durkheimian and Marxist Sociologies. Oxford, Oxford Uni. Press, 1992.
- McMurrer D. P., Isabel V. S.** Getting Ahead. Economic and Social Mobility in America. Washington DC, The Urban Institute Press, 1998, 100 p.
- Zapf W.** Wohlfahrtsentwicklung und Modernisierung. Einstellungen und Lebensbedingungen in Europa. In: Soziale Indikatoren XVII. Frankfurt, New York, Campus, 1993, p. 163–176.

*Материал поступил в редколлегию
Received
16.12.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Самсонов Всеволод Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod V. Samsonov, Candidate of Science (Philosophy), Senior researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

highbook@yandex.ru

УДК 316.323

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-74-86

Ключевые социальные решения эпохи модерна

О. К. Трубицын

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается вопрос о наиболее существенных характеристиках процесса модернизации. Модернизация – это процесс приобретения и закрепления высокого статуса страны в условиях эпохи модерна. Статус страны выражается в ее высокой международной экономической, геополитической, социальной и культурной конкурентоспособности. Эпоха модерна – исторический период, когда конкурентоспособность страны определялась, прежде всего, относительным уровнем ее индустриального развития. Соответственно индустриализацию следует признать основным содержанием модернизации. Второстепенными параметрами модернизации, ее дополнительными предпосылками выступают процессы урбанизации, бюрократизации, массовизации, научно-технического развития и развития военной мощи.

Ключевые слова

модернизация, модерн, геополитика, индустриализация, капитализм

Для цитирования

Трубицын О. К. Ключевые социальные решения эпохи модерна // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 74–86. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-74-86

Key Social Decisions of the Modern Era

O. K. Trubitsyn

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article discusses the most significant characteristics of the modernization process. Modernization is the process of acquiring and consolidating the high status of the country in the modern era. The status of the country is expressed in its high international economic, geopolitical, social and cultural competitiveness. The modern era is a historical period when the competitiveness of the country was determined,

© О. К. Трубицын, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

first of all, by the relative level of its industrial development. Accordingly, industrialization should be recognized as the main content of modernization. Secondary parameters of modernization, its additional prerequisites are the processes of urbanization, bureaucratization, massification, scientific and technical development and the development of military power.

Keywords

modernization, modernism, geopolitics, industrialization, capitalism

For citation

Trubitsyn O. K. Key Social Decisions of the Modern Era. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 74–86. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-74-86

Развитые страны XIX–XX вв. при всех своих особенностях и различиях между собой, обусловленных культурно-историческими традициями и политико-идеологической спецификой, обладают явным сходством между собой и существенно отличаются от самих себя, какими они были в предыдущие эпохи. Это дало основания утверждать, что существует стадияльное развитие общества и что, соответственно, общества можно классифицировать не только по территориально-географическому, религиозно-культурному и т. п. «горизонтальным» признакам, но и по «вертикальным» – в зависимости от расположения на той или иной стадии исторического развития. Существует целый ряд линейно-стадияльных подходов к истории, предлагающих разное выделение стадий, но теория модернизации предлагает наиболее простой и популярный вариант – разделение Всемирной истории на стадию досовременных обществ (премодерн) и современных обществ (модерн). В XX в. появилась версия о переходе к третьей стадии – постсовременности (постмодерн), но в данной работе этот вопрос рассматриваться не будет, поскольку в центре ее внимания находится проблема модернизации.

Модернизация, в самом абстрактном понимании, – это процесс становления и развития общества модерна. «Развитыми», или «модернизированными», именуется страны, совершившие переход от состояния общества премодерна к состоянию модерна и продолжающие успешно развиваться в рамках данной парадигмы общественного устройства. Основным показателем успешности развития страны является ее конкурентоспособность, в первую очередь военно-геополитическая, т. е. как минимум – способность охранять свой суверенитет от внешних силовых посягательств, а как максимум – осуществлять экспансию. Во-вторых, экономическая конкурентоспособность, т. е. способность поддерживать производительные силы как минимум на том же качественном уровне, что и основные конкуренты. В принципе, возможно, есть смысл добавить еще ряд критериев, значимость которых со временем повышается. Например, социальный и культурный параметры конкурентоспособности, связанные со способностью данного общества обеспечивать достаточно высокий уровень жизни и достаточную престижность и привле-

кательность национального образа жизни, чтобы обеспечить лояльность населения и положительное миграционное сальдо. Но данные показатели, по большей части, производны от первого и второго, поэтому, чтобы не усложнять модель, ими можно пока пренебречь. Показатель научно-технического развития, несомненно, значим, но он фактически имеет значение не сам по себе, а в качестве уже воплощенных в жизнь достижений; и как таковой он уже учтен в прочих параметрах – как уровень военно-технического и технико-экономического развития страны. В связи с этим его следует рассматривать не как показатель модернизации, а как ее фактор.

Успешное военное и экономическое развитие необходимо любой стране в любую историческую эпоху, соответственно и «модернизация» должна относиться к любой исторической эпохе. В определенном смысле это так и есть, но, придерживаясь устоявшейся практики словоупотребления, будем подразумевать под модернизацией успешное развитие только в эпоху модерна. У такого ограничения есть существенное основание – специфика данной эпохи, ее вызовов и ответов (типовых решений).

Принятие такой посылки не закрывает, а, напротив, только открывает спор о сути эпохи модерна и главным, определяющем всё остальное, решении. Пожалуй, наиболее популярной версией является утверждение, что ключевым решением эпохи модерна является индустриализация, поэтому и само общество модерна, по сути, может именоваться индустриальным. Именно такой версии придерживаются сторонники теории единого индустриального общества (Р. Арон, А. Турен и др.), с точки зрения которых модернизация – это прежде всего индустриализация, а прочие общественные изменения являются сопутствующими. Исходя из такой точки зрения, развитие доиндустриальных капиталистических стран Европы XVI–XVIII вв. можно назвать предмодернизацией либо, самое большее, можно назвать ранней модернизацией мануфактурную стадию развития капитализма. Таким образом, полноценная модернизация началась если и не в XIX в., то не намного раньше. Прочие показатели, точнее факторы «современности» общества, с этой точки зрения являются либо производными, либо вариативными. К первым относятся урбанизация, массовое образование, бюрократизация, научно-техническое развитие; ко вторым – капитализм / социализм, демократия / авторитаризм, секуляризация / клерикализм. С точки зрения теории единого индустриального общества различия между Советским Союзом, США и франкистской Испанией начала 1970-х гг. в плане идеологии и политического устройства, конечно, значимы, но основные социальные решения (индустриализация, прежде всего) одни и те же у всех. Следовательно, по большинству параметров эти общества приблизительно одинаково современны, хотя и не одинаково успешны. С точки зрения

большинства сторонников индустриальной версии теории модернизации, примеры наиболее успешной модернизации подают страны со светскими и демократическими политическими режимами и либерально-капиталистической экономикой, однако существуют и альтернативные пути модернизации.

Другая популярная версия, к сторонникам которой можно отнести столь разных по идеологическим взглядам теоретиков как К. Маркс, М. Вебер и В. Зомбарт, строится на утверждении, что ключевым решением эпохи модерна является капитализм. Соответственно, общество модерна – это, по сути, общество капиталистическое. С точки зрения К. Маркса, нормальное функционирование капиталистической системы с необходимостью порождает научно-технический прогресс, индустриализацию и т. д. Для М. Вебера принципиален не столько капитализм вообще, сколько рациональный капитализм, которому «сродственны» прочие параметры рационализации, как то бюрократизация, формирование корпораций, развитие науки и пр.

Для сторонников данного варианта теории модернизации обоснованным представляется утверждение Д. Трубицына [2012], что единственный правильный вариант модернизации – капиталистический. Отказ от капитализма в пользу социализма выглядит с точки зрения марксизма как прогрессивный переход на новую ступень исторического развития, а с точки зрения либеральной теории модернизации – как уход со столбовой дороги прогресса в исторический тупик. Однако по отношению к модерну оба этих подхода являются разновидностью «капиталистической» версии теории модернизации, с точки зрения которой процесс этот начался приблизительно с XVI в., будучи обусловленным специфическими материальными (К. Маркс) или идеальными (М. Вебер) факторами. Индустриализация же с этой точки зрения выступает свойством «зрелого» капитализма.

И «индустриальная», и «капиталистическая» версии теории модернизации имеют свои веские обоснования. Но, как представляется, в их споре правά скорее первая из них: основным содержанием процесса модернизации является индустриализация – не принципиально, капиталистическая или нет. Против этого можно возразить, что исторически именно капиталистическая система породила индустриализацию, как и некоторые другие параметры модернизации (например, становление современной науки). Однако общества, которые с некоторым основанием можно было назвать капиталистическими, появлялись и в эпоху премодерна, но это не делало их высоко конкурентоспособными: обычно они поглощались некапиталистическими империями. Только с развитием индустрии капиталистические страны Запада обрели бесспорную мировую, а не только региональную гегемонию. Капитализм сам по себе, без развитой индустрии, не является достаточным условием «современности» как конкурентоспособности. Возьмем пример переход-

ной эпохи, которую можно назвать эпохой раннего модерна, или периодом доиндустриальной (мануфактурной) протомодернизации. В XVIII в. Россия при Петре I и Екатерине II была вполне успешной страной в плане военной и экономической конкурентоспособности и даже обеспечивала условия для привлечения иммигрантов, не будучи при этом страной капиталистической. Также и в XX в. некапиталистические индустриальные страны бросили серьезный вызов странам капиталистическим. В это время относительно успешно развивать свою экономику и военную силу, осуществлять научно-технический прогресс оказались способны социалистические режимы и фашистские режимы со своей специфической организацией экономики (государственное планирование плюс частная собственность). СССР середины XX в. по факту был вполне модернизированной страной, не только догоняя, но и вырываясь вперед по отдельным направлениям. Конечно, вопреки ожиданиям коммунистов он так и не смог выйти на качественно новый, более высокий по сравнению с капиталистическими странами уровень развития производительных сил, оставшись в пределах логики эпохи модерна. Но все же он был вполне конкурентоспособен в плане военной конкуренции, а экономическое соревнование проиграл, если так можно сказать, «по очкам», до определенно-го времени достаточно успешно участвуя в гонке за лидерами. В свою очередь в XX в. имеется немало примеров стран вполне капиталистических, но отсталых, не эффективных по основным критериям. Исходя из этого, будем считать именно индустриализацию ключевым решением эпохи модерна и сущностью модернизации.

С учетом данных соображений рассмотрим подробнее пару популярных версий теории модернизации. Процесс модернизации, с точки зрения Р. Коллинза [2015], включает следующие четыре основных параметра: бюрократизация, секуляризация, капиталистическая индустриализация, демократизация. Впрочем, в статье «Четыре корня модернизма» он дает несколько иной перечень оснований общества модерна: бюрократизация, массовая мобилизация, капиталистические рынки, секуляризация¹. Можно сопоставить эту модель с версией Ш. Айзенштадта [Иванов, 2002. С. 68], который под модернизацией подразумевает серию эмпирически фиксируемых с начала XIX в. изменений: индустриализация, демократизация, секуляризация, урбанизация, научно-техническая революция. Основным критерием современности у обоих авторов выступает сочетание индустриального капитализма и либеральной демократии. Все другие варианты, с этой точки зрения, выглядят аномалиями, вариантами исторически случайными и нежизнеспособными.

¹ Коллинз Р. Четыре корня модернизма. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHetyre-kornya-modernizma> (дата обращения 05.11.2019).

собными. По некоторым другим параметрам, как можно убедиться, данные авторы расходятся: Ш. Айзенштадт «не замечает» бюрократизации, а Р. Коллинз не признает столь фундаментального или самостоятельного значения урбанизации и научно-технической революции, которые у него выступают производными или вспомогательными факторами.

Рассмотрим данные факторы более подробно. Оба исследователя разрешают дилемму капитализма и индустриализма путем признания равнозначности данных факторов и их объединения в едином процессе капиталистической индустриализации. У такого подхода есть свои основания. Эмпирически можно зафиксировать то, что капитализм только тогда стал абсолютно доминирующей в мире системой, когда в его рамках была осуществлена индустриализация. Также фактом является то, что капитализм пережил всех своих оппонентов – почти все страны, что пытались проводить некапиталистическую индустриализацию, отказались от этого. Даже формально социалистический Китай, по сути, является скорее страной с государственным капитализмом. Тем не менее, как было отмечено ранее, автор данной работы придерживается индустриального варианта теории модернизации, исходя из тех критериев модернизации, которые были заданы ранее. Не имеется достаточных теоретических оснований считать, что эффективная индустриализация может быть только капиталистической, зато имеются приведенные ранее примеры относительно успешных некапиталистических, но вполне модернизированных стран. Согласно утверждению того же Р. Коллинза [2000], причиной крушения СССР был геополитический фактор – чрезмерное расширение, т. е. форс-мажорные обстоятельства, а не закономерность экономического порядка. Таким образом, на основании эмпирических свидетельств можно лишь утверждать, что капиталистический путь индустриализации оказался более успешным.

Бюрократизация, о значении которой первым заявил М. Вебер, является второстепенной по отношению к индустриализации, но, безусловно, необходимой универсалией, способствующей поддержанию и нормальному функционированию индустриального общества. Бюрократизация осуществляется на уровне отдельных институциональных единиц – воинских подразделений, университетов и т. п., а главное – на промышленных предприятиях, способствуя развитию крупного индустриального производства. Также она осуществляется на уровне общества в целом, что приводит к построению модели современного национального государства.

«Второстепенной» по отношению к индустриализации бюрократизацию следует считать потому, что нет прямой корреляции между уровнем бюрократизации и успешностью модернизации. Чрезмерное развитие бюрократии в эпоху модерна могло становиться и тормозящим для общества фактором. В период ранней индустриализации

стриализации Англия, страна с относительно слабо развитой бюрократией, опередила более бюрократизированную Францию. В эпоху премодерна имеются примеры режимов с достаточно развитой даже по критериям раннего модерна бюрократией. Таковы, в частности, Римская империя и Китай.

Демократизация, как и капитализм, не является универсальным параметром модернизации. Причем значимость ее меньше, чем у капитализма. С одной стороны, демократии в ее либеральном понимании не было в Германии в период ее индустриального подъема в конце XIX – начале XX в., как не было и в России того же периода, и в сталинском СССР, что не мешало им демонстрировать чудеса экономического роста и успешность военной организации. В наши дни Сингапур является примером страны авторитарной, но при этом вполне успешной в плане экономического развития, а максимальные темпы экономического роста и усиления армии в последние десятилетия наблюдаются в КНР. С другой стороны, Древняя Греция была местом, где существовало множество демократических полисов – более демократических, чем современные западные олигархии, прикидывающиеся демократиями, что абсолютно не делает Грецию примером общества модерна. В XX в. также имелось изрядное количество слаборазвитых демократий. Хватает их и сейчас. Таким образом, демократия не порождает индустриализацию, и нельзя даже обоснованно утверждать, что способствует ей. Значит, этот фактор не является необходимым для успешной экономической конкуренции страны и еще меньше для ее успешной военной конкуренции. По всей видимости, его вообще стоит исключить из списка значимых параметров модернизации.

Возможно, фактор демократизации следует заменить фактором массовизации, т. е. способности гражданских структур (о чем говорит Р. Коллинз²) и, что важнее, государственных структур проводить массовую мобилизацию для решения масштабных организационных задач. Это потребовало создания системы массового образования и пропаганды для формирования массового сознания. Обратной стороной этого процесса стало создание массовых общественных организаций, в том числе оппозиционных, что привело к демократизации. Другими словами, демократизация не фактор, а одно из возможных, но не обязательных следствий модернизации.

С параметром секуляризации история примерно та же, что и с параметром демократизации. Эмпирически можно обнаружить некоторые корреляции между уровнем модернизованности страны и уровнями ее секуляризации и демократизации. Но, скорее всего, это не потому, что данные процессы являются факторами модернизации, а потому, что на все три параметра влияет один и тот же

² Коллинз Р. Четыре корня модернизма.

фактор – массовизация. Массовизация, в том числе массовое светское образование, необходимое для осуществления индустриализации и организации управления масштабными бюрократическими структурами, косвенным образом способствует секуляризации сознания. А эффективность массовой пропаганды принципов современных светских идеологий – либерализма, социализма и национализма (фашизма), более гармонично сочетающихся с культурой модерна, чем традиционное религиозное сознание, позволяет правящим элитам заменить церковь в качестве института легитимации светскими институтами агитпропа. Тем не менее это не делает секуляризацию неизбежной. Пример Российской империи рубежа XIX–XX вв. или современного Ирана показывает, что страна с высоким статусом религии вполне может быть более или менее конкурентоспособной, не уступая в критической мере лидерам. Да и американское общество, в отличие от государства, вплоть до последнего времени было весьма религиозным.

В вопросе об урбанизации следует, скорее, принять точку зрения Ш. Айзенштадта, включающего ее в список ключевых факторов, чем Р. Коллинза, игнорирующего данный параметр. Против этого утверждения можно привести несколько доводов. С одной стороны, так называемые «городские революции», когда существенно возростала доля городского населения и значение городской культуры, происходили и в эпоху преמודерна. Можно привести пример Древней Греции, которая представляла собой полисное, т. е. городское общество. С другой стороны, можно привести примеры некоторых современных стран, где массовая миграция из сельской местности в города не привела к созданию современного общества, породив лишь обширные криминализованные трущобы. Следует уточнить, что под урбанизацией как фактором модернизации подразумевается только такая урбанизация, при которой переселяющиеся в города сельские жители успешно социализируются, усваивают городской образ жизни и получают городские профессии. Таким образом, урбанизация является существенным и универсальным параметром процесса модернизации: без урбанизации нет модернизации, а темп урбанизации – один из основных операциональных критериев модернизации, следовательно, только высоко урбанизованное общество можно считать близким к идеально-типическому обществу модерна. Впрочем, из этого нельзя вывести прямую функциональную связь или строгую корреляцию между уровнем урбанизации и уровнем военной и экономической конкурентоспособности. Тем не менее некоторая корреляция такого рода для эпохи модерна характерна.

Далее оценим значение фактора научно-технической революции, является ли он самостоятельной движущей силой модернизации, специфичной для эпохи модерна. Наука – самостоятельный институт и сфера деятельности. Она, в ее современном виде, возникла приблизительно в одно время с капитализмом и прежде

индустриализма и развивается относительно автономно, под сильным влиянием внутренних факторов. Уровень научно-технического развития в значительной мере определяет успешность и конкурентоспособность общества модерна. Это дает основания причислить его, вслед за Ш. Айзенштадтом, к группе ключевых факторов модернизации. Иначе говоря, успешная модернизация с необходимостью подразумевает заботу государства о развитии его научного потенциала. Впрочем, непосредственной производительной силой наука становится только после второго промышленного переворота конца XIX в., а до этого влияние науки на ход модернизации было не столь велико. Итак, данный фактор следует считать второстепенным и вспомогательным по отношению к фактору индустриализации.

Наконец, в качестве гипотезы можно рассмотреть значение такого параметра, как воинская сила, который в отмеченных ранее концепциях модернизации был несправедливо проигнорирован. Мощь вооруженных сил страны, определяемая сочетанием уровня военной организации и военных технологий, выступает, прежде всего, одним из важнейших показателей уровня модернизованности, а затем фактором модернизации. В абстрактном виде такое предположение выглядит как попытка использовать объясняемый фактор в качестве объясняющего. Но здесь речь идет о том, что с исторической точки зрения военная мощь Европы, сформированная еще в эпоху преמודерна, выступила средством первоначального накопления капитала за счет ограбления колоний и таким образом стала предпосылкой экономической модернизации.

Предлагаемая модель может вызвать ряд обоснованных сомнений, некоторые из них следует дополнительно обсудить. В частности, возникают следующие вопросы. Почему конкурентоспособность принимается как ключевой критерий модерна? Почему только один фактор обязан быть базовым, ключевым, почему базовыми более или менее автономными признаками модернизации не могут быть разные аспекты; иначе говоря, зачем выделять базовые и второстепенные, производные факторы? Поскольку конкурентоспособность меняется весьма динамично, значит ли это, что проигрывающее в данном аспекте общество стало «менее модернизированным»? Наконец, почему нельзя по одним аспектам считать общество модернизированным, а по другим – не модернизированным?

С точки зрения Н. С. Розова, субстанциальный критерий периодизации всемирной истории заключается в смене основных типов разнообразий режимов. «Любой режим адекватен только при определенных условиях. Условия неизбежно изменяются... что служит вызовом для прежних режимов – режимным кризисом» [2001. С. 247]. «Под господством (доминированием) режимов будем понимать их более высокую эффективность в широких пределах сложившихся в данное время

условий, причем эта эффективность проявляется в неуклонном распространении через вытеснение и ассимиляцию конкурирующих режимов» [Розов, 2001. С. 247]. Конкуренция режимов ведется посредством борьбы обществ. «Итак, победы и поражения обществ... следует представить как феноменальный уровень, манифестацию скрытой конкуренции режимов...» [Там же. С. 250].

Таким образом, конкурентоспособность общества (определенного социально-исторического организма с определенным человеческим режимом) – это универсальный эволюционный критерий, адекватный для анализа всех основных эпох в развитии человечества, а не только модерна. Конкурентоспособность подразумевает жизнеспособность общества, в том числе при столкновении с другими обществами. Стадии истории следует выделять исходя из того основания, что на каждой стадии имеется свой специфический режим, свой набор эволюционных универсалий. На каждой новой стадии старые режимы (технично-экономический, прежде всего) становятся неэффективными и не обеспечивают конкурентоспособность или даже само выживание общества. Требуется переход к новому режиму, который выступает как эволюционная универсалия.

Исходя из данного подхода, мы можем задаться вопросом, что же выступало ключевым, базовым фактором успеха Европы в Новое время. Причем победа европейцев в Америке не имеет принципиального значения, поскольку американские общества были технологически отсталыми и неразвитыми в военном плане *по средневековым меркам*. Поэтому в экспансии европейцев на американский континент, как и русских в Сибирь, нет ничего удивительного. Вопрос состоит в том, почему европейцам удалось установить свою гегемонию над Азией, т. е. высокоразвитыми по средневековым меркам цивилизациями? И что послужило толчком фундаментального изменения самих европейских обществ?

Как было указано ранее, имеется почти общепринятый список основных параметров модернизации, т. е. ключевых изменений в социальном режиме в соответствии с требованиями новой эпохи. Наиболее часто называются индустриализация, становление капитализма, секуляризация, массовизация, демократизация, урбанизация, бюрократизация и научно-техническое развитие. Все они в той или иной степени значимы, но их значимость не однопорядкова. Мы можем провести мысленный эксперимент, представив себе два примерно равных по размерам и ресурсам общества, страны А и В, где А существенно опережает страну В по уровню индустриального развития, но столь же значимо уступает ей по всем прочим параметрам. Можно с уверенностью сказать, что страна А победит страну В при их прямом военном столкновении, а также в конкуренции на мировом рынке. Как представляется, реальным историческим воплощением данного мысленного эксперимента была Франко-Прусская война, когда Франция еще обладала превос-

ходством в уровне научного развития, давно преодолела провинциальную разобщенность за счет бюрократической централизации, а французское общество имело богатый опыт демократических и секуляристских экспериментов, зато германская промышленность на 30 % опережала французскую.

Этот пример демонстрирует также, что модернизация – это системное явление и оценивать его нужно по общему результату, а не по отдельным параметрам, не считая индустриализации. Индустриализация – это концентрированное выражение успехов во всех прочих сферах общественного развития эпохи модерна. Именно успешная индустриализация вызывает эффективную урбанизацию, когда новые горожане находят свое место в городской экономике и социальной жизни. В обратную сторону это соотношение не работает: ускоренная урбанизация без индустриального развития порождает лишь социальные проблемы, маргинализацию значительной части населения в трущобах на городских окраинах. Примерно так же обстоит дело и с прочими параметрами. Демократия или секуляризм самостоятельными показателями модернизации не являются, поскольку сами по себе не определяют уровень конкурентоспособности общества. Именно поэтому представляется адекватным выделять базовый фактор модернизации – индустриализацию, и второстепенные факторы – все остальные, являющиеся способствующими индустриализации либо производными от нее.

Конкурентоспособность, действительно, меняется весьма динамично, что можно сказать и об уровне модернизированности. Когда мы говорим, что данная страна является модернизированной, то это наводит на ложные представления о том, что модернизированность есть определенное состояние, некий уровень, достигнув которого страна может более ни о чем не беспокоиться. Более правомерно представлять себе модернизацию как постоянный процесс, по принципу Черной Королевы Л. Кэрролла: «нужно быстро бежать, чтобы остаться на том же месте». С одной стороны, имеются объективные показатели – модернизационные «достижения», которые можно, образно говоря, вешать в рамочке на стену. Но с другой, что принципиально, все достижения относительны и стоят чего-либо в основном при сравнении с иными странами. Принцип Черной Королевы (постоянства конкуренции), подразумевающий временный и относительный характер любых достижений, не позволяет почитать на лаврах. Тот, кто этого не признает, впадает в застой, обречен на кару истории. Что же касается примера гитлеровской Германии, то здесь следует согласиться с возражением – это была вполне успешно модернизированная страна, однако в случае прямого военного столкновения важен не только качественный уровень развития, но и количественные показатели – население, ресурсы. Именно учет количественного фактора не позволяет принять факт победы либерального блока над всеми противниками в XX в. за достаточное

обоснование тезиса о безальтернативности либерального варианта модернизации. Для чистоты эксперимента стоило бы уравнивать основных конкурентов – Западный блок, фашистский блок и социалистический блок в исходных ресурсах.

Список литературы / References

- Иванов Д. В.** Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 224 с.
Ivanov D. V. Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0 [Virtualization of society. Version 2.0]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2002. (in Russ.)
- Коллинз Р.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 504 с.
Collins R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bolshoi dlitelnosti [Macrohistory: essays in sociology of long duration]. Moscow, URSS Publ., 2015. (in Russ.)
- Коллинз Р.** Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. 2000. Вып. 1. С. 234–278.
Collins R. Predskazanie v makrosotsiologii: sluchai sovetskogo kollapsa [Prediction in macrosociology: the case of the Soviet collapse]. In: Vremya mira [Time of Peace]. N. Rozov (ed.). Novosibirsk, 2000, iss. 1: The Historical Macrosociology on 20th Century, p. 234–278. (in Russ.)
- Розов Н. С.** На пути к обоснованным периодизациям Всемирной истории // Время мира: Альманах / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып. 2: Структуры истории. С. 222–305.
Rozov N. S. Na puti k obosnovannym periodizatsiyam Vsemirnoi istorii [On the way to reasonable periodizations of world history]. In: Vremya mira [Time of Peace]. N. Rozov (ed.). Novosibirsk, 2000, iss. 2: Structure of history, p. 222–305. (in Russ.)
- Трубицын Д. В.** Индустриализм как технолого-экономический детерминизм в концепции модернизации: критический анализ // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 59–71.
Trubitsyn D. V. Industrializm kak tehnologo-ekonomicheskii determinizm v kontseptsii modernizatsii: kriticheskii analiz [Industrialism as techno-economic determinism in the concept of modernization: critical analysis]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2012, no. 3, p. 59–71. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

02.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Трубицын Олег Константинович, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Science (Philosophy), docent Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

trubitsyn77@mail.ru

УДК 101.1:316

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-87-98

Банкротство как способ самозащиты субъекта риска

Е. В. Будько

*Тверской государственный технический университет
Тверь, Россия*

Аннотация

Феномен несостоятельности (банкротства) рассмотрен как модус существования субъекта риска в проекции его социально-экономического поведения (страх, тревога, одиночество) и особенностей личностного конституирования (уход от ответственности, ограничение свободы, бытие в долг, обман). Дается обоснование того, что институт несостоятельности (банкротства) граждан предстает как средство разрешения конфликта интересов между должником и его кредиторами, как механизм защиты социально-экономических прав неплатежеспособного субъекта риска и как способ «выхода» из нестабильной финансовой, кризисной ситуации.

Ключевые слова

кризис, субъект риска, долг, должник, кредитор, институт несостоятельности (банкротства) граждан, страх, одиночество, уход от ответственности, ограничение свободы, обман

Для цитирования

Будько Е. В. Банкротство как способ самозащиты субъекта риска // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 87–98. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-87-98

Bankruptcy as a Way of Self-Defense of the Risk Subject

E. V. Budko

*Tver State Technical University
Tver, Russian Federation*

Abstract

The phenomenon of insolvency (bankruptcy) is considered as a mode of existence of the subject of risk in the projection of his socio-economic behavior (fear, anxiety, loneliness) and features of personal constitution (evasion of responsibility, restriction of freedom, being in debt, deception). The article substantiates the fact that the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens appears as a means of resolving the con-

© Е. В. Будько, 2020

flict of interests between the debtor and its creditors, as a mechanism for protecting the socio-economic rights of an insolvent risk subject and as a way to “exit” from an unstable financial crisis situation.

Keywords

crisis, risk subject, debt, debtor, creditor, institution of insolvency (bankruptcy) of citizens, fear, loneliness, evasion of responsibility, restriction of freedom, deception

For citation

Budko E. V. Bankruptcy as a Way of Self-Defense of the Risk Subject. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 87–98. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-87-98

В социально-экономических условиях современной России вследствие тотальной закредитованности населения возросло число субъектов риска, неспособных к исполнению денежных обязательств по потребительским кредитам. В обществе присутствует ощущение падения в долговую яму, неэффективность государственного управления вынуждает людей брать кредиты. Известно, что за последние три года каждый третий россиянин взял кредит в банке, но не для покупки квартиры, автомобиля или шубы, а просто, чтобы с семьей дожить до очередной зарплаты. На март 2019 г. суммарно россияне должны банкам около 15 трлн руб. К концу 2019 г. долговая нагрузка россиян может увеличиться на 10–12 %: долг заемщиков перед банками возрастет до 16,3–16,6 трлн руб. Расширение кредитования происходит за счет уже закредитованных групп населения, поскольку уже сегодня большинство граждан отдают до 60 % от своих доходов на погашение обязательств по кредитным договорам, причем многие для погашения старых обязательств вынуждены заключать новые кредитные договоры. Экономисты-аналитики прогнозируют к 2021 г. наступление очередной волны кризиса и «взрыв» кредитного «пузыря». В России с 1 октября 2019 г. вступили в силу новые правила выдачи кредитов физическим лицам: банки будут оценивать заемщиков по показателю долговой нагрузки. При оформлении кредита граждан с высокой долговой нагрузкой (от 50 %), у которых больше половины доходов уходит на погашение ранее оформленных займов, ждут повышение процентной ставки или отказ в выдаче кредита. В настоящее время в Госдуме на рассмотрении законопроект об ограничении уровня долговой нагрузки россиян до 50 % ежемесячного семейного дохода, инициатором которого выступил Центральный Банк. Законопроект призван снизить долговую нагрузку населения.

В ситуации банкротства должник пребывает в условиях мнимой действительности: ожидая влияния будущих позитивных изменений, конституируя себя с помощью самообмана, субъект риска без оглядки на интересубъективный мир пытается восстановить свое финансовое положение путем взятия на себя ответственности по выплате очередного кредита, не осознавая последствий этих действий, тем самым ограничивая себя в свободном волеизъявлении.

Должник «никогда полностью не отождествляет себя с навешанным на него социальным ярлыком» [Бьерг, 2018. С. 58], т. е. не осознает свою несостоятельность.

Как утверждает С. Жижек, индивид обретает осознание статуса социального субъекта через иллюстрацию символических обозначений (учитель, русский, мужчина, охотник, должник). Субъект воспринимает себя через эти модусные категории, но данные социальные характеристики не выявляют его сущность «кто я есть на самом деле» (см.: [Жижек, 1999. С. 28; Бьерг, 2018. С. 58]). Даже если задаться целью и перечислить все символические характеристики конкретного индивида, все равно есть то, чем мы отличаемся друг от друга, что-то оригинальное, самобытное, ощущение «самости» субъекта (см.: [Бьерг, 2018. С. 58]).

Следует отметить, что желание у субъекта можно рассматривать как «проецирование онтологической “нехватки бытия” на объекты в мире» (деньги, квартира, машина, шуба). А структурировано оно необходимостью обрести те объекты, наличие которых позволит субъекту сформировать социальную позицию «кто я есть на самом деле» (см.: [Там же]). Парадокс заключен в природе желания: субъект удовлетворение своим уровнем жизни получает не за счет приобретения объектов (машины, квартиры), «но через сам поиск этих объектов и борьбу за их получение», что иногда может приводить к фатальным последствиям для субъекта (см.: [Там же. С. 59]).

Риск присущ любой деятельности субъекта и определяет поведенческий паттерн, направленный на разрешение кризисной ситуации. В современной философии под риском понимается деятельность в условиях неопределенности. Риск релевантен социальной деятельности субъекта и предстает как атрибутивная характеристика всех социальных ситуаций. Концепт «риска» в контексте принятия решения выявляет неполное совпадение цели и результата деятельности субъекта. Субъект риска принимает решения в условиях неопределенности и, соответственно, неполноты рационального расчета. Субъект риска в стремлении разрешить рискованную ситуацию, совершая выбор, реализует принятое решение в надежде на удачу, на благоприятное стечение обстоятельств (см.: [Бэк, 1994; Гидденс, 1994; Диев, 2013]). В экономическом дискурсе риск идентифицирован как вероятность неудачи, убытков в финансовой сфере, сопряженная с возникновением потерь, нереализованных, упущенных возможностей вследствие нематематического расчета алгоритма действий в условиях неопределенности (см.: [Диев, 2013; Канеман, 2005; Мертон, 2006; 2007; Найт, 2003]). В социологическом дискурсе природа риска раскрывается как рискогенность социальной возможности действия субъекта (см.: [Бэк, 1994; Гидденс, 1994; Зубков, 2009; Диев, 2015]). В психологическом познании риск и неопределенность мыслятся как то, что сопровождает человека на протя-

жении всей жизни. Перенапряжение и снижение адаптационных возможностей организма человека наиболее часто вызывают психоэмоциональный стресс, который связан с неудовлетворенностью результатами социальной деятельности, неуверенностью и безысходностью в разрешении насущных проблем, сдерживанием эмоциональных проявлений, обусловленных социальными нормами поведения. Это приводит к тому, что современный человек часто испытывает отсутствие биопсихосоциального равновесия, душевного покоя и личностной устойчивости, уверенности в себе (см.: [Кочюнас, 2002; Полукордоне, 2003]). Таким образом, создаются предпосылки для вхождения сознания в поток переживаний и экзистенциального состояния кризиса. В социально-экономических реалиях риска, в условиях дефицита объективной информации о происходящих событиях, свобода человека ограничена, он не способен логически просчитать алгоритм действий, и поэтому склонен принимать необдуманные, иррациональные решения, что продуцирует возникновение феномена риска.

В условиях современной кризисной реальности философская рефлексия фиксирует склонность субъекта к риску. Концепт «субъект риска» нами видится как когерентность субъектных и поведенческих действий с целью минимизации и максимизации риска направленных либо на рискофобию, либо на рискофилию (см.: [Кравченко, 2008; 2013]). Субъект риска демонстрирует способность к саморефлексии в условиях неопределенности и риска, а также в ситуации несостоятельности (банкротства). Вариативность социально-экономического поведения субъекта риска предполагает либо рефлексивное осознание ситуаций риска, либо арефлексивное. Рефлексивность «субъекта риска» предстает как модальность самоанализа, благодаря которой происходит становление индивидуальности, аутентичности, а также переоценка мотивов поведения в контексте действий. Арефлексивность – это вытеснение тревожной информации из актуального в периферийное сознание. Умение посмотреть на кризисную ситуацию «трансцендентно» и абстрагироваться от эмоциональных переживаний – признак рефлексивности, без которой невозможно личностное конституирование. Страх (тревога) и одиночество как экзистенциалы человеческого бытия конституируют индивида в объективном мире. Модус страха и другие его модальности – тревога, ужас, парализуют волю и инициативу субъекта, потому что смерть мыслится человеком как неотвратимая сила, подчиняющая своей власти каждого живущего. Феномен одиночества не всегда явно осознается субъектом, имманентно присутствуя на протяжении всей его жизни. В модусе одиночества индивид переживает и осознает обособленность, единственность своего бытия. Страх (тревога) и одиночество присутствуют в экзистенциальном опыте субъекта риска, продуцируя свободное

познание себя в условиях интерсубъективного мира (см.: [Кочюнас, 2002; Кьеркегор, 2014; Полукурдене, 2003; Сартр, 2015; Хайдеггер, 1993]).

Кризис несет амбивалентное содержание: с одной стороны, кризис – испытание, опасность, а с другой – возможность. Это свойство различным образом учитывается в ситуации банкротства как в кризисной ситуации: либо субъект риска ориентирован на открывающуюся возможность выхода из опасности, либо поглощен обстоятельствами. В этом отношении наличный экзистенциальный опыт помогает человеку выбрать ориентир в социально-экономической, кризисной ситуации и формирует его поведенческий паттерн.

В нашем понимании, несостоятельность (банкротство) – это модус существования, который раскрывает субъекта риска не только в проекции его социально-экономического поведения (страх, тревога, одиночество), но и как особенности личностного конституирования (ограничение свободы, безответственность, бытие в долг, обман).

В философском дискурсе «свобода» представлена как экзистенциальная потребность, как возможность проявлять свою волю при совершении выбора, осознавая законы и тенденции развития социально-экономической реальности (см.: [Рикёр, 2005, Сартр, 2015]). Междисциплинарный дискурс указывает на неопределенность ситуаций риска, они обуславливают сокращение всякой деятельности, включая деловую активность, и ограничение экономической свободы субъекта риска (см.: [Бахтин, 1995]). В социальных реалиях свобода индивидуального социального субъекта ограничена коллективными и институциональными субъектами (см.: [Хесле, 1994]). Социальный этос детерминирует свободу воли и принятие решений индивидуального субъекта. Конкретная социальная ситуация риска также изменяет границы волеизъявления субъекта. Онтологически личностно-когнитивное качество «ответственность» представлено как способность ответить на поставленный ситуацией вопрос. Акт «ответственности» предстает как обозначение допустимых границ действий человека в контексте моральных императивов, кодекса чести и достоинства. Ответственность инициирует самоорганизацию, самодисциплину человека, индуцируя его самоконтроль, проектность, умение адекватно существовать в социальном мире. Ответственность продуцирует поступок как субъектное деяние, определяемое свободой выбора. Уход от ответственности как неспособность моделировать свою ситуацию в условиях риска подвергает существование субъекта опасности, инициируя неопределенность событий, неуверенность в завтрашнем дне. В условиях риска и неопределенности ответственность определяет предсказуемость социально-экономической жизни субъекта риска, являясь индикатором проявления воли при совершении поступка, рискованных деяний (см.: [Рикёр, 2005, Сартр, 1989, Хайдеггер, 1993]).

Раскроем такую особенность личностного конституирования, как обман. В социальном мире обман явно и латентно сопровождают деятельность субъекта. Субъект риска склонен к самообману, тем самым проявляя инстинкт самосохранения, осознавая свою смертность. Д. И. Дубровский утверждает: «...самообман – способ поддержания витальных сил, предохранения жизненной целостности от разрушительных актов самосознания, ставящих человека лицом к лицу со своим ничтожеством» [1994. С. 76]. Самообман – проект человеческого сознания, который не осознан в актуальной действительности, охраняем верой. Конституируя себя с помощью самообмана, субъект риска становится одержимым мнимыми возможностями, одновременно отвергая реальные перспективы, альтернативы в разрешении ситуации неопределенности. Самообман как междисциплинарный конструкт инициирует способ самозащиты субъекта риска. Устойчивый самообман предстает как защитный механизм личности от ситуационных кризисов, вытесняя из сознания негативную информацию, подавляя возникшие сомнения в правильности совершенных действий. В модусе «самообмана» субъект риска желаемое представляет как реальное, а угрожающие обстоятельства как маловероятные; поскольку грань между реальным и нереальным не видна, то создаются условия спасительной неопределенности. В большинстве случаев развеять самообман возможно только под воздействием внешних обстоятельств, стимулов, но иногда разоблачение самообмана происходит по результату внутренней напряженной работы, интенции к правде.

Социально-психологические программы действий субъектов (взятие ипотеки для приобретения жилья, покупки новой машины) в современном обществе потребления приводят к аккумуляции рисков, стимулируя экономический рост. В настоящее время в социально-экономических реалиях все больше людей добровольно идут на риск, продуцируя спрос на рискованные ситуации.

В нашем исследовании несостоятельность (банкротство) предстает как яркое выражение глобальной кризисной, социально-экономической ситуации и особого поведенческого паттерна, которое эскизно демонстрирует «маркировку» складывающегося экономического поведения потребителя, в том числе российского. Взятые в глобальном масштабе, бесполезные чрезмерные траты в обществе потребления влекут в очередной кризис и провоцируют несостоятельность, банкротство как явление и потребительское поведение. Ж. Бодрийяр утверждает: «...гиперреализация крупного финансового капитала – жизнь в модусе существования в долг, есть смертельная причина для человечества» [2000. С. 42].

Повышенный интерес ученых к разработке проблематики института несостоятельности (банкротства) обусловлен низкой платежеспособностью граждан вследствие экономического кризиса, возросшей закредитованностью населения, а также

постоянным реформированием законодательства о банкротстве: с 01.10.2015 в силу вступили изменения в гл. X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», которыми регламентирована процедура банкротства в отношении физического лица.

Исследования основных тенденций и проблем процедуры несостоятельности (банкротства) физических лиц в отечественной науке проводят В. В. Витрянский, О. М. Свириденко [2016], С. А. Карелина [2016], И. В. Фролов, И. В. Логвина, Д. Г. Назаров [2018], А. Н. Ряховская [2018].

В условиях нестабильной экономической реальности современной России при снижении уровня реальных доходов населения и росте просроченной задолженности граждан по потребительским кредитам возникает проблема неплатежеспособности должников по взятым на себя обязательствам. В настоящее время банковская система оказалась в ситуации массового невозврата кредитов, и следует отметить, что до сих пор не разработан оптимальный механизм ликвидации просроченной задолженности. Сегодня меры по взиманию просроченной задолженности с физических лиц могут осуществлять как сами банки, так и специальные организации – коллекторские агентства. Зачастую большинство неплатежеспособных физических лиц сталкиваются с неправомерными действиями агентств по взысканию долгов: бесконечные телефонные звонки, оказание психологического давления на человека, угроза жизни и причинение вреда здоровью должника. В связи с вышеизложенным, во избежание встречи с сотрудниками коллекторского агентства должнику необходимо обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании себя банкротом в случае, если он не в состоянии исполнить обязательства по кредитному договору, тем самым защитить себя от незаконных действий агентств по взысканию долгов, сохранив свою жизнь и здоровье.

Статус «неплатежеспособен» является маркером неблагоприятного существования субъекта риска, ведь именно от целей, мотивов поведения и деятельности индивида зависит его благосостояние. Индивид, который не отличается адекватным, рациональным поведением, привык существовать в модусе в долг, избегая принятия на себя ответственности за свои действия, поступки, продуцирует возникновение кризисных ситуаций, в частном случае – ситуации несостоятельности (банкротства). В социально-философском дискурсе феномен несостоятельности (банкротства) обладает функциональной направленностью, эксплицируя уровень благосостояния субъекта риска, поведенческий паттерн. В условиях кризиса возросло число субъектов риска, неспособных к исполнению денежных обязательств по потребительским кредитам. Специфика института несостоятельности (банкротства) индивида отражает реабилитационный, «продолжниковый» характер и демонстрирует единый самостоятельный процесс признания должника банкро-

том. По итогам проведения процедуры несостоятельности (банкротства) требования кредиторов признаются погашенными, а задолженность субъекта риска – безнадежной к взысканию. Субъект риска освобожден от долгов законным способом и взыскание задолженности через коллекторские агентства ему не грозит. Институт несостоятельности (банкротства) граждан предстает как социальное явление, детерминируя возможные способы «выхода» из нестабильной финансовой ситуации и механизм защиты социально-экономических прав несостоятельного субъекта. Юридическое поле и экономическое пространство обеспечивают функционал защиты должника.

Формирование эффективного функционирования института банкротства, развитие рефлексивных процессов взаимодействия субъектов, ориентация на создание условий для взаимовыгодного сотрудничества, взаимопонимания, доверия, направленных на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов, а также разрешение конфликтов между субъектами – комплекс актуальных проблем, важных составляющих социально-экономических и правовых отношений, обеспечивающих стабильность экономики государства.

К настоящему времени внедрение эффективной стратегии антикризисного управления субъектами экономической деятельности и разработка мер по предупреждению банкротства касается в основном вопросов экономического и правового блоков, хотя очевидны методологическая, социально-философская и психологическая их составляющие. Необходимо обратить внимание на субъекты кризисной ситуации, являющиеся носителями менталитета ответственной сознательно регулируемой и социально ориентированной деятельности, а также на формирование экономических поведенческих паттернов в ситуации кризиса.

Список литературы / References

- Бахтин М. М.** Человек в мире слова. М., 1995.
Bahtin M. M. Chelovek v mire slova [Man in the world of words]. Moscow, 1995. (in Russ.)
- Бодрийяр Ж.** Прозрачность зла. 4. Трансэкономика. М., 2000.
Baudrillard J. Prozrachnost zla. 4. Transekonomika [Transparency of evil. 4. TRANS economy]. Moscow, 2000. (in Russ.)
- Бьерг У.** Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма // Экономическая социология. 2018. Т. 19, № 4. С. 43–72.
Bjerg O. Kak delayutsya dengi? Filosofiya postkreditnogo kapitalizma [How is money made? The philosophy of post-credit capitalism]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2018, vol. 19, no. 4, p. 43–72. (in Russ.)

- Бэж У.** От индустриального общества к обществу риска // *THESIS*. 1994. № 5. С. 161–168.
- Bek U.** Ot industrialnogo obshchestva k obshchestvu riska [From industrial society to risk society]. *THESIS*, 1994, no. 5, p. 161–168. (in Russ.)
- Гидденс Э.** Судьба, риск, и безопасность // *THESIS*. 1994. № 5. С. 107–134.
- Giddens E.** Sud'ba, risk, i bezopasnost [Fate, risk, and safety]. *THESIS*, 1994, no. 5, p. 107–134. (in Russ.)
- Диев В. С.** Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 4–11.
- Diev V. S.** Ratsionalnye resheniya: kriterii, modeli, paradoksy [Rational solutions: criteria, models, paradoxes]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 8, p. 4–11. (in Russ.)
- Диев В. С.** «Принятие решений» как междисциплинарная сфера исследований: генезис и тенденции развития // *Пространство и Время: Альманах*. 2015. Т. 9, вып. 2: Пространство и время принятия решений. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast9- 2.2015.21.
- Diev V. S.** “Prinyatie reshenii” kak mezhdistsiplinarnaya sfera issledovaniy: genезis i tendentsii razvitiya [“Decision-making” as an interdisciplinary field of research: Genesis and development trends]. In: *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time. Almanac. Electronic scientific edition], 2015, vol. 9, rel. 2: Prostranstvo i vremya prinyatiya reshenii [Space, Time and Decision making]. Web. 2227-9490e-aprovr_e-ast9- 2.2015.21. (in Russ.)
- Дубровский Д. И.** Обман: философско-психологический анализ. М., 1994.
- Dubrovsky D. I.** Obman: filosofsko-psihologicheskii analiz [Deception: philosophical and psychological analysis]. Moscow, 1994. (in Russ.)
- Зубков В. И.** Социологическая теория риска. М., 2009.
- Zubkov V. I.** Sotsiologicheskaya teoriya riska [A sociological theory of risk]. Moscow, 2009. (in Russ.)
- Жижек С.** Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
- Zhizhek S.** Vozvyshennyi ob'ekt ideologii [Sublime object of ideology]. Moscow, 1999. (in Russ.)
- Канеман Д., Тверски А.** Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения. Харьков, 2005.
- Kahneman D., Tversky A.** Prinyatie reshenii v usloviyah neopredelennosti [Decision – making under uncertainty: rules and biases]. Kharkov, 2005. (in Russ.)
- Карелина С. А.** Институт несостоятельности (банкротства) граждан как средство защиты прав в условиях рыночной экономики // *Вестник МГУ. Серия 11. Право*. 2016. № 6. С. 85–93.

- Karelina S. A.** Institut nesostoyatelnosti (bankrotstva) grazhdan kak sredstvo zashchity prav v usloviyah rynochnoi ekonomiki [Institution of insolvency (bankruptcy) of citizens as a means of protection of rights in a market economy]. *Bulletin of MSU. Series: 11, Right*, 2016, no. 6, p. 85–93. (in Russ.)
- Кочюнас Р.** Экзистенциальная терапия в группах // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 2. С. 139–160.
- Kochyunas R.** Ekzistentsialnaya terapiya v gruppah [Existential therapy in groups]. *Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*, 2002, no. 2, p. 139–160. (in Russ.)
- Кравченко С. А.** Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. М., 2013. С. 13–20.
- Kravchenko S. A.** Novye uyazvimosti i riski sovremennogo etapa razvitiya rossiiskogo obshchestva [New vulnerabilities and risks of the current stage of development of Russian society]. In: *Rossiya v novoi sotsialno-politicheskoi realnosti: monitoring vyzovov i riskov [Russia in the new socio-political reality: monitoring challenges and risks]*. Moscow, 2013, p. 13–20. (in Russ.)
- Кравченко С. А.** Динамичная природа социального риска: необходимость нелинейного мышления и адекватного теоретического инструментария // Социальная политика и социология. 2008. № 3 (39). С. 44–60.
- Kravchenko S. A.** Dinamichnaya priroda sotsialnogo riska: neobhodimost nelineinogo myshleniya i adekvatnogo teoreticheskogo instrumentariya [The dynamic nature of social risk: the need for nonlinear thinking and adequate theoretical tools]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*, 2008, no. 3 (39), p. 44–60. (in Russ.)
- Кьеркегор С.** Болезнь к смерти. М., 2014.
- Kierkegaard S.** Disease to death. Moscow, 2014. (in Russ.)
- Мертон Р., Боди З.** Финансы. М., 2007.
- Merton R., Bodi Z.** Finance. Moscow, 2007. (in Russ.)
- Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- Merton R.** Social theory and social structure. Moscow, 2006. (in Russ.)
- Назаров Д. Г.** Особенности и тенденции банкротства физических лиц в современной России // Евразийская адвокатура. 2018. № 1. С. 42–44.
- Nazarov D. G.** Osobennosti i tendentsii bankrotstva fizicheskikh lits v sovremennoi Rossii [Features and trends of bankruptcy of individuals in modern Russia]. *Evraziiskaya advokatura [Eurasian Bar]*, 2018, no. 1, p. 42–44. (in Russ.)

- Найт Ф.** Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003.
Knight F. Risk, neopredelennost i pribyl [Risk, uncertainty and profit]. Moscow, 2003. (in Russ.)
- Полукордене О. К.** Психологические кризисы и их преодоление: основные знания о превенции, интервенции и поственции кризисов и самоубийств. Вильнюс, 2003.
Polukordene O. K. Psihologicheskie krizisy i ih preodolenie: osnovnye znaniya o preventsii, interventsii i postventsii krizisov i samoubiistv [Psychological crises and their overcoming: basic knowledge of prevention, intervention and prevention of crises and suicides]. Vilnius, 2003. (in Russ.)
- Рикер П.** Справедливость. М., 2005.
Ricaur P. Spravedlivost [Justice]. Moscow, 2005. (in Russ.)
- Ряховская А. Н.** Социально-экономические предпосылки финансовой нестабильности граждан // Экономика и управление. 2018. № 1. С. 84–95.
Ryahovskaya A. N. Sotsialno-ekonomicheskie predposylki finansovoi nestabilnosti grazhdan [Socio-economic background of financial instability of citizens]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics & Management], 2018, no. 1, p. 84–95. (in Russ.)
- Свириденко О. М.** Принцип объективной реальной платежеспособности должника // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 99–103.
Sviridenko O. M. Printsip ob'ektivnoi realnoi platezhеспособности dolzhnika [The principle of objective real solvency of the debtor]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian law], 2016, no. 11, p. 99–103. (in Russ.)
- Сартр Ж.-П.** Сумерки богов. М., 1989.
Sartre J.-P. The twilight of the gods. Moscow, 1989. (in Russ.)
- Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2015.
Sartre J.-P. Being and nothingness: The Experience of phenomenological ontology. Moscow, 2015. (in Russ.)
- Хайдеггер М.** Время и бытие. М., 1993.
Heidegger M. Time and being. Moscow, 1993. (in Russ.)
- Хесле В.** Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–113.
Hösle V. Krizis individualnoi i kollektivnoi identichnosti [Crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii* [Question of Philosophy], 1994, no. 10, p. 112–113. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Будько Елена Владимировна, аспирантка Тверского государственного технического университета (наб. Афанасия Никитина, 22, Тверь, 170026, Россия)

Elena V. Budko, postgraduate student, Tver State Technical University (22 Afanasy Nikitin embankment, Tver, 170026, Russian Federation)

alena_budko@mail.ru

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-99-109

Динамика социокультурной трансформации села: модели эволюции

В. С. Шмаков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализ социокультурной динамики развития сельских локальных сообществ в условиях структурных трансформаций в производственно-экономической и институциональной деятельности показывает, что формируется новая парадигма развития села, основывающаяся на доктрине многоуровневой экономики. Сельские сообщества, представляющие социально-территориальную локацию, генерируют модели поддержания своей самоидентичности, отражающие социальную структуру, условия, образ и уровень жизни. Социокультурное поведение жителей села детерминирует социальный и ментальный механизмы развития, в том числе воспроизводство населения в качестве субъекта социокультурной деятельности. Социокультурный портрет сельских сообществ отражает главные проблемы их развития: дифференциация уровня и качества жизни сельских локальных сообществ, резкое расслоение на богатых и очень бедных.

Ключевые слова

сельские локальные сообщества, социокультурная динамика, социально-экономические процессы, модели развития

Для цитирования

Шмаков В. С. Динамика социокультурной трансформации села: модели эволюции // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 99–109. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-99-109

Dynamics of Socio-Cultural Transformation of the Village: Models of Evolution

V. S. Shmakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The analysis of socio-cultural dynamics of rural local communities development in the conditions of structural transformations in production-economic and institutional activity shows that a new paradigm of rural development is being formed, based on the doctrine of multi-layered economy. Rural communities,

© В. С. Шмаков, 2020

representing a socio-territorial location, generate models of maintaining their identity, reflecting the social structure, conditions, lifestyle and standard of living. The socio-cultural behavior of the villagers determines the social and mental mechanisms of development, including the reproduction of the population as a subject of socio-cultural activities. The socio-cultural portrait of rural communities reflects the main problems of their development: differentiation of the level and quality of life of rural local communities, sharp stratification into the rich and very poor.

Keywords

rural local communities, socio-cultural dynamics, socio-economic processes, development models

For citation

Shmakov V. S. Dynamics of Socio-Cultural Transformation of the Village: Models of Evolution. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 99–109. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-99-109

Сравнительный анализ развития агропромышленного комплекса Российской Федерации (далее – АПК) свидетельствует о тенденции нарастания поляризации социально-экономического пространства сельскохозяйственных территорий и отражает связанные с этим изменения социокультурной среды сельских локальных сообществ, рост социальной и экономической дифференциации жителей села. Эти процессы во многом определяются неоднородностью производственно-экономического развития сельскохозяйственных регионов России, природно-климатическими, пространственными, ресурсными возможностями, детерминирующими деятельность сельскохозяйственных производителей в условиях рынка. Современные процессы социокультурной трансформации сельских локальных сообществ обуславливаются целым рядом обстоятельств. Во-первых, результатом процессов модернизации АПК является тот факт, что в России произошли резкое снижение уровня и качества жизни сельского населения, стремительный рост бедности, практически полное разрушение инфраструктуры. В литературе активно исследуются проблемы влияния трансформационных процессов на социально-экономическое развитие российского села (см.: [Нефедова, 2014; Андриющенко, 2019] и др.). Анализируются экономические, политические и ресурсные факторы устойчивого развития. Исследователями предлагаются различные концепции для их объяснения в контексте анализа социально-экономических процессов. Рассматриваются проблемы формирования основных факторов экономических и социокультурных изменений (см.: [Кузнецов, 2018; Тощенко, Великий, 2018; Семёнов, Алиева, 2018] и др.).

Фундаментальные производственно-экономические, институциональные и политические сдвиги, а также обусловленные ими социальные процессы осмысливаются их исследователями в форме моделей, демонстрирующих социокультурную природу трансформационных изменений, что подчеркивает необходимость их

дальнейшего теоретического анализа, установления перспектив их развития, определения моделей эволюции сельских локальных сообществ, прогнозного проектирования развития села. Основная задача осуществляемого нами исследования заключается в обозначении структурных изменений, определяющих направление и динамику социокультурного развития сельских локальных сообществ с целью выявления перспективных моделей развития села. Сельские локальные сообщества в качестве объекта исследования мы определяем как открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему членов сообщества, коллектив людей, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями. Сообщество выступает как субъект управления, определяющий и защищающий общие интересы. Предметом исследования является социокультурный комплекс, составляющий системную целостность условий жизнедеятельности и функционирования сельских локальных сообществ. Мы полагаем, что социокультурные процессы в сельских сообществах являются, с одной стороны, реакцией на проводимую государством политику, а с другой – следствием адаптационных стратегий, постоянно вырабатываемых населением в ответ на эту политику. Использование системного подхода позволяет обозначить совокупность эволюционных процессов в агропромышленных регионах, обеспечить комплексность рассмотрения динамики социокультурных изменений, происходящих в сельских локальных сообществах, осуществить оценку их способности содействовать формированию условий устойчивого развития этих сообществ. Современные методы социально-эконометрического анализа и прогноза позволяют создать развернутую систему экзо- и эндогенных связей, зафиксировать основные структурные изменения, определяющие динамику социокультурного развития села; акцентировать социокультурные функции сельских локальных сообществ; создать социокультурный портрет современного российского села, выделить модели развития сообществ, способствующие определению переломных точек движения (см.: [Шмаков, 2015. С. 145–148]).

Социокультурная трансформация сельских локальных сообществ – это процесс их комплексного эволюционного преобразования, изменения их формы и содержания как системных образований. Р. Акофф выделил три основных типа систем, содержащих характерные особенности, имеющие общность целевых ориентаций системы и ее частей. «Детерминированные» – «системы, не имеющие цели, части которых не являются целенаправленными, – это системы, свойства которых заранее определены». «Анимационные» – «системы в отличие от своих частей имеют собственные цели». «Социальные» – «имеют свои цели, содержат части (другие общественные системы или одушевленные организмы), которые также имеют соб-

ственные цели и обычно являются частями больших социальных систем» [2002. С. 41–45]. Социальная сущность сельских локальных сообществ (как социетальной подсистемы) представляет собой цельность материальных и нематериальных комплексов, включая ансамбль географических и природно-климатических условий, которые обеспечивают связь с природой и рекреационную деятельность, в совокупности создают интегративную общность условий и способов жизнедеятельности сельского населения, являющегося его субъектным олицетворением, определяющим модели своего развития. Социально-экономическое пространство села, являясь достаточно сложной социо-, эколого-, экономической системой, объединяющей человеческий капитал, материальные и природные ресурсы, представляется пространством взаимодействия власти, бизнеса и общества, включает в себе множество относительно самостоятельных подсистем.

Рассмотрим основные структуры, формирующие систему и определяющие динамику социокультурного развития сельских локальных сообществ. Производственно-экономический комплекс, созданный на пространственной и ресурсной базе, включает производственные, хозяйственные, ресурсоперерабатывающие и другие предприятия материально-технического комплекса жизнедеятельности сельского населения. Государственная аграрная политика конституирует основные проблемы развития села, формирует программы финансирования, кредитования, юридического сопровождения системного совершенствования АПК, способствует обновлению производственно-экономического механизма развития (см.: [Шагайда, Узун, 2018]).

Эта деятельность государства оказывает важное влияние на эволюцию социокультурной жизни сельских локальных сообществ как целостной многофункциональной системы. Совокупная оценка факторов, обеспечивающих динамику производственно-экономического развития АПК, выявление особенностей функционирования агропромышленного производства как системы, позволяют интегрировать ряд взаимосвязанных блоков. Аграрная политика государства объединяет и регулирует инновационно-технологическое развитие, земельный и сырьевой потенциал (включая восстановление многообразия природных ресурсов); многоукладную экономику, представленную новыми хозяйствующими субъектами: крупные предприятия (агрохолдинги), фермерские и личные подсобные крестьянские хозяйства (далее – ЛПХ). Разумеется, эти параметры не исчерпывают всю систему производственно-экономических связей, но оказывают решающее влияние на диверсификацию экономической деятельности (отраслевая специализация, кластерная система производства и др.). При этом необходимо учитывать специфику сельского хозяйства Российской Федерации, связанную с природно-климатическими условиями, аритмичностью, неравномерностью и прерывистостью

прохождения стадий эволюции сельского хозяйства на разных этапах развития страны и ее регионов, что в комплексе определяет различные уровни и типы хозяйствования.

Нынешняя аграрная политика государства оказала системное влияние на формирование рыночных отношений и многоукладной экономики в АПК¹, что способствовало поляризации социально-экономического пространства, сегментированию сравнительно однородного социально-экономического поля (бывшие колхозы, совхозы, крупхозы) на кластеры инновационных преобразований. Возникающие в процессе трансформации новые формальные и неформальные правила изменяют сложившиеся практики хозяйствования и оказывают конституирующее влияние на дальнейшее развитие АПК². Реалии, формирующиеся в производственно-экономической сфере развития села, выгодны для тех субъектов и социальных сил, чьи позиции формируют систему новых неформальных правил и их формализацию, закрепляющих новую конструкцию власти и экономики. Складывающиеся производственно-экономические отношения, институты оказывают организующее и регулирующее влияние на социальную структуру общества, что определяется взаимодействиями между институтами и сообществом. Первые формулируют правила игры, а вторые являются игроками и оказываются не всегда в выигрыше. Рулетка, однако. Но институционализация – это не просто процесс формирования новых институтов, регулирующих развитие сельских локальных сообществ. Как отметил один из основоположников институционализма, основатель социально-психологического направления Торстейн Веблен, эволюция сопровождается институциональными изменениями путем отбора и закрепления таких форм поведения, которые в наибольшей мере способствуют выживанию и процветанию всего сообщества [Веблен, 2011].

Несмотря на то, что процесс изменения институциональных отношений достаточно сложно проследить, заметно, что складывающиеся неформальные связи, контакты, взаимодействия вытесняют формальные, определяющиеся предыдущим, социалистическим, способом производства. Основной причиной институциональных изменений является переход от одного типа производственно-экономических отношений к другому: централизованная система развития АПК заменяется системой рыночных отношений и многоукладной экономикой. Институциональные изменения периода модернизации можно охарактеризовать как не

¹ Закон РСФСР от 23.11.1990 № 374-1 «О земельной реформе» и последующий Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации». URL: base.garant.ru/10107009/.

² Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 06.06.2019). URL: base.garant.ru/77661081/.

только определяемые иницированными сверху социальными преобразованиями, но вместе с тем и спонтанные, по большей части, т. е. не целенаправленные, не спланированные. Это дает основание полагать, что институциональные структуры в сельских локальных сообществах возникают и существуют сами по себе, поскольку не разработаны законодательные меры проведения реформ, определяющие и закрепляющие отношения в институциональной и социокультурной сферах. Да и само население достаточно слабо понимает основные принципы проводимых реформ, что предопределяет отсутствие общественного консенсуса по поводу реформирования. Концентрированным выражением институционализации является процесс формирования новой социальной структуры села, оказывающей системообразующее влияние на изменение и формирование моделей социокультурных отношений в сельских локальных сообществах, определяющих стратегию поведения жителей села. Эти модели, с учетом реально существующих вариантов их реализации, можно охарактеризовать как ориентированные на выживание, а не на развитие, они детерминируют изменения социального и ментального потенциала жителей села, его субъектность, оказывают ключевое влияние на процесс формирования новых субъектов хозяйственной деятельности³.

Сельские локальные сообщества как организованная определенным образом совокупность социальных элементов ставят цели своего развития, определяют ресурсы и средства для достижения результатов, устанавливают направления движения, вектора потребностей, интересов и стремлений различных страт населения сельских сообществ, всю систему отношений институционально-эволюционного развития села. Это основные компоненты, определяющие изменения в жизни со-

³ Субъектами сельскохозяйственной деятельности согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (с изменениями и дополнениями) признаются организация, индивидуальный предприниматель (далее – сельскохозяйственный товаропроизводитель), осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством Российской Федерации, и реализацию этой продукции при условии, что в доходе сельскохозяйственных товаропроизводителей от реализации товаров (работ, услуг) доля дохода от реализации этой продукции составляет не менее чем 70 % за календарный год.

Сельскохозяйственными товаропроизводителями признаются также:

1) граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»;

2) сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), созданные в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. №193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (далее – Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации»);

3) крестьянские (фермерские) хозяйства в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». URL: base.garant.ru

временного села и оказывающие стимулирующее влияние на формирование поведенческих моделей сельских жителей. Можно отметить, что трансформация жизненных стратегий, места, роли и функций сельских локальных сообществ в социальной системе общества – это процесс не скорый. Жители достаточно медленно вырабатывают собственные, независимые от государства практики адаптации к новым условиям жизни на основе имеющихся возможностей, средств и способов, определяющих специфику этого социокультурного процесса. Социокультурную основу сообщества составляют общественные стереотипы, общность интересов и целей, служащие способом типизации социальных процессов, выражением системной целостности сообщества. Это в идеале. Но складывающаяся ситуация в развитии села показывает, что сельские жители в процессе производственно-экономической и институциональной трансформации самостоятельно определяют только собственные пути выживания в новых условиях, используя все имеющиеся ресурсы, включая архаичные формы хозяйствования, применяя конструкции социальных и кровнородственных связей, воспроизводя патриархальную систему сетевой взаимопомощи. Социокультурный портрет жителей села, отражающий модели поведения, определяется трудовой мотивацией, социальной мобильностью и активностью населения села. К показателям, характеризующим социокультурный портрет сельских жителей, можно отнести степень их участия в самоуправлении; уровень восприятия сообществом инноваций; экономическое поведение, способствующее диверсификации экономической деятельности. К важным признакам, определяющим инновационное развитие села, необходимо отнести систему занятости, обусловившую социальную структуру современного села. От социальной направленности аграрной политики государства зависят уровень и качество жизни, развитие образования, медицины, инфраструктуры и т. д.

Выделим основные процессы структурных изменений, оказывающие влияние на эволюцию социокультурных функций села.

1. Разрыв сложившейся в постперестроечный период системы социально-экономических связей, обеспечивающих в 1990-е – 2000-е гг. воспроизводство материальных ресурсов, социального и человеческого капитала села, привел, во-первых, к разрушению социальной и культурной инфраструктуры села. Эти процессы способствовали кризису, изменению самого сельского образа жизни, проявляющегося в том, что сельская не аграрная экономика и занятость сельских жителей (отходничество в первую очередь) за пределами села, начинает преобладать, по своему значению, в бюджете сельской семьи, над традиционной сельскохозяйственной ориентацией. Во-вторых, активизировался процесс количественного и качественного сокращения сельских поселений, связанный с ликвидацией «бесперспективных» деревень. В-третьих, феномен приватизации привел к появлению

«проигрывающих сообществ», для которых характерны высокий уровень бедности, тенденция к маргинализации населения вследствие локальных ограничений. Сокращение занятости жителей села в ЛПХ приводит к сжатию значения этого сегмента сельской экономики как альтернативы трудоустройства по месту жительства и получения доходов. В целом нестабильность производственно-экономической деятельности, ресурсная ограниченность ЛПХ, традиционное производственно-экономическое и социокультурное отставание села от города способствует возникновению эффекта разрушения целостности сельского локального сообщества, снижению его роли в системе самоуправления, активизации процессов миграции, формирования системы «отходничества», что приводит к оттоку из села квалифицированных работников.

2. В случае если ситуация характеризуется еще и ограниченными возможностями миграции, положение таких сообществ становится практически безысходным, образуются локальные очаги безработицы, развиваются процессы пауперизации значительной части работников, ведущие к упадку трудового этоса крестьянства.

Отмеченные процессы обуславливают негативную социокультурную динамику и изменяют систему социальных функций сельских локальных сообществ. Формирующиеся на локальном уровне модели социокультурного развития сообществ в процессе приспособления к изменениям внешней и внутренней среды носят не инновационный, а, скорее, традиционный характер. Активизируется система кровнородственных, дружеских, соседских связей; сетей социальной поддержки и др., как способов выживания в кризисных условиях, в целях воспроизводства экономических ресурсов ЛПХ и социального капитала сообществ, отражая субъектную сторону формирования симбиотической модели развития. Сети социальной поддержки образуются усилиями таких акторов, как: руководители крупхозов, предпринимательских структур; представителей социокультурных институтов, включенных в сети социальной взаимопомощи; отчасти, властных структур. Системным функциональным индикатором является демография. Семья представляется одним из основных субъектов, исполняющих социокультурные функции в сельских локальных сообществах (численность населения, миграционное поведение, территориальная мобильность, воспитание, образование, здоровье). Именно сельская семья оказывает регулирующее воздействие на демографическую ситуацию (темпы роста сельского населения, рождаемость, продолжительность жизни), в целом сохраняет поселенческую структуру. Социокультурные аспекты развития сельских сообществ определяют и фиксируют проблемы культурологического плана: поддержание и приумножение материальной, духовной культуры и ценностных ориентаций, самобытности народов (их языка, обычаев, обрядов,

фольклора, народных традиций); развитие рекреационных функций; в целом сохранение этоса крестьянства.

В заключение можно отметить, что производственно-экономические, институциональные и социокультурные изменения, происходящие в сельских локальных сообществах, составляют процесс формирования новой парадигмы развития села, основывающейся на доктрине многоукладной экономики и определяющей динамику социокультурного развития сообществ. В ходе социокультурных преобразований осуществляется процесс перехода от традиционализма (определенной замкнутости) к открытости (с учетом влияния глобализации). Модернизация ускоряет этот переход. Анализ процессов трансформации социокультурной сферы села дает понимание сельских сообществ как единства сложившейся культуры и формирующейся новой социальности, образуемой под влиянием производственно-экономических и институциональных изменений. Многие социокультурные процессы в условиях резких структурных преобразований в производственно-экономической и институциональной деятельности достаточно кратковременны, противоречивы и имеют нелинейный характер, поскольку «траектория социального времени» становится более прерывной и каждый ее отрезок, фиксирующий то или иное социальное явление, может быть достаточно краткосрочным. В условиях складывающихся социокультурных инноваций в жизни сельских сообществ, приоритетом выступает проблема сохранения социокультурных функций в контексте формирующихся социокультурных инноваций, именно в этом проявляется разновекторность изменений социокультурного развития села. С одной стороны, идет процесс формирования моделей социокультурного поведения в зависимости от доступных сообществу ресурсов и технологий, выражающийся в попытке сохранить традиционный образ жизни. С другой стороны, в своем развитии сельские локальные сообщества подчиняются общим закономерностям трансформации в условиях глобальной и региональной реструктуризации. Эти модели социокультурного поведения объединяют население села в специфическую социально-территориальную локацию. Концентрированное выражение этих процессов имеет место в социальной структуре, характере и образе жизни. Социокультурные процессы программируют социальный и ментальный потенциал населения села, детерминируют воспроизводство субъектов, определяющих социокультурную сущность сельских сообществ. Под воздействием этих процессов целостность сельского локального сообщества стремится к распаду, снижается его роль в системе самоуправления. Вместе с тем социокультурные изменения продолжают оказывать значительное влияние на складывающуюся в сообществах коммуникационную систему, порождая ее структурные изменения, формируя новые нормы, правила, стереотипы поведения, ценности, институты. Складывающаяся конфигу-

рация социокультурных отношений определяет политическое поведение людей в связке с социальным содержанием. Жители села продолжают оставаться активным субъектом осуществляющихся социокультурных процессов.

Список литературы / References

- Акофф Р.** Акофф о менеджменте. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
Akoff R. Akoff o menedzhmente [Akoff on management]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 448 p. (in Russ.)
- Андрющенко С. А.** Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2019. № 2. С. 34–38.
Andryushchenko S. A. Natsionalnye i regionalnye mekhanizmy realizatsii prioritetrov razvitiya proizvodstvennogo potentsiala agroprodovolstvennogo kompleksa Rossii [National and regional mechanisms for the implementation of priorities for the development of the production potential of the agro-food complex of Russia]. *International Journal of Agriculture*, 2019, no. 2, p. 34–38. (in Russ.)
- Веблен Т.** Теория праздного класса. М.: Либроком, 2011. 368 с.
Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 368 p. (in Russ.)
- Кузнецов В. В.** Факторы инновационного развития сельского хозяйства в условиях «новой нормальности» // Друкеровский вестник. 2018. № 1. С. 67–72.
Kuznecov V. V. Faktory innovatsionnogo razvitiya selskogo hozyaistva v usloviyah «novo normalnosti» [Factors of innovative development of agriculture in the conditions of «new normality»]. *Drucker's Herald*, 2018, no. 1, p. 67–72. (in Russ.)
- Нефедова Т. Г.** Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2014. 456 с.
Nefedova T. G. Desyat aktualnyh voprosov o selskoi Rossii: Otvety geografa [Ten pressing questions about rural Russia: the responses of the geographer]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 456 p. (in Russ.)
- Семёнов С. Н., Алиева Д. М.** Современные тенденции устойчивого развития социального пространства АПК и сельских территорий // Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства и сельских территорий. Саратов, 2018. С. 146–149.
Semenov S. N., Alieva D. M. Sovremennyye tendentsii ustoichivogo razvitiya sotsialnogo prostranstva AP i selskih territorii [Modern trends of sustainable development of social space of agriculture and rural areas]. In: *Problemy i perspektivy*

razvitiya selskogo hozyaistva i selskih territorii [Problems and prospects of development of agriculture and rural areas]. Saratov, 2018, p. 146–149. (in Russ.)

Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27, № 1. С. 7–33.

Toshchenko Zh. ., Velikii P. P. Osnovnye smysly zhiznennogo mira selskih zhitelei Rossii [The main meanings of the life world of rural residents of Russia]. *World of Russia*, 2018, vol. 27, no. 1, p. 7–33. (in Russ.)

Шагайда Н. И, Узун В. Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. № 9. С. 2–9.

Shagaida N. I., Uzun V. Ya. Tendentsii razvitiya i osnovnye vyzovy agrarnogo sektora Rossii [Development trends and main challenges of the Russian agricultural sector]. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*, 2018, no. 9, p. 2–9. (in Russ.)

Шмаков В. С. Аграрная политика России как фактор устойчивого развития АПК // Вестник НГУ. Серия: Философия, 2015. Т. 13, № 4. С. 144–155.

Shmakov V. S. Agrarnaya politika Rossii kak factor ustoichivogo razvitiya APK [Agrarian policy of Russia as a factor of sustainable development of agriculture]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2015, vol. 13, no. 4, p. 144–155. (in Russ.)

Шмаков В. С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 4. С. 135–145.

Shmakov V. S. Selskie lokalnye soobshchestva: k metodologii issledovaniya [Rural local communities: towards research methodology]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 135–145. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

11.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Шмаков Владимир Сергеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Science (Philosophy), leading researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

vsshmakov@gmail.com

УДК 316.77 + 314.93

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-110-130

Динамика владения языками в республиках Сибири

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На основе данных переписей населения 1989–2010 гг., а также результатов конкретных социологических исследований выполнен анализ динамики владения языками различными этническими группами в национальных республиках Сибири. Анализ данных позволил выявить тенденцию к интеграции этнических сообществ во всероссийское лингвокультурное пространство на основе усиления роли русского языка как фактора консолидации и гармонизации межэтнических взаимоотношений. Несмотря на различия в моделях языковой политики, осуществляемых в республиках Алтай, Хакасия, Тыва и Саха (Якутия), а также разных пропорциях в этническом составе русского и титульного этносов, выявлена общность тенденции увеличения доли выбирающих русский язык в качестве родного.

Ключевые слова

язык, языковая ситуация, владение языками, этнические группы, республики Сибири, межэтническое взаимодействие

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223)

Для цитирования

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Динамика владения языками в республиках Сибири // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 110–130. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-110-130

Dynamics of Language Proficiency in the Republics of Siberia

M. A. Abramova, G. S. Goncharova, V. G. Kostyuk

*Institute of philosophy and law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

On the basis of data from the all-Russian censuses of 1989–2010, as well as the results of specific sociological studies, the analysis of the dynamics of language proficiency by various ethnic groups in the national

© М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

republics of Siberia is performed. The analysis of the data revealed a tendency to integrate ethnic communities into the all-Russian linguistic and cultural space based on the strengthening of the role of the Russian language as a factor of consolidation and harmonization of inter-ethnic relations. Despite the differences in the patterns of language policy in the republics of Altai, Khakassia, Tyva, Sakha (Yakutia), as well as different proportions in the ethnic composition of the Russian and of the titular ethnic groups the study revealed a common trend of increasing the share of population choosing the Russian language as native.

Keywords

language, language situation, language proficiency, ethnic groups, republics of Siberia, interethnic interaction

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project no. 18-011-00223

For citation

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Dynamics of Language Proficiency in the Republics of Siberia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 110–130. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-110-130

В условиях глобализации, интенсификации экономических, культурных, политических связей между нациями и государствами этническое многообразие является, с одной стороны, ресурсом развития всего мира, а с другой стороны – проблемой для государственной национальной политики каждой страны, поскольку сохранение устойчивого развития требует согласования интересов народов в сфере труда, культуры, образования, языковой, информационной коммуникации.

Постановка проблемы. Социально-политическая ситуация, трансформирующаяся в последние тридцать лет в России под воздействием различных модернизационных процессов, в значительной степени повлияла на изменение в том числе и языковой ситуации в регионах. Миграционные процессы, политические решения, сопровождавшиеся изменением в республиканских конституциях и повлиявшие как на образовательные практики, так и на рынок труда, в значительной мере обусловили пересмотр отношения граждан к актуальности владения тем или иным языком (русским, языком титульной группы и пр.). В рамках нашего исследования мы сфокусировали внимание на анализе динамики владения языками в национальных республиках Сибири. Анализ тенденций позволит выявить проблемы в консолидации общества и возможные перспективы их решения, в том числе относительно совершенствования механизма языковой (и шире – национальной) политики в регионах России.

Степень изученности проблемы. На необходимость философского осмысления проблемы сохранения культурного многообразия как ресурса развития цивилизации обратил внимание еще в начале XX в. Вильгельм Вундт в своем 10-томном труде «Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев»; 9-й том «Право», 10-й – «Культура и общество». Важно отметить, что рели-

гию, искусство, язык он рассматривал с позиций становящейся этнопсихологии как проявления народного духа [Вундт, 1912]. Но дифференциация наук о народах в последующие годы (этнолингвистика, этнокультурология, этносоциология) позволила расширить представления о ценности социальных институтов и социокультурных феноменов. Общим в содержании дисциплин является доминирование принципа взаимообусловленности индивида и общества, языка и культуры, бытия и сознания. При этом интегрируются идеи историко-культурного (И. Гердер, В. Гумбольдт, Н. С. Трубецкой, А. А. Потебня), деятельностного (А. Н. Леонтьев, Э. Дюркгейм, Г. П. Щедровицкий), психологического (В. Вундт, Г. Миллер, Г. У. Солдатова, Г. М. Андреева), социокультурного (П. А. Сорокин, Э. А. Орлова, Н. И. Лапин, Ю. М. Резник), информационно-коммуникативного (А. Шюц, Ю. Хабермас, Э. Сепир, Б. Л. Уорф, С. Арутюнов, Т. З. Адамьянц) подходов.

Необходимо отметить, что во всех этих науках важнейшая роль отводится языку – как главному средству коммуникации между людьми; способу фиксации человеком символов, норм, обычаев, передачи информации и моделей поведения; продукту духовной культуры и условию развития народов. Разнообразие подходов к феномену языка наиболее полно, по нашему мнению, интегрировано в лингвокультурологии, имеющей обширные «зоны пересечений» в теоретико-методологическом плане с этно- и лингвокультурологией. Лингвистический поворот в социологии проанализирован китайским исследователем Лю Цзюанем: «Особенностью современной науки, отмечает он, – является интеграция в диалектическом единстве дифференциации и синтеза в высокой степени. Взаимопроникновение дисциплин служит объективным требованиям развития современного общества и неизбежной частью углубления сознания человека. Лингвистический поворот в социологии обусловлен развитием комплекса гуманитарных наук и философии» [2018. С. 122].

Однако необходимо учесть, что каждый «поворот» в науке, особенно социогуманитарной, – это не только гносеологическая и онтологическая проблема, требующая согласования «картины мира» и языков отдельных научных дисциплин, но и социальная проблема, обусловленная степенью адекватности восприятия происходящих в обществе изменений.

В исследовании языковой политики как составной части политики национальной мы разделяем идеи историко-культурного понимания нации, социокультурного и системного подходов к политике как идеологии и практике деятельности органов государственной власти и структур гражданского общества по регулированию развития и взаимодействия этнических общностей во всех сферах жизнедеятельности. Важной детерминантой социальной коммуникации в этих взаимодействиях в полиэтнической среде является язык – как основа идентификации

и этнический символ (В. Гумбольдт, Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло, В. А. Тишков). Политологический аспект языковой политики в многонациональных государствах весьма детально проанализирован в работах И. Г. Илишева, Л. М. Мухарямовой, В. А. Тишкова.

Содержание концепта «языковая политика» включает в себя ее нормативно-правовую базу (конституции, законы, целевые программы) и деятельность органов государственной власти и структур гражданского общества в реализации целей и задач, сформулированных в нормативных документах, относящихся к проблеме функционирования, развития и взаимодействия языков народов страны, региона.

Конституция Российской Федерации (ст. 68), определяя, что государственным языком на всей ее территории является русский язык, предоставляет республикам право устанавливать свои государственные языки. В Республике Саха (Якутия) – это язык саха и русский, в Республике Хакасия – хакасский и русский, в Республике Тыва – тувинский и русский, соответственно в Республике Алтай – алтайский и русский, что отражено в Конституциях данных республик.

Принципиальное значение в языковой политике России имеет ч. 3 ст. 68: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Хотя декларация этого права и получила конкретизацию в других федеральных и республиканских юридических документах, относящихся к национальной политике, культуре, образованию и языку, она была и остается предметом острых научных, правовых и политических коллизий, отражающихся в сфере межэтнических отношений. Эти коллизии усугубляются неоднозначной трактовкой в науке и политике ст. 69 Конституции РФ о гарантии прав коренных малочисленных народов и ст. 71 о защите и регулировании прав национальных меньшинств, а также понятий «коренной народ» в Конституциях республик и «малочисленные народы» в мировом праве.

Конкретные этно- и лингвосоциологические исследования показывают, что лингвокультурная среда в регионах России определяется в значительной мере языковой политикой, которая не всегда зависит от соотношения численности русского и титульных этносов, но всегда обуславливает идентификационные и образовательные стратегии населения [Абрамова и др., 2019].

В частности, А. В. Гусейнова [2014], анализируя динамику языковой ситуации в Республике Хакасия (где 80 % населения – русские), в своей диссертационной работе отмечает: «В законе о языках нашли отражение в основном императивные положения федерального Закона о языках, а закрепление функционального статуса хакасского языка в нем носит, главным образом, разрешительный характер. *Мягкий тип* (выделено нами. – М. А., Г. Г., В. К.) республиканского языкового за-

конодательства в отношении использования хакасского языка в социальных сферах способствует, с одной стороны, сохранению межэтнического согласия, а с другой – снижению престижности и востребованности хакасского языка, ограничивая его функционирование в социально значимых сферах». В итоге исследования она приходит к выводу, что мягкий (разрешительно-рекомендательный) характер языкового законодательства Республики Хакасия приводит к таким негативным последствиям, как уменьшение доли владеющих хакасским языком среди молодежи на фоне сохранения количества детей, получающих образование на хакасском языке в начальной школе. В то же время отмечается «стабильность высокого уровня этнической идентификации титульного этноса и стремление к сохранению родного языка», «повышение степени толерантности к хакасскому языку со стороны русского населения». Отметим, что по классификации ЮНЕСКО хакасский язык отнесен к неблагополучным языкам мира: сокращается количество владеющих им, ограничиваются сферы функционирования. Так, свободно владеют хакасским языком 63 % молодежи (для сравнения 88 % – у тувинцев, 75 – саха, 73 – алтайцев).

Сопоставим сделанные А. В. Гусейновой выводы с динамикой статистических данных по Республике Хакасия, полученными по результатам переписей населения с 1989 по 2010 г. (табл. 1, 2). Необходимо отметить, что изменения вопросов о языке в переписях (родной, степень владения и пр.) не всегда дают возможность проследить изменения.

Итак, по результатам переписи 2002 и 2010 гг. мы действительно можем наблюдать некоторое снижение владения хакасами языком своей этнической группы – с 71,1 к 61,3 % в 2010 г. Также можно отметить снижение востребованности хакасского языка представителями других этнических групп. Дополнительные сопоставления вопросов о восприятии хакасского как родного языка по данным переписей 1989 и 2010 гг. позволяют сделать вывод об увеличении числа хакасов, для которых русский язык стал родным: с 16,7 до 30 % в 2010 г. (см. табл. 2). В целом по республике отношение к русскому языку с 1989 г. значительно изменилось: с 6,8 до 40,6 % увеличилась доля выбирающих его в качестве родного.

Аналогичная тенденция характерна и для других этнических групп в Хакасии: украинцев, татар, чувашей, немцев и пр. Мы могли бы объяснить данную тенденцию доминирующим числом русского этноса в республике, но сравнение лингвокультурных ситуаций в республиках Хакасия и Якутия, а также общность тенденций в распространении русского языка не позволяют подтвердить существование данной зависимости.

Таблица 1

Динамика владения языками среди этносов в Республике Хакасия, 2002–2010 гг.

Table 1

Dynamics of language proficiency among ethnic groups in the Republic of Khakassia, 2002–2010

Республика Хакасия	2002				2010				
	Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %	
		своей национальной-ности	хакасским		русским	своей национальной-ности		хакасским	русским
Указаавшие национальную принадлежность	546 062	-	-	-	523 714	-	7,6	-	99,8
Русские	438 395	99,9	0,2	99,9	427 647	100,0	0,1	100,0	100,0
Хакасы	65 421	71,1	71,1	97,9	63 643	61,3	61,3	98,8	98,8
Немцы	9 161	30,8	1,5	99,9	5 976	21,4	1,0	99,9	99,9
Украинцы	8 360	41,3	0,3	99,9	5 039	37,8	0,3	99,8	99,8
Татары	4 001	-	-	-	3 095	38,4	0,6	99,6	99,6
Киргизы	626	-	-	-	1 875	77,7	1,2	96,1	96,1
Чуваши	2 530	-	-	-	1 824	33,8	1,1	99,9	99,9

Таблица 2

Динамика отношения этносов к выбору родного языка в Республике Хакасия, 1989–2010 гг.

Table 2

Dynamics of ethnic groups' attitude to the choice of their native language in the Republic of Khakassia, 1989–2010

Республика Хакасия	Численность указавших родной язык, чел.		Доля лиц (%), считающих родным					
	1989	2010	язык своей национальности		русский язык, не идентифицируя себя как русского		хакасский язык, не идентифицируя себя как хакаса	
			1989	2010	1989	2010	1989	2010
Указавшие национальную принадлежность	566 861	523 336	93,1	92,4	6,8	40,6	0	0,05
Русские	450 430	427 324	100	99,9	0	0	0	0
Хакасы	62 859	63 609	83,2	70,0	16,7	30,0	0	0
Немцы	11 250	5 972	38,1	10,4	61,6	89,4	0,1	0,2
Украинцы	13 223	5 036	45,8	22,5	54	77,3	0	0,1
Татары	4 721	3 095	56,3	33,6	43,3	65,9	0,1	0,2
Киргизы	–	1 874	–	89,2	–	9,7	–	0,3
Чуваши	3433	1 824	50,6	28,5	49,1	71,5	0,1	–

В Республике Саха (Якутия) иная лингвокультурная ситуация, где национальная (в том числе языковая) политика на протяжении всей ее истории характеризуется определенной оппозицией республиканской и федеральной властей. «Жесткий» тип этой политики детерминируется как соотношением численности населения саха и русских (примерно 1 : 1), с постепенным снижением доли славянского населения (табл. 3), так и этнократическими установками республиканской власти в этнокультурной политике, опасаящейся ассимиляционных установок власти федеральной. Закон «О языках в Республике Саха (Якутия)» начинается со слов: «Язык – уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Каждый народ имеет суверенное право сохранять свою самобытную культуру, традиции, язык». Статья 4 закона, определяя «язык саха как язык коренной нации, давшей название республике», подтверждает его государственный статус в республике и его государственную защиту, заботу о расширении его общественных и культурных функций, а ст. 24 «поощряет и стимулирует знание обоих государственных языков (саха и русского) руководителями республиканских органов власти и управления»¹. Но, несмотря на явную этнокультурную направленность как в политической, так и в образовательных стратегиях, на сокращение доли русского этноса с 41,1 до 37,8 %, а также увеличение доли саха с 45,5 в 1989 г. до 49,9 % в 2010 г., данные по владению русским языком (см. табл. 3) убедительно демонстрируют существующую тенденцию к интеграции населения во всероссийский контекст.

У всех этнических групп наблюдаются заметное снижение интереса к владению якутским языком и рост востребованности русского. Так, если в 2002 г. 94,3 % саха владели якутским языком, то в 2010 таких уже стало 87 %, при этом доля владеющих русским языком увеличилась с 87,1 до 90,4 %. Доля эвенков, владеющих якутским языком, снизилась с 84,6 до 81 %, эвенов – с 79,8 до 76,9 %. Изменения, конечно, незначительные, но выводы о степени влияния якутского и русского языков на среду взаимодействия можно сделать.

Данная тенденция, по всей вероятности, была зафиксирована при формировании лингвокультурной политики в Якутии, что нашло отражение в форсайт-исследовании будущего республики в горизонте до 2050 г., подготовленном специалистами Северо-Восточного (Якутия) и Сибирского (Красноярск) федерального университетов с участием экспертов из государственных органов РС(Я). В нем отношение к этничности рассматривается не как к ограниченности, которую люди преодолевают, а «как к особому ресурсу, капиталу, то есть источнику возможностей

¹ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 г. № 1170-XII. <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija>

Таблица 3

Динамика владения языками среди этносов в Республике Саха (Якутия), 2002–2010 гг.

Table 3

Dynamics of language proficiency among ethnic groups in the Republic of Sakha (Yakutia), 2002–2010

Республика Саха (Якутия)	2002				2010			
	Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %			Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		
		своей националь- ности	якутским	русским		своей националь- ности	якутским	русским
Указавшие национальную принадлежность	949 280	-	-	93,3	934 664	-	47,6	94,7
Якуты (саха)	432 290	94,3	94,3	87,1	466 492	87,0	87,0	90,4
Русские	390 671	99,7	2,5	99,7	353 649	99,9	2,0	99,9
Эвенки	18 232	0,4	84,6	89,1	21 008	5,7	81,0	91,1
Украинцы	34 633	51,5	0,8	99,7	20 341	43,6	0,8	99,8
Эвены (ламуты)	11 657	28,1	79,8	89,5	15 071	22,4	76,9	91,4
Татары	10 768	46,7	4,4	99,4	8 122	35,1	4,0	99,7
Буряты	7 266	55,9	5,4	99,0	7 011	42,4	4,9	99,5
Киргизы	1 454	-	-	95,0	5 022	70,0	3,0	96,6
Армяне	2 764	-	-	97,4	3 691	68,8	1,1	97,3
Узбеки	1 207	-	-	95,6	3 332	67,6	2,9	94,7

Таблица 4

Динамика отношения этносов к выбору родного языка в Республике Саха (Якутия), 1989–2010 гг.

Table 4

Dynamics of ethnic groups' attitude to the choice of their native language in the Republic of Sakha (Yakutia), 1989–2010

Республика Саха (Якутия)	Численность указавших родной язык, чел.		Доля лиц (%), считающих родным					
	1989	2010	язык своей национальности		русский язык, не идентифицируя себя как русского		хакасский язык, не идентифицируя себя как якута	
			1989	2010	1989	2010	1989	2010
Указавшие национальную принадлежность	1 094 065	932 925	89,4	89,0	8,8	12,1	1,7	6,7
Якуты (саха)	365 236	465 752	95,1	94,2	4,9	5,8	0	0
Русские	550 263	352 886	99,7	99,5	0	0	0,2	0,4
Эвенки	14 428	20 968	8,5	6,4	8,9	12,1	82,5	81,2
Украинцы	77 114	20 308	49,4	25,0	50,4	74,7	0,1	0,2
Эвены (ламуты)	8 668	15 054	34,7	20,5	10,7	13,3	54,3	65,4
Татары	17 478	8 106	55,4	36,3	43,7	61,6	0,6	1,6
Буряты	8 471	7 002	61,9	53,4	36,8	44,5	1,2	2,1
Киргизы	–	4 995	–	91,3	–	7,2	–	1,1
Армяне	–	3 684	–	87,2	–	12,4	–	0,2
Узбеки	–	3 319	–	87,5	–	10,5	–	1,0

для самоопределения и активности людей в современном мире» [Форсайт-исследование, 2014. С. 108]. Языковые аспекты представлены в докладе на основе комплексного социологического исследования 2011 г. Показано, что хотя около 70 % молодежи саха в возрасте 18–29 лет свободно владеют языком саха, в группе 18–19 летних таковых лишь около 50 %, а 23 % считают родным русский язык. В результате был сделан вывод: «существует значительный риск вытеснения якутского языка русским» [Там же. С. 76–77]. Необходимо отметить, что представленные результаты показали, что степень этого риска в Якутии существенно ниже, чем в Хакасии.

Полученные данные были подтверждены и более поздним исследованием, проведенным в апреле – мае 2019 г. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственным бюджетным учреждением Республики Саха (Якутия) Национальным агентством «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)», включившем массовый опрос, 30 экспертных интервью и четыре фокусированных групповых интервью в городах Якутск и Мирный. Несмотря на то, что исследование было направлено на комплексный анализ межэтнических отношений в республике, изучение проблемы языка в школьном образовании позволило Е. М. Арутюновой сделать вывод, что его статус обуславливает представления этнической группы о собственном статусе в республике [2019. С. 61].

По результатам сопоставления ответов респондентов о родном языке можно констатировать, что к 2010 г. опасность потери якутским языком статуса республиканского не существовала, несмотря на некоторое снижение доли владеющих им даже среди саха. Так, доля саха, считающих якутский язык родным, практически с 1989 г. не изменилась (95,1 % в 1989 г. и 94,2 % в 2010 г.). Возможно, усиление роли этнокультурного воспитания и обращение к востребованности этнической самоидентификации в РС(Я) повлияло на выбор родного языка у эвенков и эвенов, среди которых значительно снизилась доля, считающих якутский язык родным. Некоторую ассимиляцию с русскими можно наблюдать скорее у бурятов, среди которых доля считающих русский язык родным увеличилась с 36,8 до 44,5 % в 2010 г., при незначительном сокращении доли считающих бурятский язык родным. Отчасти это можно считать подтверждением версии о существовании значительного влияния среды общения на выбор родного языка.

В Республике Алтай, применяющей «мягкий» механизм сохранения языка, наблюдается тенденция по сохранению титульным этносом осознания алтайского в качестве родного языка на фоне уменьшения доли владеющих им (табл. 5). Так, если в 2002 г. среди алтайцев, владеющих языком своей этнической группы, было 89,2 %, то уже в 2010 г. таковых осталось 71,1 %. Несмотря на то, что доля считающих его родным, составившая в 1989 г. 89,6 %, практически не изменилась в 2010 г. – 86,1 % (табл. 6).

Таблица 5

Динамика владения языками среди этносов в Республике Алтай, 2002–2010 гг.

Table 5

Dynamics of language proficiency among ethnic groups in the Altai Republic, 2002–2010

Республика Алтай	2002				2010					
	Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		
		своей национальнойности	алтайским		русским	своей национальнойности		алтайским	русским	
Указавшие национальную принадлежность	202947	–	–	96,5	–	–	202736	–	26,0	97,4
Русские	116 510	99,9	1,05	99,9	1,05	114 802	100,0	0,9	0,9	100,0
Алтайцы	62 192	89,2	89,2	92,4	89,2	68 814	71,1	71,1	71,1	94,3
Теленгиты	2 368	97,7	97,7	84,4	97,7	3 648	95,7	95,7	95,7	85,9
Тубалары	1 533	26,6	17,6	99,8	17,6	1 891	10,6	16,0	16,0	99,8
Челканцы	830	56,1	17,8	98,4	17,8	1 113	24,9	17,5	17,5	100,0
Казахи	12 108	94,3	22,8	87,4	22,8	12 524	90,0	21,7	21,7	88,9
Кумандинцы	931	33,8	11,5	99,6	11,5	1 062	20,0	6,0	6,0	100,0
Украинцы	1 437	–	–	99,7	–	1 010	33,1	0,8	0,8	100,0
Немцы	903	–	–	99,8	–	700	17,9	–	–	99,7

Таблица 6
Динамика отношения этносов к выбору родного языка в Республике Алтай, 1989–2010 гг.

Table 6
Dynamics of ethnic groups' attitude to the choice of their native language in the Altai Republic, 1989–2010

Республика Алтай	Численность указавших родной язык, чел.		Доля лиц (%), считающих родным					
			язык своей национальности		русский язык, не идентифицируя себя как русского		хакасский язык, не идентифицируя себя как алтайца	
			1989	2010	1989	2010	1989	2010
Указавшие национальную принадлежность	190 831	202 583	94,9	92,9	4,9	14,6	0,1	0,29
Русские	115 188	114 712	99,9	99,9	0	0	0	0,1
Алтайцы	59 130	68 778	89,6	86,1	10,4	12,3	0	0
Теленгиты	–	3 646	–	–	–	1,0	–	98,9
Тубалары	–	1 890	–	22,3	–	58,3	–	19,3
Челканцы	–	1 113	–	56,7	–	38,0	–	5,2
Казахи	10 692	12 505	95,5	93,9	3,6	4,8	0,9	1,2
Кумандинцы	–	1 061	–	32,3	–	64,8	–	2,7
Украинцы	1 714	1 010	40,9	22,5	58,6	76,7	0,2	0,4
Немцы	8 30	698	23,7	10,3	74,8	89,7	1,2	–

Лишь около 2 % среди алтайцев с 1989 по 2010 г. пересмотрели свое отношение к алтайскому языку и выбрали русский, что, например, нельзя сказать об украинцах, проживающих на территории республики, которые в большей степени русифицировались (с 58,6 % в 1989 г. до 76,7 % в 2010 г.). Мы полагаем, что кроме применяемой «мягкой» модели в образовании значительное влияние на сохранение языка оказывает его реальная востребованность в среде общения, что и создает прецедент, когда представители этнической группы осознают в качестве родного алтайский, но выбирают для общения и взаимодействия русский язык. Данный вывод позволяет заключить, что основное влияние на сохранность языка оказывает не программа обучения, «мягкая» или «жесткая» модели, а наличие лингвокультурного пространства, где язык не теряет своей актуальности.

Подтверждение этому выводу мы можем увидеть на примере республики Тыва, где численность русского этноса с 1989 г. сократилась с 98 831 чел. (32 %) до 49 416 чел. в 2010 г. (16 %). В результате изменения в этническом составе республики произошли существенные. Однако на долю тех, кто владеет русским языком среди тувинцев, это повлияло незначительно (в 2002 г. – 84,4 %; в 2010 – 83,1 %), как и на долю владеющих и называющих тувинский язык родным (табл. 7, 8).

Таким образом, если специфика лингвокультурной ситуации в Тыве формировалась в большей степени под влиянием тувинской культуры и языка, то с 1989 г. и до наших дней мало что изменилось, даже при учете сокращения доли численности русского населения.

Наши предположения подтверждают исследования Н. А. Сердобова [1968. С. 83–86; 1980. С. 24], указавшего, что и в советский период тувинский язык оставался основным средством коммуникации среди тувинцев, доминировавшем во всех сферах личной и общественной жизни тувинцев-сельчан. В семейном кругу на родном языке общались с дошкольниками 99,8 % и со школьниками – 100 % родителей. В процессе трудовой деятельности 99,5 % работающего населения предпочитали общаться на тувинском языке. Читать литературу, слушать лекции и смотреть театральные постановки на родном языке, было понятнее 88,2 % респондентов. На селе родным тувинский язык признали все тувинцы, а в городе – 88,3 %. Наряду с родным, русский язык знали и использовали на селе – 60,8 %, в городе – 88,7 % тувинцев [Серээдар, 2018. С. 6].

Но, несмотря на сохранность тувинского языка в республике и практически уникальный этнический состав, результаты проведенного в 2016 г. социолингвистического опроса, в котором приняли участие 2 500 респондентов тувинской национальности различных возрастных и социальных групп трудоспособного

Таблица 7

Динамика владения языками среди этносов в Республике Тыва, 2002–2010 гг.

Table 7

Dynamics of language proficiency among ethnic groups in the Republic of Tuva, 2002–2010

Республика Тыва	2002				2010				
	Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		Численность населения, чел.	Доля лиц, владеющих языком, %		русским	тувинским	русским
		своей национальнойности	тувинским		своей национальнойности	тувинским			
Указавшие национальную принадлежность	305 510	–	–	303 857	–	–	87,8	80,8	86,1
Тувинцы	235 313	98,5	98,5	249 299	98,1	98,1	84,4	98,1	83,1
Русские	61 442	99,9	1,7	49 434	100,0	2,0	99,9	2,0	100,0

Таблица 8

Динамика отношения этносов к выбору родного языка в Республике Тыва, 1989–2010 гг.

Table 8

Dynamics of ethnic groups' attitude to the choice of their native language in the Republic of Tuva, 1989–2010

	Численность указавших родной язык, чел.		Доля лиц (%), считающих родным						
			язык своей национальности		русский язык, не идентифицируя себя как русского		хакасский язык, не идентифицируя себя как тувинца		
			1989	2010	1989	2010	1989	2010	
Республика Тыва									
Указавшие национальную принадлежность	308 557	303 709	97,8	98,3	2,1	1,84	0	0,48	
Тувинцы	198 448	249 172	99,0	99,0	0,9	1,0	0	0	
Русские	98 831	49 416	99,9	99,7	0	0	0	0,2	

населения, проживающего на территории Тувы, показали, что более 20 % из респондентов разных возрастных категорий (19–30 лет, 31–40 лет, 41–55 лет, 56 и старше) разговаривают с детьми на русском языке [Серээдар, 2018. С. 11]. Детализация причин по возрастным когортам обращения к русскому языку как языку бытового взаимодействия позволила выявить, что более 15 % респондентов с 14 до 18 лет безразлично, на каком языке общаться, и лишь 20 % уверенно ответили, что хотели бы общаться на тувинском.

Наше предположение, что результаты, полученные Н. М. Серээдар, могут свидетельствовать скорее о востребованности русского языка тувинцами в городской среде, подтверждается увеличением числа тувинцев (с 84 641 чел. в 1989 г. до 118 580 чел. в 2019 г.) в г. Кызыл, а также сокращением числа русских в целом по республике – с 32 до 16 %². Таким образом, медленное переселение тувинцев в город меняет их образ жизни, ставит новые задачи и для старшего поколения, которое едет в город, в том числе обучать своих детей.

Так, Н. М. Серээдар отмечает, что у опрошенных респондентов, родившихся с 1951 по 1960 г., языковая компетенция формировалась в период, когда в тувинских школах преподавание до 7 класса включительно велось на тувинском языке, кроме русского языка и литературы, что сыграло решающую роль в их овладении нормами литературного языка (см.: [Сат, 1973. С. 62]). В 8–10-х классах и в средних специальных учебных заведениях с начала 1950-х гг. обучение по всем предметам, кроме родного, стало вестись также и на русском языке [Монгуш, Татаринцев, 1985. С. 7]. А вот после распада СССР и принятия в 1992 г. Закона «О языках в Тувинской АССР» развернулся процесс национального возрождения, что сопровождалось повышением уровня коренизации тувинской школы, где изучение родного языка, как и преподавание по всем дисциплинам, стало вестись включительно по 9-й класс [Селиверстова, 2008]. Поэтому из числа старших респондентов (с 19 по 56 и старше лет) 98,3 % родным считают тувинский язык [Серээдар, 2018. С. 11–12].

В более поздний период, с 1999 по 2004 г. произошло некоторое изменение языковой ситуации, что способствовало усилению роли русского языка. Это в значительной степени повлияло на снижение мотивации у тувинцев в возрасте с 31 до 40 лет обучать своих детей тувинскому языку. В результате молодое поколение респондентов в возрасте 14–18 лет, считая тувинский менее престижным языком, родным стали называть русский, хотя язык родителей – тувинский [Там же. С. 12].

Таким образом, усиливающиеся глобализационные процессы, которые в России сопровождаются миграцией сельского населения в города, в значительной

² В Туве на 1 января 2019 г. проживают 324 тыс. чел. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2019/02/12/print:page,1,v-tuve-na-1-yanvarya-2019-goda-prozhivayut-324-tysyach-chelovek.html> (дата обращения 20.12.2019).

мере влияют не только на образ жизни населения, но и на язык, который становится фактором адаптации населения. Как показывает наш анализ по Сибири, даже в национальных республиках, имеющих доминирующую численность этнической группы титульного населения, русский язык подтверждает свой статус как интегрирующего феномена, позволяющего консолидировать представителей различных этнических групп в единое лингвокультурное пространство. Но данный факт, как показывают результаты переписей и конкретных этносоциологических, социолингвистических опросов, не нивелирует значимости сохранения языков различных этнических групп, в том числе и малочисленных, которые становятся необходимым условием развития этнической культуры.

Список литературы / References

- Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.** Язык в региональных моделях национальной политики современной России // Сибирский философский журнал. 2019. № 3. С. 100–114.
- Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostiuk V. G.** Yazyk v regionalnykh modelyakh natsionalnoi politiki sovremennoi Rossii [Language in regional models of national policy in modern Russia]. *Siberian Philosophical Journal*, 2019, no. 3, p. 100–114. (in Russ.)
- Арутюнова Е. М.** Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // ИНАБ. 2019. № 1: Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 50–61. DOI 10.19181/inab.2019.1.4
- Arutiunova E. M.** Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) v kontekste yazykovykh protivorechii v shkolnom obrazovanii [Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of language contradictions in school education]. *INAB*, 2019, no. 1: Mezhnatsionalnye otnosheniya v respublikakh Rossiiskoi Federatsii: primer Tatarstana i Sakha (Yakutii), p. 50–61. DOI 10.19181/inab.2019.1.4. (in Russ.)
- Всероссийская перепись населения 2010 года. М., 2012. Т. 4.
Vserossiiskaya perepis naseleniya 2010 goda [All-Russian population census of 2010]. Moscow, 2012, vol. 4. (in Russ.)
- Вундт В.** Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев. М., 1912.
- Vundt V.** Psikhologiya narodov. Issledovaniya zakonov razvitiya yazyka, mifov i obychaev [Psychology of peoples. Studies of the laws of language development, myths and customs]. Moscow, 1912. (in Russ.)

- Гусейнова А. В.** Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2014.
- Guseinova A. V.** Dinamika yazykovoi situatsii v Respublike Khakasiya [Dynamics of the language situation in the Republic of Khakassiya]. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Ulan-Ude, 2014. (in Russ.)
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: В 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4: Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов – райцентров и сельских населённых пунктов с населением 3 тысячи и более.
- Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda [Results of the all-Russian population census of 2002]: V 14 t. Moscow, IIC "Statistika Rossii", 2004, t. 4: Chislennost naseleniya Rossii, federalnykh okrugov, subektov Rossiiskoi Federatsii, raionov, gorodskikh poselenii, selskikh naselennykh punktov – raitcentrov i selskikh naselennykh punktov s naseleniem 3 tysyachi i bolee [vol.4: Population of Russia, Federal districts, subjects of the Russian Federation, districts, urban settlements, rural localities-district centers and rural localities with a population of 3 thousand or more]. (in Russ.)*
- Лю Ц.** О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 115–123. DOI 10.31857/S013216250000185-6
- Lyu Ju.** O lingvisticheskom povorote v sotciologii [On the linguistic turn in sociology]. *Sotciologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 2018, no. 7, p. 115–123. (in Russ.)
- Монгуш Д. А., Татаринцев Б. И.** Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве: Сб. ст. / Отв. ред. Б. И. Татаринцев. Кызыл, 1985. С. 3–15.
- Mongush D. A., Tatarintcev B. I.** Problemy izucheniya funkcionirovaniya russkogo yazyka v Tuve [Problems of studying the functioning of the Russian language in Tuva]. In: *Russkii yazyk v Tuve. Sbornik statei. B. I. Tatarinttsev (ed.). Kyzyl, 1985, p. 3–15. (in Russ.)*
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.
- Naselenie SSSR: po dannym Vsesoiuznoi perepisi naseleniya 1989 g. [Population of the USSR: according to the all-Union census of 1989]. Goskomstat SSSR. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1990, 45 p. (in Russ.)*
- Сат Ш. Ч.** Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1973. 193 с.
- Sat Sh. Ch.** Formirovanie i razvitie tuvinskogo natsionalnogo literaturnogo yazyka [Formation and development of the Tuvan national literary language]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 1973, 193 p. (in Russ.)

- Селиверстова Г. М.** Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия // Учительская газета. 2007. 8 янв. URL: <http://www.ug.ru/archive/22167> (дата обращения 12.12.2019).
- Seliverstova G. M.** Rodnoi yazyk ne nuzhen? Kak reshit problemy dvuyazychiya [Native language is not needed? How to solve problems of bilingualism]. *Uchitelskaya gazeta*, 8 January, 2007. (in Russ.) URL: <http://www.ug.ru/archive/22167> (accessed 12.12.2019).
- Сердобов Н. А.** К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев // Учен. зап. Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1968. Вып. 13. С. 78–109.
- Serdobov N. A.** K voprosu o nekotorykh sotciologo-lingvisticheskikh protsessakh v natsionalnoi konsolidatcii tuvintcev [On the issue of some socio-linguistic processes in the national consolidation of Tuvinians]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo NIYALI* [Scientific notes of the Tuvinsky SRIL&L]. Kyzyl, 1968, no. 13, p. 78–109. (in Russ.)
- Сердобов Н. А.** О роли языка и письменности в национальной консолидации тувинского народа // Тувинская письменность, язык и литература / Отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. С. 15–30.
- Serdobov N. A.** O roli yazyka i pismennosti v natsionalnoi konsolidatcii tuvinskogo naroda [On the role of language and writing in the national consolidation of the Tuvan people]. In: *Tuvinskaya pismennost, yazyk i literatura*. Yu. L. Aranchyn (ed.). Kyzyl, Tuvknigoizdat, 1980, p. 15–30. (in Russ.)
- Серээдар Н. М.** Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 4–19. DOI 10.25178/nit.2018.1.1
- Sereedar N. M.** Tuvinskii yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvintcev: problemy i perspektivy [Tuvan language as a means of communication of Tuvans: problems and prospects] *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva], 2018, no. 1, p. 4–19. (in Russ.) DOI 10.25178/nit.2018.1.1
- Форсайт-исследование. Республика Саха (Якутия) – 2050. Якутск: Изд-во СВФУ, 2014. 184 с.
- Forsait-issledovanie. Respublika Sakha (Yakutiya) – 2050 [Foresight research. The Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk, NEFU Press, 2014, 184 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
09.01.2020

Сведения об авторах / Information about Authors

Абрамова Мария Алексеевна, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya A. Abramova, Doctor of Sciences (Education), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

marika24@yandex.ru

Гончарова Галина Савитовна, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Galina S. Goncharova, Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

socis@philosophy.nsc.ru

Костюк Всеволод Григорьевич, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod G. Kostyuk, Senior Researcher, PhD (Philosophy), Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

demosros2017@gmail.com

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-131-141

Гераклит и его огненная стихия

Е. А. Игнатенко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Произведена реконструкция той части учения Гераклита о первоначале мира, которая содержит сведения о структуре этого самого первоначала. Уточнено представление философа об этой структуре, с привлечением результатов проведенного сравнительного анализа первоначал мира у Фалеса и Анаксимена. Таким первоначалом для Гераклита является огненная стихия, вечная, неуничтожимая и тонкочастная. Структура «огня» состоит из множества неких «крупиночек». Вследствие происходящего процесса «переплавления», из «частичек» материи возникают остальные элементы, затем планеты и звезды, сам космос. Таким образом мыслится Гераклитом и вечный кругооборот элементов, и процессы космогонии.

Ключевые слова

первоначало, материя, вода, воздух, огонь, «крупиночки», «переплавления», элементы, космос, структура, кругооборот, космогония

Для цитирования

Игнатенко Е. А. Гераклит и его огненная стихия // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 131–141. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-131-141

Heraclitus and His Fire Element

E. A. Ignatenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article offers a reconstruction of the part of Heraclitus' teaching about the origin of the world, which contains information about the structure of this very origin. The philosopher's idea of this structure is clarified, using the results of the comparative analysis of the original world in Thales and Anaximenes. Thus,

© Е. А. Игнатенко, 2020

the original for Heraclitus is the fiery element, eternal, indestructible and consisting of the smallest parts. The structure of "fire" is composed of a plurality of certain raspings. As a result of the ongoing process of "melting", from the "particles" of matter, there appear other primary elements, then planets and stars, the cosmos itself. This is how Heraclitus conceived both the eternal cycle of primary elements, and the processes of cosmogony.

Keywords

first principle, matter, water, air, fire, raspings, "remelting", the elements, space, structure, circulation, cosmogony

For citation

Ignatenko E. A. Heraclitus and His Fire Element. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 131–141. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-131-141

Рассматривая взгляды предшественников Гераклита, современников и его самого относительно наличия и сущности первоначал или первоначала мира, нельзя не заметить, что рациональный поиск этого первоначала совпал с возникновением самой философии. И поиск самой истины о первоначале предполагался первыми древнегреческими философами, прежде всего, как выявление материальных и рациональных причин процессов космогонии и космологии. Обстоятельный анализ указанного философского поиска Гераклита осуществлен М. Н. Вольф [2015а; 2015б]. Такой материальной космогонической причиной для Гераклита является «огонь». В научной литературе достаточно подробно раскрыта эта роль «огненной стихии» Гераклита, а вот структура самого «огня» недостаточно исследована. Нами обращается специальное внимание на составляющие свидетельства древних авторов, которые содержат информацию следующего характера: «огонь» Гераклита не представляет из себя однородную гомогенную субстанцию, он неоднороден и полон мелких «крупиночек», которые являются неотъемлемыми частями данного первоэлемента, которые при сплавлении и переплавлении образуют тела. Для того чтобы более отчетливо обозначить основные отличительные признаки, свойства и структуру основной космогонической субсистенции у Гераклита и выявить историко-философскую значимость этих составляющих его учения о ней, считаем необходимым провести ее сопоставление и сравнение с такими первоначалами мира, как «вода» Фалеса и «воздух» Анаксимена.

В истории античной философии одна из проблем, возникающих при освещении сути первоначала мира у досократиков, обозначена в исследованиях Р. Маккирахана (R. D. McKirahan). Так, по его мнению, в основном, полагаем, основывающемся на концепции 4 причин Аристотеля, представленная выдержкой из высказываний Цицерона проблема первоначала мира содержит 2 части: 1) из чего состоят все вещи; 2) что является началом всех вещей (см.: [McKirahan, 2010. P. 29]). Придерживаясь этих целеопределяющих компонентов данной проблемы,

начнем сравнительный анализ первоначал мира в учениях Фалеса, Анаксимена и Гераклита, тоже ярких представителей монистических досократических школ.

Отсутствие предшественников открывало перед мудрецами Античности (нас интересуют в данном исследовании «досократики»-натуралисты) дорогу для самостоятельного смелого выдвижения оригинальных предположений о сущности мира и причинах его образования, либо подкрепленных строго выверенным ходом определенных рассуждений и аргументированных выводов, либо необоснованных ничем. И сами выдвигаемые предположения выражались этими мыслителями простой формулой, часто состоящей из одной фразы. Такой, к примеру, как «Начало элементов – вода» (Схолии к Платону, Государство, 600 а [из Гесихия Милетского]) [Фрагменты..., 1989. С. 104] ¹. Известно, что Фалес стремился показать, что мир един и материален. Водная стихия, как символ жизни, как один из главных элементов совершенства природы, как текучий и постоянно изменчивый первоэлемент, предстает, в изложении учения Фалеса Симпликием и Теофрастом, «бесконечным по величине» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 203а 16) (с. 110). С одной стороны, у Фалеса «вода» – источник жизни и основная составляющая животного и растительного миров. С другой стороны, «водная стихия» выполняет космогоническую, космологическую и метеорологическую роль в учении Фалеса, поддерживая и охватывая саму землю, будучи сама бесконечной по величине. Так, согласно Ипполиту, у Фалеса «все плавает по воде, от чего происходят землетрясения, вихри и движения звезд» (с. 109).

Как же можно объяснить выбор Фалесом этого первоэлемента, который сочетает в себе и материальную жизненную основу, с одной стороны, и непрерывную и бесконечную субстанцию, с другой? Это объясняется тем, что он признавал воду как основу существования и животных: «...начало... всех животных – сперма, а она влажная» (12а. Мнения философов, I, 3 («О началах»)) (с. 109), и растений: «...все растения влагой питаются и [от влаги] плодоносят» (12а. Мнения философов, I, 3 («О началах»)) (с. 104), и самой Земли, так как «Земля покоится на воде» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 23, 21 = Теофраст. Физические мнения, фр. 1 Diels) (с. 110). Фалесом уже были намечены подходы не только к определению субстратного содержания тел, но и, впервые в истории западной мысли, к осмыслению простейших физических процессов, опять же, с опорой на добытые опытные данные: «...все образуется из воды путем ее затвердевания [-замерзания], а также испарения» (Ипполит. Опровержение всех ересей, I, 1) (с. 109). Следовательно, «вода» – это и начало процесса космогонии, и основная материальная со-

¹ Далее ссылки на эту работу приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

ставляющая тел, ибо даже «тела следует закапывать, дабы они могли разложиться на влагу» (с. 109).

Самое главное, что преподносит нам учение Фалеса о первопричине возникновения мира, это то, что данная причина материальна, как отмечает Аристотель, и то, что она едина, бесконечна, безгранична, а в своей внутренней структурированности множественна и изменчива, так как в результате процессов затвердевания и испарения возникают все тела в мире и происходят даже движения звезд.

В учении еще одного представителя античных материалистических монистов – Анаксимена его первоначало «воздух» характеризуется следующим образом: «По протяженной величине он бесконечен, а по своим качествам определен...» (Псевдо-Плутарх. Строматы, 3) (с. 130). Другими словами, по своим количественным критериям и параметрам данная «субстратная естественная субстанция» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 24, 26 = Теофраст. Физические мнения, фр. 2 Diels) (с. 129) бесконечна, а с точки зрения качественной сути – едина. Как и вода Фалеса, «воздух» Анаксимена не находится в статичном состоянии: «...движется же он всегда, ибо если бы он не двигался, то все, что изменяется, не изменилось бы» (Ипполит. Опровержение всех ересей, I, 7, 1) (с. 130). Для чего же, по мнению Ипполита, необходимо движение «воздуху» Анаксимена? Ответ прост – для объяснения происходящих вокруг нас природных процессов и явлений природы: снегопада, дождя, града, молнии, радуги, таяния снегов, землетрясения и т. д. Ведь когда «воздух» «...предельно ровен [уравновешен, однородно-усреднен...], то не-явлен взору, а обнаруживает себя, [когда становится] холодным, теплым, сырым и движущимся» (Ипполит. Опровержение всех ересей, I, 7, 1) (с. 130). Становится же воздух холодным или теплым вследствие уплотнения и разрежения: «...Холодным он (Анаксимен. – Е. И.) считает сжимающуюся и уплотняющуюся часть материи, а горячим – разреженную и “расслабленную”» (Плутарх. О первичном холоде, 7. 947D) (с. 134). Кроме того, «...сгущаясь и разрежаясь, [воздух] приобретает видимые различия. Так, растекшись [~ рассеявшись] до более разреженного состояния, он становится огнем» (Ипполит. Опровержение всех ересей, I, 7, 10) (с. 130). Процессы сгущения и разрежения материи, благодаря которым конечные вещи или нагреваются, или охлаждаются, это, несомненно, физические процессы, объясняющие ее свойства при переходе из одного агрегатного состояния в другое. Такая интерпретация данных явлений, безусловно, ставит Анаксимена в ряд теоретиков, занимавшихся изучением как строения веществ и тел, так и их качественными преобразованиями.

Анаксимен, в отличие от своего предшественника Фалеса, допускает наличие еще трех материальных субстратов-элементов: земли, воды и огня, но воздух значаен и, кроме того, он – управляющее процессами сгущения и разрежения начало

мира. В природе явлений, характеризующихся сменой физических состояний материи, Анаксимен подметил одну важнейшую особенность: «воздух» не просто первоэлемент или стихия. «Воздух» – некая, особым образом структурированная субстанция, в силу своей удивительной пластичности, способная к переходу из одного состояния в другое вследствие вечного движения. Эта материальная субстанция способна к изменению, так как в ней заложена возможность самодвижения, вариативного изменения скорости движения составляющих ее частей и их постоянной готовности к сгущению и разрежению. Возможность самодвижения материи у Анаксимена обосновывается и подтверждается особой формой этого самого движения: процессом «валяния», т. е. сгущения воздуха, и процессом перехода в огнеобразное состояние, т. е. разрежения воздуха. Вот эта самопроизвольность изменения агрегатных состояний материи и реализуется процессами сгущения и разрежения. Так, согласно Псевдо-Плутарху, описывающему эти процессы у Анаксимена, у него «в процессе “валяния” [из воздуха] первой возникла Земля», а в соответствии с мнением Ипполита у Анаксимена «из воздуха путем “валяния” образуется облако» (с. 130).

Для следующего представителя раннегреческого монизма Гераклита из Эфеса «огонь (“огне-логос”)» – это не только первоначало и не только природная стихия, это – и суть происходящих процессов и становящихся явлений в природе и во всей Вселенной: «...Все когда-то становится огнем. / Огонь когда-то становится всем» [Муравьев, 2012. С. 158].

Почему же «огонь» выбран выдающимся эфесцем в качестве первоначала мира? Ответ заключается, по нашему мнению, в следующем. Противоречивость и изменчивость заложены в природе огня изначально, и одновременно они олицетворяют «перевернутое соединение (гармония), как лука и лиры» (с. 199). Для осуществления же процесса горения необходимо топливо. И таким топливом для Гераклита является «вода», или «море»: «...Обращения огня: сначала – море» (F31DK. Климент Александрийский. Строматы, V, 104, 3 (т. II, с. 396 St.) (с. 220). А вот «море» обращается, наполовину в «землю», наполовину в «πρῶτῆρ». Так что же такое «престер»? Греческо-русский словарь А. Д. Вейсмана дает следующий перевод слова «престер»: «1) сильно дующий вѣтер, вихрь, ураганъ, буря... 2) молнія, громовой удар...» [1899. С. 1044]. Дж. Бэрнет (J. Burnet) предложил удивительно впечатляющее описание этому природному явлению: «...светящееся испарение, после поджигания в чаше солнца и возвращаясь снова, появляется вновь как темная огненно-грозовая туча, и таким образом переходит еще раз в море» [Burnet, 1908. P. 166]. Процесс горения, вызванный разрядом молнии и поддерживаемый воспламенившейся жидкостью или твердым материалом (топливом), происходит попеременно, «“умеренно угасая и умеренно возгораясь”, как говорил Гераклит...»

(Гален. О пульсе, VII, 616 К) (с. 219). Умеренное угасание происходит, когда заканчивается топливо, умеренное возгорание – при наличии определенной материи и вновь происходящем разряде молнии. Согласно Сенеке, «Гераклит полагает, что молния подобна раздуванию огней на земле и первому, неуверенному пламени, то гаснущему, то вспыхивающему. Древние называли это зарницами» (Сенека. Естественнонаучные вопросы, II. 56. 10) (с. 228).

Может ли огонь все испепелить и сам иссякнуть? Не может. По причине того, что «огонь» как стихия бесконечен. Дж. Бэрнет, характеризуя субстанцию огня у Гераклита, писал: «...Она всегда переходит немедленно в дым и ее место всегда занято свежей материей из топлива, которое снабжает ее...» [Burnet, 1908. P. 161]. И, кроме того, процессы возгорания и затухания регулирует логос, одним из определений которого является «мера»: «...Море расточается [~тратится] и восполняется до той же самой меры [λογος], какая была прежде, нежели оно стало землей» (F31DK. Климент Александрийский. Строматы, V, 104, 3 (т. II, с. 396 St.) (с. 220). По мнению К. Осборн (C. Osborne), намеренно понижающей суть первоогня Гераклита, его значение сводится только к «роли огня как стандартной меры» [Routledge History of Philosophy, 2005. P. 92]. Далее К. Осборн утверждает следующее: «...Широко распространенное предположение, что Гераклит считал, что огонь был элементом или субстратом всех вещей, я считаю ошибочным выводом из его роли как канонической меры» [Routledge History of Philosophy, 2005. P. 92]. С данным утверждением сложно согласиться по следующим основаниям: во-первых, К. Осборн сначала определяет роль первоогня всего лишь как стандартную меру, но затем возводит эту роль до канонической, что противоречиво и необоснованно, по меньшей мере; во-вторых, то, что «огонь» безусловно субстрат (и даже более того – первоэлемент), в учении Гераклита явствует из фрагментов № 51 (30 DK); 53 (31 DK); 53 bis; 61 (A. 10–12. 14 etc. DK). А вот обозначить одну из ролей самого логоса, как определяющего структуру первоогня, будет вполне уместно. Недаром, Г. В. Драч пишет: «...Логос в то же время структурирует космос» [2003. С. 219]. По оценке А. Ф. Лосева, «Гераклит, учивший о всеобщей гармонии, возводил ее либо к первоогню, либо даже просто к некоему космологическому принципу, который он называл логосом» [Лосев, 1994. С. 18].

Дж. Барнс (J. Barnes) учение Гераклита подразделяет на три важные составные части: теорию потока, доктрину монизма и концепцию единства противоположностей (см.: [Barnes, 2005. P. 45]). И все эти части воплощает в себе огонь. Он и движется постоянно, он и един, он же и воплощение противоборствующих структур, и их сплачивание.

«Огонь» – наиболее тонкочастное из всех первоначал. Его структура подобна структуре песка, состоящего из множества крупиночек. И не обычного песка пус-

тынь, бархан и дюн, а золотого песка, как можно догадаться по цвету огня. Это отмечали в учении Гераклита следующие авторы: во-первых, Стобей: «Гераклит допускает “крупницы” (ψῆματα), первичные относительно одного [элемента, т. е. огня]» (Мнения философов (Стобей), I, 13, 2 [«О наименьших величинах»]) (с. 222). Согласно Греческо-русскому словарю А. Д. Вейсмана, «ψῆματα» – «стертое, оскребокъ... кроха, крупинка... золотой песокъ... пылинки праха отъ сожженного трупа» [1899. С. 1044]. Об этом же сообщает и Псевдо-Плутарх: «Гераклит вводит некие “крупиночки”, наименьшие по величине и лишённые частей» (Мнения философов (Псевдо-Плутарх), I, 13, 2 [«О наименьших величинах»]) (с. 222). По мере обращения и сплочения огня, из него возникают остальные элементы, «подобно тому как плавят золотой песок (ψῆμα)» (Аристотель. О небе, Г 5.304 А 18) (с. 221). Таким образом, лишь благодаря тонкочастной структуре огня, состоящей из «крупниц» (ψῆματα), причем неделимых и лишённых частей, возникают в процессе «переплавлений»... из бесформенной материи сначала... огонь, из огня воздух, из воздуха вода, из воды земля... но перехода из огня в неопределённую материю уже произойти не может» (Марциан Капелла, 7, 738) (с. 221). Евсевий полагал, что в учении Гераклита «...все вещи – возмещение [огня], и предопределено время разложения вещей в огонь и их рождения из него» (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XIV, 3, 9 (т. II, с. 262 Mras) (с. 223). Благодаря чему же происходят эти самые «переплавления»? В издании Дильса находим во фр. 65, что они происходят вследствие «χρησιούνη καὶ κόρον» [Die Fragmente der Vorsokratiker, 1906. S. 71]. Дильсом переведены данные слова как «Mangel und Überfluß». «Mangel – «недостаток... отсутствие, нужда»; «Überfluß» – «изобилие, избыток» [Немецко-русский словарь, 2003. С. 192, 259]. Нам представляется, что более правильный перевод указанных понятий будет таковым: «χρησιούνη» – желание, «κόρον» – сытость, пресыщение», в соответствии с Греческо-русским словарем А. Д. Вейсмана [1899. С. 1354]. И в этом, безусловно, видно влияние мифологических представлений на суждения Гераклита. Для него «огонь» – вечно живой, как вечно живы и Солнце, и Луна, и звезды, и само небо.

Но одна из самых интересных вещей, по нашему мнению, в учении Гераклита об «огне» – это то, что при наступлении так называемого «величайшего года», когда «желание» или «нужда» («диакосмеза») и «пресыщение» или «избыток» («экипироза») достигают максимального пика своей активности, происходят природные катаклизмы: либо потоп, либо мировой пожар. Этот год, согласно Цензорину, Гераклит определял в «10 800... солнечных лет... его образуют периоды Солнца, Луны и пяти планет, когда они возвращаются в то же созвездие [Зодиака], в котором некогда находились одновременно...» (Цензорин. О дне рождения, 18, 11) (с. 228). Во «Мнениях философов» мы находим, что «Гераклит [полагал, что вели-

кий год состоит] из восемнадцати тысяч солнечных лет...» (Мнения философов, II, 32, 3 («О великом годе») (с. 228). И об этом годе говорит фр. 66 DK: «[Гераклит] учит и о суде над миром, и о том, что все в нем будет охвачено огнем: “Всех и вся, нагрянув внезапно будет Огонь судить и схватит”» (Ипполит. Опровержение всех ересей, IX, 10, 6 (с. 243 Wendland) (с. 239). По мнению Фемистия, «Гераклит полагает, что огонь – единственный элемент и что из него возникла Вселенная. Потому-то он и пугает нас, и грозит, что некогда Вселенная будет испепелена, поскольку она разложится в то, из чего возникла» (Фемистий. Комментар. к «Физике» Аристотеля, с. 86, 31 Shenkl) (с. 239).

Сопоставляя взгляды предшественников Гераклита – Фалеса и Анаксимена относительно свойств первоматерии, надлежит утверждать следующее. Гераклитовская «огненная стихия» несомненно предстает перед нами наиболее полным и завершенным образом первоначала мира. Если у Фалеса и Анаксимена первоэлементы Вселенной безграничны, бесконечны, монолинейны и структурно однородны, то у эфесского мыслителя «огонь» и сферичен, и подвижен, и изменчив, и противоречив и, одновременно, стабилен и структурно разнообразен. Он соединяет в себе свойства различных первоэлементов.

Таким образом, отличительными признаками «первоогня» являются следующие: во-первых, «огненная стихия» не просто материальна, в ней наличествуют и борьба, и единство противоборствующих сил природы; во-вторых, «огонь» – управляющее «тело» материи. Так, по мнению В. А. Гейделя (W. A. Heidel), «Гераклит осознал плодотворный принцип того, что истинная природа вещи будет понята в отношении ее функции *ἰσχυροῦς*» [Heidel, 1913. P. 703]. Согласно Э. Хасси (E. Hussey), «...примеры с луком и лирой указывают на понятие того, что составлено с помощью функционального единства» [The Cambridge Companion..., 2006. P. 96]. В-третьих, «первоогонь» – поглотитель материи и, в тот же момент, ее создатель. Кроме того, Гераклит наделяет «огне-логос» элементами разумности и тем, что в процессе «экипирозы» и «диакосмезы» мирового масштаба происходит постоянное обновление космоса. Так, С. Н. Трубецкой считал, что «...Огонь Гераклита есть то, что движет все; он есть производящее начало изменения...» [2010. С. 228]. В соответствии с позицией Д. Фэрли (D. Furley), «...огонь фактор возрожденной жизненности в материи...» [Furley, 1987. P. 35]. «Огонь» Гераклита не только изменяет вещи, тела, мир, но и сам постоянно изменяется. Преобразуясь сам, он изменяет мир.

Подытоживая изложение составляющих учения Гераклита о первоогне, следует отметить, что «огненная стихия» Гераклита, с одной стороны, едина и целокупна; с другой – тонкочастна и неоднородна. Структура «огня» как первоначала мира подобна структуре песка, золотого песка. При «переплавлениях» «частичек огня»,

как и при «переплавлениях» золотого песка в слитки, происходит сам процесс космогонии: из неопределенного хаоса, превращаясь в огонь, затем в воздух, воду и землю, возникают и Солнце, и Луна, и Земля, и звезды. Так, А. Маковельский приводит авторов, признающих мировой пожар в учении Гераклита: «Риттер, Бернайс, Шустер, Деллер, Дильс, Виндельбанд, Гомперц и др.» [Маковельский, 1994. С. 248]. Процесс, удивительно похожий на «Большой взрыв» во Вселенной.

Список литературы / References

- Вольф М. Н.** Философский поиск у Гераклита // Лекции и исследования по истории античной философии. Новосибирск, 2015а. С. 15–34.
- Volf M. N.** Filosofskii poisk u Geraklita [Philosophical search in Heraclitus]. In: Leksii i issledovaniya po istorii antichnoi filosofii [Lectures and research on the history of ancient philosophy]. Novosibirsk, 2015a, p. 15–34. (in Russ.)
- Вольф М. Н.** Понятия «явное и неявное» как базис для формирования гносеологической проблематики Гераклита // Вестник НГУ. 2015б. Т. 3, вып. 1. С. 80–88.
- Volf M. N.** Ponyatiya «yavnoe i neyavnoe» kak bazis dlya formirovaniya gno-seologicheskoi problematiki Geraklita [The concept of “explicit and implicit” as a basis for the formation of epistemological problems of Heraclitus]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2015b, vol. 3, no. 1, p. 80–88. (in Russ.)
- Греческо-русский словарь / Под ред. А. Д. Вейсмана. СПб., 1899. 1370 с.
- Grechesko-russkii slovar [Greek-Russian dictionary]. A. D. Veisman (ed.). St. Petersburg, 1899, 1370 p. (in Russ.)
- Драч Г. В.** Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003. 318 с.
- Drach G. V.** Rozhdenie antichnoi filosofii i nachalo antropologicheskoi problematiki [The Birth of ancient philosophy and the beginning of anthropological problems]. Moscow, Gardariki Publ., 2003, 318 p. (in Russ.)
- Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга вторая. М.: Искусство, 1994. 604 с.
- Losev A. F.** Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kniga vtoraya [The history of ancient aesthetics. The results of the Millennium development. Book the second]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, 604 p. (in Russ.)
- Маковельский А.** Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. Минск: Харвест, 1994. 248 с.
- Makovelsky A.** Dosocratiki. Doeleatovskii i eleatovskii periody [Pre-Socratics. Doeleatovskii and eleatovskii periody]. Minsk, Harvest Publ., 1994, 248 p. (in Russ.)

- Муравьев С. Н.** Гераклит Эфесский: всё наследие: на языках оригинала и в русском переводе. Краткое издание. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
- Mouraviev S. N.** Heraclit Ephesskii: vse nasledie: na yazykah originala i v russkom perevode. Kratkoe izdanie (Heraclitus of Ephesus: all heritage: in original languages and in Russian translation. Short edition). Moscow, Ad Marginem Press, 2012, 416 p. (in Russ.)
- Немецко-русский словарь. М.: Славянский дом книги, 2003. 636 с.
German-Russian dictionary. Moscow, Slavyanskii dom knigi, 2003, 636 p.
- Трубецкой С. Н.** Метафизика в Древней Греции. М.: Мысль, 2010. 589 с.
Trubetskoy S. N. Metafizika v Drevnei Gretcii [Metaphysics in Ancient Greece]. Moscow, Mysl Publ., 2010. 589 p. (in Russ.)
- Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики. 575 с.
Fragmenty grecheskih filozofov. A. V. Lebedev (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1989, part 1: Ot epicheskikh kosmogonii do vzniknoveniya atomistiki [From the epic of cosmogonies before the emergence of atomic theory]. (in Russ.)
- Barnes J.** The Presocratic Philosophers. London, New York, Taylor & Francis e-Library. 2005, 601 p.
- Burnet J.** Early Greek Philosophy. London, Adam and Charles Black, 1908, 433 p.
Die Fragmente der Vorsokratiker von H. Diels. Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1906, 466 p.
- Furley D.** The greek cosmologists. Vol. 1: The formation of the atomic theory and its earliest critics. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1987, 220 p.
The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy. Ed. by A. A. Long. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2006, p. 88–112.
- Heidel W. A.** On certain fragments of the pre-socratics: critical notes and elucidations. *Proceedings of the American Academy of arts and sciences*, 1913, vol. 48, no. 19, p. 681–734.
Routledge History of Philosophy. Vol. 1: From the Beginning to Plato. Ed. by C. C. W. Taylor. London, New York, Taylor & Francis e-Library, 2005, p. 80–116.
- McKirahan R. D.** Philosophy before Socrates. Indianapolis. Cambridge, Hackett Publ. Co, Inc, 2010. 494 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

13.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Игнатенко Евгений Анатольевич, аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Evgeny A. Ignatenko, Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Ignatencko.ewgen@yandex.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-142-154

Пьер Бурден против Рене Декарта: констатация несовместимости позиций

В. П. Горан

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Осуществлен анализ аргументации священника П. Бурдена в фактической его дискуссии с философом Р. Декартом, инициированной отзывом этого священника на трактат философа «Размышления о первой философии...», и дана историко-философская оценка их позиций. Особое внимание уделено тому, что Бурден весьма настойчиво пытался уяснить концептуальное основание, на котором покоится у Декарта его решение считать ум человека бестелесным. К тому же Декарт считал ум обособленным от тела и независимым от этого последнего настолько полностью, чтобы признать его продолжающим существовать и после смерти тела. Поскольку по оценке Бурдена эти усилия Декарта не имели убедительного позитивного результата, в итоге эту концепцию философа и обособленности ума от тела, и бессмертия ума священник отверг. Такую позицию церковного иерарха нельзя не признать материалистической. В итоге констатируется парадоксальность сложившейся ситуации. В вопросе о соотношении тела и души человека церковный иерарх отстает по сути дела материалистическую позицию, а один из крупнейших ученых-естествоиспытателей того времени – религиозно-идеалистическое представление о бессмертии человеческой души.

Ключевые слова

Бурден, Декарт, философия, метафизическое сомнение, человек, я, ум, тело, бестелесность, смерть, бессмертие, дуализм, материалистический монизм

Для цитирования

Горан В. П. Пьер Бурден против Рене Декарта: констатация несовместимости позиций // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 142–154. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-142-154

Pierre Bourdin against Rene Descartes: Statement of Incompatibility of Positions

V. P. Goran

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper offers an analysis of the argument of priest P. Bourdin in his actual discussion with the philosopher R. Descartes, initiated by the response of this priest to the philosophical treatise “Meditations on the

© В. П. Горан, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

first philosophy...". The paper also provides a historical and philosophical assessment of their positions. Particular attention is paid to the fact that Bourdin very persistently tried to clarify the conceptual basis on which Descartes rests his decision to consider the mind of a person incorporeal. In addition, Descartes considered the mind isolated from the body and independent of it so completely as to recognize it continuing to exist even after the death of the body. Since, according to Bourdin, Descartes' efforts did not have a convincing positive result, the priest rejected this concept of the philosopher and the isolation of the mind from the body, and the immortality of the mind. This position of the church hierarch cannot but be recognized as materialistic. As a result, the paradox of the situation is established. On the question of the relationship between a person's body and soul, the church hierarch essentially upholds a materialistic position, and one of the largest natural scientists of that time has a religiously idealistic idea of the immortality of the human soul.

Keywords

Bourdin, Descartes, philosophy, metaphysical doubt, man, I, mind, body, incorporeality, death, immortality, dualism, materialistic monism

For citation

Goran V. P. Pierre Bourdin against Rene Descartes: Statement of Incompatibility of Positions. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 142–154. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-142-154

Речь в данной статье пойдет о трактате Р. Декарта «Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом» (см.: [Декарт, 1994а]) и о написанном французским теологом, членом ордена иезуитов П. Бурденом «Рассуждении» по поводу этого трактата, которое вызвало в качестве ответа уже на это последнее «Примечания» Р. Декарта (см.: [Декарт, 1994б. С. 328–417]). Как известно, Декарт не сразу издал этот свой трактат. Завершил он его написание ранней осенью 1640 г., а выпустил в свет только в конце августа 1641 г. Таким образом, готовое сочинение ждало своего опубликования почти год. Дело в том, что, прежде чем издать его, сам Декарт предпринял усилия по получению критических замечаний на его текст от тех философов и теологов, соответствующие оценки которых он тем самым заранее признал значимыми для себя. Длительность этих событий и определила столь значительное по времени откладывание публикации готового произведения. Опубликовано оно было вместе с полученными к тому времени «Возражениями...» целого ряда авторитетных тогда авторов и с ответами, разумеется, Декарта на них. Но, даже уже осуществив первое издание всего этого, Декарт получает еще один текст «Возражений», а именно, принадлежащий Бурдену и названный им «Рассуждение». Декарт счел обязательным для себя опубликовать и его вместе, опять-таки, с собственными комментариями на него в последующем издании своих «Размышлений», имевшем место уже в мае 1642 г.

О тех составляющих содержания позиции прежде всего Бурдена и, разумеется, также реагирования на нее Декарта, в которых нашли выражение ключевые аспек-

ты их подходов к обсуждению затрагиваемых ими философских проблем, и будет идти речь в настоящей статье. А заслуживает все это такого специального внимания, потому что позволяет выявить весьма существенные особенности соответствующих их позиций, определившие противостояние этих авторов друг другу. Однако, перед тем как приступить к интересующим меня в связи с этим составляющим собственно философско-содержательных аспектов их полемики, уместно зафиксировать, что еще до получения «Рассуждения» Бурдена у Декарта уже сформировалось столь негативное отношение к этому человеку, что для себя он решил: «...в будущем, что бы ни исходило от него одного, я не сочту это достойным ответа» [Декарт, 1994б. С. 320]. Тем не менее, поскольку в своем обращении к членам ордена иезуитов в связи с трактатом «Размышления», как отмечает сам Декарт, он «не только просил, но и настойчиво требовал, чтобы некоторые лица, принадлежащие к указанному ордену, удостоили исследовать мое сочинение и объявить мне, какие они находят в нем отступления от истины» [Там же], то он не стал придерживаться принятого им ранее решения не считать достойным ответа что бы то ни было исходящее конкретно от Бурдена. Ведь этот последний не только принадлежал к этому ордену, но и занимал в нем видное место (см.: [Там же]).

Приступая теперь к заслуживающим историко-философского интереса содержательным аспектам рассматриваемых составляющих полемики Бурдена и Декарта, во-первых, отмечу следующую особенность аргументации Декарта прежде всего в самом его трактате, как, впрочем, и в ответах на критику Бурдена. Состоит она, по словам самого Декарта, в том, что, когда в трактате говорилось о сомнении в существовании тех или иных вещей, «речь там шла только о том высшем виде сомнения, которое, как я часто и настойчиво повторял, является метафизическим, преувеличенным и никоим образом не должно переноситься в повседневную жизнь; к этому виду сомнения должно быть отнесено с достаточно веским основанием все то, что может вызвать хоть малейшее подозрение» [Там же. С. 335]. Как видим, Декарт под тем, что он характеризует словосочетанием «метафизическое сомнение», имеет в виду, с одной стороны, предельно придирчивую и потому столь же предельно жесткую позицию постановки под вопрос истинности всего, о чем всего лишь возможно даже малейшее подозрение в неистинности. И эту особенность его позиции в подходе к решению тех вопросов, которые он признает философски значимыми, следует держать в памяти, когда мы будем оценивать доводы Бурдена, подвергающего критике выводы Декарта, ключевые для его философии.

Во-вторых, характеризуя здесь же такое сомнение как метафизическое, сам Декарт подчеркивает, что оно не должно переноситься в повседневную жизнь, т. е.

что фактически он оценивает этот способ философствования как не имеющий сколь-нибудь весомой значимости для решения человеком своих обычных жизненных проблем. И уже здесь нельзя не признать, что Декарт наглядно демонстрирует наличие непоследовательности в своей позиции. Дело в том, что одним из результатов применения им этого способа философствования была его уверенность в обоснованности вывода о бессмертии разумной составляющей человеческой души. А ведь этот вывод как бы подтверждал обоснованность требований к человеку, исходящих от церкви, причем требований, касающихся и его повседневного функционирования. Следует также иметь в виду и то, что признать эти требования имеющими малую значимость для решения человеком в те времена своих жизненных проблем, значит просто игнорировать реальную роль религии и церкви конкретно в тогдашней Европе. Ведь это было историческое время, когда христианская религия и церковь не просто продолжали сохранять свои прежние позиции, но к этому присовокупилось и то, что весьма активной именно тогда была церковная инквизиция. И сам Декарт наглядно продемонстрировал, насколько он чувствовал себя зависимым и в своей практической жизни от этой последней, когда под влиянием на него известия о суде инквизиции над Галилеем не решился публиковать свое готовое к тому времени произведение «Мир, или трактат о свете». Да и его обращение к церковным идеологам перед публикацией своих «Размышлений» с просьбой дать ему свои замечания о них, чтобы он их учел, тоже показательно. Ведь фактически такие замечания могли позволить ему помимо всего прочего убедиться в том, что данное его произведение не вызывает критической для его безопасности степени неприятия с их стороны. Проявленная этим озабоченность Декарта и возможностью такого развития событий тоже наглядно демонстрирует его желание избежать негативных практических последствий для него, причем далеко не малых, опубликования предлагаемого им решения основополагающих, по его оценке, философских проблем, которые он характеризует как метафизические, а поэтому якобы не имеющие практической значимости.

Но если даже абстрагироваться от этой второй составляющей того, что Декарт квалифицирует как всего лишь метафизическое сомнение, и принимать во внимание только указанную выше первую, то и тогда обнаруживается несправедливость следующего упрека с его стороны конкретно уже в адрес Бурдена. Вот этот текст Декарта. «Здесь же мой искренний друг приводит в качестве примера вещей, относительно которых я признал необходимость “хорошо обоснованного” сомнения, существование земли, наличие у меня тела и т. п., чтобы его читатели, ничего не ведающие об указанном метафизическом сомнении, применили его к повседневной жизни и решили, что я не в своем уме» [Декарт, 1994б. С. 335]. Два обстоятель-

ства буквально вынуждают признать, что Декарт здесь несправедлив, а соответственно и неубедителен.

Первое из этих обстоятельств состоит в следующем. Только от Декарта зависело, где после получения им текста Бурдена он будет публиковать его. А опубликовал он его вместе со своим трактатом, где специально оговорил, что здесь под сомнением у него имеется в виду особая его разновидность – то самое сомнение, которое охарактеризовано им как метафизическое и, соответственно, якобы не имеющее отношения к повседневной жизни людей. Так что ставить Бурдену в вину то, что он излагает сказанное Декартом о сомнении так, чтобы читатель применил это «к повседневной жизни», оснований, надо признать, не было. Здесь Декарт только продемонстрировал, насколько низко он оценивает умственные способности своего читателя.

Здесь к тому же обнаруживается и второе обстоятельство, еще в большей степени демонстрирующее, насколько Декарт под властью желания уязвить Бурдена был несправедлив к нему. Показателем силы этого желания является то, что Декарт утверждает здесь, будто Бурден, а не он сам приводит в качестве примера вещей, которые следует подвергнуть сомнению, существование земли, наличие у человека тела и т. п. Но ведь это не так. Делает это прежде всего именно сам Декарт. Действительно, уже в самых первых фразах предваряющего основной текст его «Размышлений» краткого их обзора читаем следующее: «В “первом размышлении” излагаются причины, по которым мы имеем право сомневаться относительно всех вещей, особенно материальных, до тех пор, пока у нас не будет иных научных оснований, нежели те, кои были у нас раньше» [Декарт, 1994а. С. 12]. Как видим, здесь не Бурден, а сам Декарт ведет речь о праве сомневаться, причем сомневаться именно относительно материальных вещей, т. е. и относительно существования земли и у человека тела. Да и в тексте уже самого «Первого размышления» тоже читаем: «...я буду мнить небо, воздух, землю, цвета, очертания, звуки и все вообще внешние вещи всего лишь пригрезившиеся мне...» [Там же. С. 20]. Также и во «Втором размышлении» Декарт снова пишет: «...я убедил себя в том, что на свете ничего нет – ни неба, ни земли, ни мыслей, ни тел...» [Там же. С. 21]. Так что уместно было бы спросить у Декарта, Бурден ли приписал ему, или же он сам «приводит в качестве примера вещей», бытие которых подлежит сомнению, такие конкретные объекты, как земля, человеческие тела и все вообще телесные вещи.

Приведенные мной только что собственные тексты Декарта наглядно демонстрируют, что не Бурден, а он сам предлагал рассматривать соответствующие вещи как такие, реальность существования которых надлежит подвергнуть сомнению. При этом заслуживает того, чтобы обратить на него внимание, и весьма показательное, сделанное опять-таки самим Декартом исключение, в чем он сам при-

знается следующими словами: «...те, кто знает, насколько тщательно я изъясил из области своего отрицания все, что относится к благочестию и вообще к морали» [Декарт, 1994б. С. 349]. Здесь, как видим, у Декарта налицо признание им того, что он сам предпринял специальные усилия, чтобы исключить, как он выражается здесь, «из области своего отрицания» все касающееся, в частности, благочестия, т. е. и веры в бога. Этим сам Декарт демонстрирует степень его приверженности христианскому религиозному мировоззрению, а именно, ту наивысшую степень, при которой предмету этой веры придается статус всемогущего абсолюта, верховенству чьей власти подчинено все без малейшего изъятия. Так что о правдивости заявления Декарта, будто он якобы действительно исходит из допущения, «что на свете ничего нет», говорить не приходится. Поэтому, когда Декарт все же и относительно существования бога в самом трактате «Размышления» выражает сомнение, оно, как это демонстрируют приведенные мной только что его слова о благочестии, является всего лишь условным. Да и сам Декарт именно так его и оценивал. Ведь, как мы только что видели, он писал, что он будет всего лишь «мнить» все внешние вещи, только пригрезившиеся ему. И с учетом этого последнего обстоятельства есть ли резон заострять наше внимание на этой особенности его позиции? Оказывается, есть. Ибо из того, что ситуация у Декарта с всеобщностью предпринимаемого им отрицания именно такова, нельзя не сделать уже не условное, а имеющее статус вполне реального и, соответственно, адекватного, следующее заключение. Та общемировоззренческая значимость, которую он придает своему выводу из ситуации его, как видим, только якобы радикального сомнения в подлинности существования решительно всего, не может не быть совершенно ничтожной.

Прежде всего, это касается самого первого вывода Декарта, осуществляемого с позиции радикального сомнения в реальности существования решительно всего. Это – вывод не столько о несомненности уже реального, а не всего лишь предположительного, существования самого так сомневающегося «Я», сколько о том, что конкретно Декарт понимал под тем, что он именовал «Я». Вывод этот конкретно в данном произведении у Декарта не выражен ставшей известной его формулировкой «Я мыслю, следовательно, существую» (см., например: [Декарт, 1989. С. 174]). Эту же суть данной своей позиции он выражает здесь формулировками, как, например, следующая: «...из самого факта моего сомнения вытекает, что я существую» [Декарт, 1994а. С. 32]. И именно этот вывод позволяет, по Декарту, от ситуации предполагаемого полного, не содержащего никаких исключений, сомнения в реальности существования чего бы то ни было перейти к преодолению этой, принятой за исходную, ситуации такого сомнения и получить первое уже признаваемое им несомненно истинным утверждение о существовании предавше-

гося такому сомнению человеческого «Я». Бурден и обращает внимание Декарта на важнейший, с точки зрения самого Декарта, как мы сейчас убедимся в этом, аспект того, что тот имеет в виду под «Я», которое делает вывод о собственном существовании.

Для этого обратимся к тому, как Декарт отреагировал на высказанную Бурдену оценку следующего положения вещей, которое может иметь место, если исходить из его вывода из признанного им несомненно истинным утверждения «Я мыслю, следовательно, существую». Сначала зафиксируем соответствующую позицию самого Декарта. Это «Я», по Декарту, – только мыслящая субстанция (см., например: [Декарт, 1994а. С. 9]), совершенно самостоятельная, в том числе в смысле отделимости от тела человека и, соответственно, не умирающая при уходе этого последнего из жизни (см., например: [Там же. С. 13]). Бурден, оценивая эту позицию Декарта, сосредоточивается на той стадии рассуждений Декарта, когда тот утверждает реальность существования «Я», признаваемого мыслящим не наряду с другими его функциями, а только мыслящим и никакими другими даже способностями, а тем более специфическими носителями таковых, не обладающим (см.: [Декарт, 1994б. С. 338, 357, 359–360, 363, 365, 367, 371–376, 393, 395]). А это, как вполне резонно отмечает Бурден, означает фактически предполагаемое Декартом признание и реальности того, что у этого «Я» «никакого тела не существует» [Там же. С. 338]. Далее Бурден следующим образом излагает возможные мысли такого декларирующего свою бестелесность субъекта. Дескать, «я предполагаю и говорю: никакого тела не существует. Но что представляет собой это положение: никакого тела не существует? Оно безусловно сомнительно и недостоверно. Кто за него поручится? На каком основании? Итак, я прав. Положение это, будто ни одно тело не существует, сомнительно: итак, на основе нашего закона я говорю: некое тело существует. Но я есмь и существую, а значит, я могу быть телом, если ничто иное этому не препятствует. Вот изволь: я могу быть телом и не могу быть им» [Там же].

Как видим, Бурден констатирует, что ситуация, фактически предполагаемая допущением Декарта о несомненности существования единственно бестелесного «Я», а стало быть, и несуществования никакого тела, сомнительна и недостоверна. И естественным следствием этой констатации он признает, что это самое мыслимое Декартом «Я» должно признать и телом. А так как перед этим Декарт утверждал, что оно бестелесно, то, в итоге, и допустимо сделать также заключение, что, согласно ему, это самое человеческое «Я» и не может быть телом, и является телом. Вот как отреагировал Декарт на эти рассуждения Бурдена. «Наконец, меня изумляет сила его воображения, позволяющая ему сражаться лишь с этой пустейшей и извлеченной из глубин его собственного мозга химерой...» [Там же. С. 340].

В данном его реагировании на критику в свой адрес Декарт прав только в том смысле, что в ней речь ведется не о буквально им самим сказанном. Ведь Бурден не приводит здесь в процессе своего критического рассмотрения позиции Декарта соответствующую его цитату о допустимости признания человеческого «Я» и телом, но обращает внимание на то, что этой его позицией всего лишь предполагается, а стало быть, и допускается, но что он сам все же не соизволил озвучить. И вот, при реагировании на это раскрытие Бурденом того, что в позиции Декарта потенциально содержится, этот последний, по-видимому, не нашел, что же ответить по существу, поскольку ограничился только обвинением в адрес своего оппонента, что тот сражается с собственным вымыслом. Но ведь относительно данного конкретного обвинения это отнюдь не так. Ибо Бурден весьма обоснованно указал на реально допускающееся позицией Декарта, но самим Декартом не декларируемое явно, а всего лишь предполагаемое, причем неявно, соответственно и оставляемое при этом без должного сосредоточения на этом внимания его читателя.

В противоположность этому имеющему место у Декарта предположению Бурден выдвигает утверждение о правомерности признания некоторой внутренней, глубинной составляющей организации человеческого именно тела, функционирование которой и есть мышление. Декарт же не приемлет такое допущение, декларируя принципиальную для него невозможность осуществления как для телесной составляющей человека мыслительной деятельности, так и для его мыслительной составляющей иметь телесный орган. Эту сторону позиции Декарта Бурден и оценил как не обоснованную и тем самым по меньшей мере дискуссионную. Декарт же своим пренебрежением фактического предложения со стороны Бурдена обсуждать такую постановку вопроса продемонстрировал неприемлемость для него вступать по нему в научную дискуссию. Оценивая проявленное Декартом нежелание обсуждать предложенное Бурденом объяснение мышления человека как функционирования глубинной составляющей организации его тела, следует учитывать и следующее обстоятельство. Декарт уже в самом своем трактате «Размышления...» касался подобного объяснения деятельности того, что обычно именуется душой, а следовательно, и человеческого мышления. А именно, вспоминая свои размышления в те времена, когда он еще не приступил к созданию концепции, излагаемой им в обсуждаемом Бурденом своем трактате, Декарт признается: «Однако что представляет собой упомянутая душа – на этом я либо не останавливался, либо воображал себе нечто немислимо тонкое, наподобие ветра, огня или эфира, разлитого по моим более грубым членам» [Декарт, 1994а. С. 22]. И можно предположить, что Декарт потому и не считал необходимым для себя вступать по этому вопросу в полемику с Бурденом, что он уже отверг предложенную тем трактовку души как проявлений жизнедеятельности человеческого тела. Единственно допус-

тимым для себя способом реагирования на сделанный Бурден вывод о правомерности серьезного обсуждения возможности признания наличия у человека телесной составляющей как осуществляющей и мыслительную деятельность, Декарт счел простое воспроизведение сказанного им в самом обсуждаемом теперь его трактате. А утверждается там, что ум человека есть нечто бестелесное и полностью обособленное от тела, в том числе и от мозга человека.

Приведу сначала соответствующий текст Декарта из этого его трактата: «...тело, взятое в своем родовом значении, есть субстанция и потому никогда не гибнет. Но человеческое тело, отличаясь от прочих тел, являет собой соединение членов, имеющих определенную форму, и других подобных же акциденций; человеческий же ум не представляет какого-то соединения акциденций, но являет собой чистую субстанцию, и, хотя все его акциденции подвержены изменению, – он то понимает какие-то вещи, то желает другие или чувствует третьи и т. д., – тем не менее сам по себе он не изменяется» [Декарт, 1994а. С. 13]. В ответе Бурдену Декарт и воспроизводит свои представления, согласно которым тело человека есть соединение того, что он именуется акциденциями, т. е. изменчивыми, не сохраняющими определенную идентичность, состояниями соответствующей части протяженной субстанции, тогда как ум человека есть чистая неизменная субстанция сам по себе и этим радикально отличается от его тела. Вот соответствующая часть этого ответа Декарта Бурдену: «...различие между умом и телом... состоит, по моему мнению, в том, что ум мыслит, а тело – нет, но его отличительным признаком является протяженность...» [Декарт, 1994б. С. 355].

Но ведь Бурден как раз и выдвинул концепцию, альтернативную этому жестко дуалистическому отделению Декартом ума человека как якобы имеющего статус самостоятельной, а именно мыслящей, субстанции наряду с телом человека как всего лишь модусом уже другой субстанции – протяженной. Таким образом Декарт просто уклонился от содержательной полемики с Бурденом по данному вопросу, а вместо этого только воспроизвел то, приемлемость чего ему и было предложено сделать предметом рассмотрения. Ведь и безотносительно к тому, что конкретно именно Бурден обратил внимание Декарта на существование точки зрения, альтернативной принятому этим последним решению вопроса о том, имеются ли достаточные основания или же нет таковых считать ум человека самостоятельной по отношению к его телу субстанцией, эту составляющую позиции Декарта, как саму по себе, так и по выдвинутой им аргументации в ее пользу, нельзя не признать уязвимой настолько, что она просто не заслуживает серьезного к ней отношения. Чтобы убедиться в этом, надлежит с максимальной тщательностью присмотреться к особенностям этой его аргументации. Это мы сейчас и сделаем.

Когда Декарт говорит «Я мыслю, следовательно...», этим он делает свое мышление предметом собственного внимания, причем внимания столь пристального, что, сосредоточившись на этом, абстрагируется от всего остального, даже от того, что именно составляет предмет его мысли, единственно на существовании которой он и сосредоточивает все свое внимание, т. е. максимально абстрагируется от содержательной составляющей этой своей мыслительной деятельности. Эта ситуация есть рефлексивная обращенность мышления на самого себя как имеющего место совершенно безотносительно к тому, что составляет при этом его содержательное наполнение и, более того, фактически при полном отвлечении от того, что соответствующее наполнение у мысли может иметься. И когда Декарт уточняет, что же именно «следовательно», т. е. говорит «следовательно существую», он ведь этим так и не добавляет совсем ничего такого, что раскрывало бы содержательную конкретику предмета, на который направлена при этом его мысль. Этим предметом все так же остается полностью отвлеченный от такой конкретики сам факт наличия мысли без уточнения того, что является содержательным ее наполнением. Констатируется единственно то, что она имеет место, осуществляется. Ведь когда он утверждает, что, допуская ложность решительно всех положений, которые до этого принимал за нечто истинное, делает он это всего лишь «дабы полностью отвлечь от них свою мысль» [Декарт, 1994б. С. 337].

Здесь Декарт, как видим, наглядно демонстрирует, что он целенаправленно осуществил полное всего лишь абстрагирование и от реального положения вещей, и от того, что до этого он именно так, как реальное, оценивал его, причем сделал он это осознанно, т. е. сознавая, что это всего лишь осуществляемый им акт абстрагирования. Тем не менее результату этого акта далее он придал значимость объективной и, более того, абсолютной достоверности признания субстанциального, т. е. самодостаточного и независимого от чьих бы то ни было подобных субъективных актов, статуса себя как мыслящей, и только мыслящей, вещи с признанием на этом основании ее бессмертия в силу якобы ее полной независимости от тела, в котором она пребывает, пока это тело живо. И, делая это, Декарт совершенно игнорирует то, что он, как мы только что видели, сам перед этим признал. А именно, игнорирует он следующее: то, что теперь выдается им за независимость его мыслящего «Я» от его же тела, есть всего лишь результат искусственно осуществленного максимально полного абстрагирования конкретно его мысли от всего, что не есть она сама, в том числе и от его тела. Таким образом, уверенность Декарта в безальтернативной истинности признания им статуса самостоятельной субстанции, а соответственно и бессмертия мыслящего «Я» имеет своим источником единственно осуществленный им при концентрации своего внимания на этом самом своем «Я» акт искусственного абстрагирования от всего остального. Если не

забывать этого, то очевидно, что сделанный Декартом вывод о бессмертии мыслящего «Я» человека есть не более, чем результат его желания выдать данный продукт религиозного фантазирования за нечто имеющее солидное философское обоснование. А конкретно сам Декарт еще и придает ему значимость одной из концептуальных основ дуалистического характера всей своей философской системы.

А теперь, если попытаться осмыслить эту позицию Декарта, учитывая и специфику картины мира, основанной на достижениях науки того времени, а именно, принимая во внимание, что картина эта была механистической, то нельзя не признать, что Декарт весьма последовательно, со всей строгостью этой картины придерживался. Одним из следствий этого и была невозможность тогда, придерживаясь научной картины мира, материалистически объяснить существование как всего живого, так и, тем более, человеческой психики. Соответственно, из сторонников научной картины мира не только Декарт придерживался тогда религиозных представлений о сотворении богом как такого материального мироздания, так и всего живого в нем. Это была особенность всего данного этапа развития современной науки, а не проявление особенности интеллекта единственно Декарта. Хотя и таковое, как мы могли в этом убедиться, имелось и весьма явственно проступало, в том числе и в индивидуальных особенностях его мировоззрения в целом. И, пожалуй, к важнейшим из этих особенностей принадлежало то, что у него имело место своеобразное сочетание и усвоенного в результате получения образования в церковном учебном заведении, с одной стороны, и того, что он был одним из наиболее продуктивных в его поколении творцов науки Нового времени, с другой. Предпринятые Декартом усилия по согласованию этих двух составляющих его индивидуального мировоззрения и не могли не иметь своим результатом именно дуалистическое в своей полноте интеллектуальное построение. Ибо эти составляющие по самой их сути настолько противоречили друг другу, что концептуально непротиворечивое их сочетание было просто недостижимо.

Итак, роль Декарта в формировании философии Нового времени оценить ни однозначно положительно, ни однозначно отрицательно не представляется возможным. В ходе анализа рассматриваемых мной здесь составляющих его полемики с Бурденем отчетливо просматривается отрицательная составляющая этой роли. Еще одна ее составляющая тоже зримо проявилась в его споре с Бурденем. Ведь, оппонировав Декарту, Бурден утверждает возможность под «Я» иметь в виду человека как сугубо телесное существо, разумеется, одушевленное, однако при этом имеющее то, что именуется душой, именно в телесном ее воплощении, разумеется, особом телесном. Вот соответствующий текст Бурдена: «тела бывают чувствующими, как, например, собака, мыслящими, как, например, обезьяна, или

одаренными воображением, как, например, мул. И если я когда-то сталкивался с тем, что было движимо чем-то другим или двигалось само по себе, что чувствовало, воображало или мыслило, я называл это – если не было к тому никаких препятствий – телом и продолжаю называть это так по сей день» [Декарт, 1994б. С. 354]. Как видим, в отличие от Декарта Бурден считает, что соответствующие тела мыслят, будучи именно телами, а не бестелесными умами. А что касается диаметрально противоположной позиции Декарта, то Бурден как признает за ним право на свою позицию, так и настаивает, что такое же право на свою позицию имеют и те, кто не согласен с ним: «ты должен был сохранить свободу суждения и для всех остальных; я не поверю, будто ты таков, что хочешь быть судьей над мыслями каждого и одни мысли отбрасывать, а другие одобрять» [Там же. С. 355]. Последней фразой приведенной цитаты Бурден явно иронизирует. Ведь реально Декарт именно отбрасывал те мысли, которые не совпадали с его мыслями, и тем самым становился на позицию судьи над мыслями всех несогласных с ним. Так что здесь посредством иронии Бурден указал Декарту на его нетерпимое отношение к мыслям тех людей, кто оппонирует ему. А что этими словами Бурден указал Декарту именно на это, тот не то чтобы не понял, но, во всяком случае, не счел нужным адекватно воспринять, поскольку просто не отреагировал и на данное замечание.

То, что Декарт считал себя не обязанным серьезно рассматривать критическое отношение именно Бурдена к своей позиции, мы уже имели возможность зафиксировать и до этого, причем не однажды. Но итоговая оценка им того, что сделал Бурден, – самостоятельная тема, которой я планирую посвятить отдельную статью и надеюсь опубликовать ее в следующем номере этого журнала. А сейчас ограничусь предположением, что Декарт не считал и приемлемым для себя аргументированно реагировать на критику со стороны Бурдена. Дело в том, что ответить на нее по существу ему, по-видимому, просто было нечем за исключением простого повторения тех доводов в пользу своей позиции, которые уже были в том его трактате, критику которого осуществлял Бурден. Но ведь сам Декарт обращался с просьбой к членам ученого сообщества подвергнуть критике текст этого его трактата, чтобы он смог отреагировать на эту критику его исправлением, и обещая сделать именно так. А в ситуации с критикой со стороны Бурдена получается, что это свое обещание он и не выполнил. Причины тому, на мой взгляд, две. Первая – нечем оказалось отвечать за исключением признания, что таким ответом мог быть единственно отказ от того, что составляло сущностную составляющую всей его, Декарта, концепции. Вторая – оказавшаяся непреодолимой для Декарта неприязнь к Бурдену как автору, продемонстрировавшему и ранее неприемлемость для него

сути Декартовой концепции. Тогда как сам Декарт был настолько уверен в ней, что трактовал эту позицию Бурдена как результат того, что тот неспособен ее понять.

Список литературы / References

Декарт Р. Разыскание истины посредством естественного света // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 154–178.

Descartes R. Razyskanie istiny posredstvom estestvennogo sveta razuma [The Search for Truth by Means of the Natural Light]. In: Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, p. 154–178 (in Russ.).

Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывається существование бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994а. Т. 2. С. 3–72.

Descartes R. Razmyshleniya o pervoi filosofii, v koikh dokazyvaetsya suschestvovanie boga i razlichie mezhdushoi i telom [Meditations on First Philosophy in which the Existence of God and the Immortality of the Soul are Demonstrated]. In: Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994a, vol. 2, p. 3–72 (in Russ.).

Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994б. Т. 2. С. 73–417.

Descartes R. Vozrazheniya nekotorykh uchenykh muzhei protiv izlozhennykh vyshe «Razmyshlenii» s otvetamy avtora [Objections to the Meditations and Descartes's Replies]. In: Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994b, vol. 2, p. 73–417. (in Russ.).

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Горан Василий Павлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vasily P. Goran, Doctor of Sciences (Philosophy), professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

goran@philosophy.nsc.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-155-170

Деррида: деконструкция этического-юридическо-политического. Уточнение методологии

А. Фекондо

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Неотложность вопроса о том, что происходит сегодня, предполагает обращение к категориям, позволяющим осознать, что имеет место эпоха перемен, и оценить их последствия. Этическому ницшеанскому перевороту, беспрецедентному этико-политическому кризису и новому тоталитаризму, в его *soft*-версии, Деррида отвечает осмыслением опыта абсолютного предшествования этики Э. Левинаса. В сердце этики Деррида как гостеприимства и деконструкции мы встречаем справедливость и закон. Именно это измерение апорийного структурного взаимного проникновения «этического» и «юридического» ведет к иному осмыслению «политического», самой высшей формой которого, согласно Деррида, выступает «грядущая демократия».

Ключевые слова

деконструкция, нигилизм, этика, Левинас, гостеприимство, принятие, открытость, «да», ответственность, справедливость, закон, право, апорийность, политическое, демократия, методология

Для цитирования

Фекондо А. Деррида: деконструкция этического-юридическо-политического. Уточнение методологии // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 155–170. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-155-170

Derrida: Deconstruction of the Ethical-Legal-Political. Methodological Clarification

A. Fecundo

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The answer the urgent question of what is happening today we require categories that can be open and welcoming towards these epoch-changing times and consequences thereof. To Nietzsche's ethical turning point, the unprecedented ethical-political crisis and the new soft totalitarianism, Derrida responds with

© А. Фекондо, 2020

the experience of the absolute precedence of ethics of E. Levinas. At the heart of his ethics of hospitality and deconstruction we encounter justice and law. It is precisely this dimension of the structural aporetic reciprocal interpenetration between “ethical” and “juridical” that leads to a new idea of the “political”, the highest form of which is “democracy to come”.

Keywords

deconstruction, nihilism, ethics, Levinas, hospitality, acceptance, openness, “yes”, responsibility, justice, law, right, aporicity, political, democracy, methodology

For citation

Fecondo A. Derrida: Deconstruction of the Ethical-Legal-Political. Methodological Clarification. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 155–170. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-155-170

Деконструкция и этический нигилизм

Если верно, что мы переживаем даже не эпоху перемен, а смену эпох, то неотложность вопроса о том, что происходит сегодня, предполагает обращение к категориям, позволяющим осознать суть этих изменений и их последствия. Если конец XIX и XX в. заявили о себе декларациями о кризисе этики (Ф. Ницше), кризисе наук (Э. Гуссерль) и кризисе метафизики присутствия (М. Хайдеггер), то XXI век демонстрирует обращение к темам кризиса принадлежностей, трансформации отношений, «текущего общества» (З. Бауман), общества «без связей» (М. Боргези) (Интернет, телевидение, нематериальная экономика, «мондиализация» и т. д.). Ж. Деррида, сын «короткого века» (Э. Хобсбаум), уже в 1970-е гг. возвещает о конце века и с помощью деконструкции предлагает интерпретацию, позволяющую заново поставить эти вопросы. Деррида чаще всего повторяет по разным поводам два вопроса, наилучшим образом выражающие его понимание резонанса своего времени и резонанса с этим временем: «Что происходит сегодня?» [Derrida, 1997b. P. 96] («Что вы будете делать *сегодня?*» [Derrida, 1991. P. 9]), «Каким будет завтра?» [Derrida, 2001].

Что же, по Деррида, происходит сегодня? *Эпохальное изменение, одновременно плод и причина беспрецедентного этико-политического кризиса.* Итальянский философ Э. Маццарелла говорит о «разморализации мира», как «конкретном результате того, что Ницше понимал под словами “этический нигилизм”: “Наиболее тревожный гость”, которому нужно посмотреть в лицо, – предсказанный для истории двух последующих столетий нигилизм, *этический нигилизм.* Мы здесь, на изгибе его первого века. Аннигиляция *этоса* не как простое свержение предшествующих ценностей, заменяемых другими, которые занимают те же места, подменяют их иссякающие жизненные силы, но как “переворот, [который] одновременно есть трансформация формы и образа бытности ценностью”, как бы выступление на первый план нового принципа позиции ценностей» [Mazzarella, 2017. P. 30–31].

Этому ницшеанскому представлению об аннигиляции этоса Деррида отвечает осмыслением опыта *абсолютного предшествования этики* Э. Левинаса как деконструкционного вопрошания об этико-политическом сегодня и о конституировании ответственной субъектности. Вместе с «этическим» «политическое», то, что мы унаследовали под этим именем, в своих основных концепциях и предикатах находится в состоянии деконструкции (*déconstruction*). Этот странный философско-архитектурный неологизм означает не анализ, не критику, не метод и даже не акт и не операцию. Деконструкция имеет место, это событие (*événement*), которое не ждет резолюции субъекта, даже если в роли этого субъекта выступает современный мир. «*Ça se déconstruit*»¹, – любит повторять Деррида².

Французский мыслитель указывает, что онтология (*on-topos-logos*), а значит, политические проявления аристотелевского наследия, неразрывно связывающего онтологическую ценность бытности-присутствующим с *топосом* территории, находится в состоянии деконструкции³. Это заметно, прежде всего, в износе или расшатанности границ. Под давлением и в результате совокупности трансформаций всевозможного порядка также ставятся под вопрос отношения государства и нации, человека и гражданина, публичного и частного. В центре подобных трансформаций находится проблема телетехнологических, экономических и медийных методов, связанных с политическими традициями и интерпретациями этих традиций. Эти методы предписывают переосмысление привычных категорий. Определяющий эффект телетехнологий – общая делокализация: они кладут начало отрыву с корнем от места, делокализации дома, *chez-soi*. Теле-техно-науки делают возможным процесс универсализации опыта, открывая путь для нового тоталитаризма, в его *soft*-версии, тонко разветвленного и инвазивного, т. е. беспрецедентную возможность унификации и стандартизации сингулярностей, отличий, языков. С этим тоталитаризмом, как и с любым другим, необходимо бороться. Х. Арндт справедливо отмечает: «Для борьбы с тоталитаризмом достаточно понять только одно: тоталитаризм – это наиболее радикальное отрицание свободы» [Arendt, 2006. P. 127]. Только слепой или конформист может упускать из виду тот факт, что угроза тоталитаризма является насущным вопросом нашего времени.

Проблема, возникающая ввиду вышесказанного, имеет не только юридический характер. Речь идет не о том, что нужно переформулировать право с тем, чтобы

¹ Это деконструируется (*фр.*).

² Что касается значения слова «деконструкция», ср., прежде всего: [Derrida, 2003a. P. 12]. Ср. также: [Фекондо, 2016. С. 266–267].

³ «Под онтологией мы понимаем аксиоматику, неразрывно связывающую онтологическую ценность бытности-присутствующим (*on*) и *местоположение*, устойчивую и презентабельную определенность места (*topos* территории, земли, города, тела вообще)» [Derrida, 1993. P. 137].

оно охраняло пространство сингулярности и тайны, частного и собственного. Более радикальным образом следует поставить под вопрос само конституирование сингулярности, идентичности, себя, *chez-soi*, поставить в конечном счете под вопрос движение, в результате которого субъект приходит к себе, а значит, его открытость событию, приходящему, иному, гостю. Таким образом, политика неотделима от этического измерения, в котором смысл гостеприимства и «мессианского» совпадают. Политическое и этическое взаимно проникают друг в друга. Обоснование этики дается не путем дедукции, а вследствие решения. Деррида не выводит классическим образом раз и навсегда этику из метафизики (*logos* и Запад также находятся в состоянии деконструкции!), но отсылает к решению, которое всякий раз принимается заново перед лицом «того, что» или «того, кто» приходит (*ad-veniens* – грядущий) и обращается к моей ответственности, чтобы уничтожить или спасти меня. Вот этическое значение неразрешимого и невыводимого, неотложного и неизбежного решения!

После терактов 11 сентября 2001 г.⁴ Деррида отмечает, что болезненное событие, которое прежде считалось таковым относительно настоящего и прошлого, теперь является таковым, прежде всего, относительно будущего: пережившего это событие пугает не прошлое и даже не настоящее, а тот факт, что может произойти нечто еще более серьезное, травмирующее и болезненное (ср.: [Derrida, 2003b. P. 148–151]). Если мы не можем пережить траур, преодолеть горе и боль незаживающих ран, нам приходится считаться с возможностью – здесь снова требуется решение! – *бесконечной ответственности*.

Ça se deconstruit (это деконструируется). Итак, *ça* деконструкции есть пришествие иного, извне, «так же сверху» [Derrida, 2007. P. 54], неизменно превосходящего всякое возможное предположение или решение со стороны субъекта, «я», и предшествующего ему. Деконструкция, которая уже совершается, не ждет разрешения со стороны субъекта, она не создается субъектом и не зависит от него, напротив, это субъект зависит от нее, лучше сказать, является ее следствием. Если можно так выразиться, не «я» держит в своих руках *sensus* (смысл) деконструкции.

Субъект неизменно втягивается и вовлекается, независимо от него самого, в движение деконструирующегося *ça*. Кажется, что всеохватывающий и всепотрясающий процесс *ça* не оставляет никакого места, а значит, и свободы, субъекту, который оказывается брошен в этот процесс и «осажден» в нем. Без возможности отступления. Однако для Деррида ситуация непреодолимого плена или *конечно-*

⁴ Террористические акты 11 сентября 2001 г. – серия из четырех координированных актов-самоубийств, совершенных в Нью-Йорке (США) членами террористической организации «Аль-Каида». Погибшие – 2 977 человек. Способ – угон самолета.

сти – это не конец игры, она предлагает субъекту перед лицом или, лучше сказать, изнутри процесса *ça* великий шанс – *бесконечную ответственность*.

Ответственность в первую очередь есть справедливость, «отношение к иному (*rapport à l'autre*)» [Derrida, 1997a. P. 22]. Как быть справедливыми, – спрашивает Деррида, – коль скоро справедливость есть уже совершающийся процесс, происходящий вне зависимости от «я»? Не затрудняя, не препятствуя, не задерживая, но неким образом ускоряя сам процесс пришествия иного. Каким образом? Принимая иного, оказывая ему гостеприимство. Ответственность как справедливость, следовательно, есть принятие этого *ça*, гостеприимство в отношении иного, предшествующего и приходящего. Таким образом, принимающая ответственность сторуна с необходимостью вовлечена в формирование этического дискурса.

Здесь Деррида пересекается с Левинасом: «Коренной поворот: Левинас предлагает мыслить открытость, в общем исходя из гостеприимства или принятия» [Ibid. P. 44]. Вопрос гостеприимства отдаляет Деррида от Хайдеггера. Если Хайдеггер мыслит открытость в общем, которая затем принимает форму гостеприимства или заботы о других, то Деррида, прочитывающий Левинаса, намерен перевернуть это отношение открытости и гостеприимства.

Деррида и Левинас

Мы должны анализировать, не исчерпывая его, опыт постепенного сближения Деррида с Э. Левинасом, с мыслителем, который первоначально выступает в роли *alter ego* (другого я) Деррида, объекта его радикальной критики, а позднее его незаменимым другом-учителем, «неиссякаемым источником» (ср. [Ibid. P. 22]) нового способа понимания отношений между философией и этикой, новой этической мысли.

О великой дружбе Деррида и Левинаса, в определенный момент превратившейся во взаимное учительство, со стороны Деррида свидетельствуют три публикации: «Violence et métaphysique. Essai sur la pensée d'Emmanuel Levinas (Насилие и метафизика. Эссе о мысли Эмманюэля Левинаса)» (1964), «En ce moment même dans cet ouvrage me voici (В этот самый момент, в этом произведении, вот я)» (1980), «Adieu (Прощай)» (1997). Схожесть размышлений Деррида и Левинаса обнаруживается и в других работах⁵.

Неоднократно предпринимались попытки противопоставить эссе Деррида 1964 г., как излишне критическое и даже написанное в «логоцентрическом» ключе, его последующим работам, в которых прослеживается близость размышлений

⁵ Например, в «О грамматологии» мы находим Левинасову проблематику следа (ср.: [Derrida, 1967]) и в «Marges de la philosophie (Поля философии)» – утверждение, что «мысль *différance* предполагает критику классической онтологии, проведенную Левинасом» [Derrida, 1972. P. 22].

Деррида и Левинаса, в частности, относительно темы ответственности. Дж. Либертсон говорит об «удивительном непонимании Левинаса со стороны Деррида» [Libertson, 1982. P. 286]. С. Петрозино, один из крупнейших итальянских специалистов по Левинасу и Деррида, считает предположение о радикальном переломе «неприемлемым», а утверждение Либертсона «маловероятным» [Petrosino, 1998. P. 11]. Действительно, как понять размышления Деррида о письме, не учитывая постоянную отсылку *gramma* (написание) к *ethos* (нрав), изначальное переплетение области письма и области инаковости, а значит, ответственности?

Последняя тема в более поздних работах Деррида заостряется благодаря возрастающему влиянию на него мысли Левинаса. Нужно определить значение этого влияния, которое, по мнению Петрозино, идет в ногу с «дистанцированием от Хайдеггера» [Ibid.]. Согласно Р. Карни, более поздние работы Деррида «сочетают хайдеггеровское решение деконструировать метафизику и левинасово решение в пользу этического вопроса иного [...] Там, где Хайдеггер прочитывает *Es Gibt* Бытия как присутствие в отсутствии, как открытие в сокрытии, Деррида прочитывает, среди прочего, след иного» [Kearney, 1993. P. 29]⁶. Факт, что Левинасу, который в 1961 г. опубликовал «Тотальность и бесконечное», Деррида три года спустя «отвечает» в довольно критической манере. В октябре 1964 г. Деррида посылает Левинасу первую часть своей статьи «Violence et métaphisique» – «эти безрассудные страницы». Левинас сразу же пишет Деррида с благодарностью: «Я хотел бы высказать Вам свое огромное восхищение интеллектуальной силой, которая раскрывается на этих крайне насыщенных страницах, даже когда они ироничны и суровы. Спасибо от всего сердца за одни и за другие» (цит. по: [Peeters, 2010. P. 176]). После публикации работы Деррида в сборнике «L'écriture et la différence (Письмо и различие)» (1967), Левинас «живо благодарил его, не скрывая оговорок. Он воспользовался возможностью, чтобы перечитать посвященные ему страницы, “где столько симпатии соединено со столькими несоответствиями”» [Ibid. P. 218].

В 1973 г. журнал «L'Arc» посвящает Деррида целый номер. Во введении «Дикарь» К. Клеман говорит о «déviance de Derrida (отклонении Деррида)» [Clément, 1973. P. 1]. Левинас в своей статье, озаглавленной «Tout autrement (Совсем иначе)», после того, как нарисовал «страшный и двусмысленный образ» [Peeters, 2010. P. 315] деконструкции, говорит: «Подчеркнув первостепенную важность вопросов, заданных Деррида, мы хотели высказать удовольствие от соприкосновения в глубине хиазма (*cœur d'un chiasme*)» [Levinas, 1973. P. 33–34]. На эти слова Деррида ответит 6 марта 1976 г.: «Сквозь отдаленность, паузы, рассеянность, все трудности,

⁶ Необходимо особо отметить, что в текстах Деррида деконструкция никогда не противопоставляется чему-либо, и тем более метафизике. В рамках деконструктивистского подхода метафизические оппозиции несут в себе риск устранения инаковости. Ср.: [Фекондо, 2016].

которые делают встречи такими редкими, я прошу вас верить в мою в высшей степени внимательную и дружескую, сердечную близость – поскольку я уверен, что в сердце хиазма всегда следует предпочитать сердце» [Peeters, 2010. P. 316]⁷. Эти слова Деррида последовали вскоре после его знакомства с «Autrement qu'être ou Au-delà de l'essence (Иначе чем быть, или по ту сторону сущности)» (1974) – критического ответа Левинаса на «Violence et métaphisique».

Возможно, ключевым моментом дружбы Деррида и Левинаса стал день «защиты государственной диссертации» Деррида: «Запись философии, исследования об интерпретации письма» 2 июня 1980 г. в присутствии Десанти, Гандиллака, Обенка, Жоли, Ласко и Левинаса. Слова Левинаса глубоко тронули Деррида: «Важность вашей работы, степень вашего влияния, ваша международная аудитория, количество и качество учеников и последователей, которые вас окружают в Париже, уже давно обеспечили Вам место среди мэтров нашего поколения» [Peeters, 2010. P. 392].

Именно в этом году у Деррида выйдет статья-отречение: «En ce moment même dans cet ouvrage me voici». Хотя система аргументов статьи 1980 г. по существу воспроизводит доводы эссе 1964 г., тем не менее Деррида в этот раз, обращаясь не к «Totalité et infini (Тотальность и бесконечное)», а к «Autrement qu'être», принимает стиль письма Левинаса, где утверждается «отсылка к иному как образующий (пред-изначальный) фактор самой философской тематизации инаковости: иной уже, с самого начала активен – и это тезис Левинаса в вопросе об ином; всякое письмо об ином – и это тезис Деррида – с самого начала есть письмо, или лучше сказать, письма к иному» [Petrosino, 1998. P. 18].

К концу 1980-х гг. влияние Левинаса таково, что если ранее Деррида, настаивая на теме историчности, читал Левинаса главным образом в свете Хайдеггера, то теперь, настаивая на следе / ответственности, он читает Хайдеггера главным образом в свете Левинаса. В книге Деррида «De l'esprit (О духе)» (1987) эта Левинасова перспектива, кажется, прорывается с особой очевидностью.

«Другое понимание этической мысли»

Перевернуть иерархию открытости и гостеприимства означает помыслить «этическую» предоткрытость открытости вообще, т. е. изъять *topos* открытости из ее нейтральной и пространственной неопределенности и определить открытость в ее пред-изначальной ориентации в направлении иного: принятие иного (в двойном и несимметричном смысле генитива) предшествует «сосредоточению или соединению (*Versammlung*), собиранию (*colligere*), которое достигнет завершения

⁷ В «Политиках дружбы» мы найдем заново сердце и дружбу как важнейшие этическое-политические темы. Ср.: [Derrida, 1994b].

в сосредоточении» [Derrida, 1997a. P. 59]. Итак, гостеприимное принятие предшествует и делает возможным открытость и интенциональность, из которых, казалось бы, оно должно проистекать⁸. Как будто, так сказать, игра началась еще до матча, т. е. свобода разыграна-разыгрывает еще до начального свистка.

Вслед за пересмотром соотношения открытости и принятия, и как неизбежное следствие предшествования этики, Деррида указывает на переворот между онтологией – вниманием! онтологией а не метафизикой – и этикой⁹. Он утверждает, что мысль Левинаса «изменила ход философского размышления нашего времени и размышления о философии, о том, что связывает ее с этикой, с иной этической мыслью» [Derrida, 1997a. P. 14]. Относительно значения такого изменения Деррида согласится со словами М. Бланшо о философской мысли их великого общего друга Левинаса: «Это как новое начало философии и прыжок, который она, а также мы призваны совершить» [Ibid. P. 21].

В чем заключаются это *новое начало* и *прыжок*, которого оно требует? В иной интерпретации отношений философии и этики, т. е. «в иной этической мысли». Традиционным, или классическим, концепциям, где онтология, государство и политика рассматривались в качестве основы этики, противопоставляется «этика прежде и по ту сторону онтологии, государства и политики, но этика также и по ту сторону этики» [Ibid. P. 15]. Этика по ту сторону всего, даже себя самой! Гиперболический язык Деррида предостерегает нас от того, чтобы свести *иную* этическую мысль к *любому* возможному определению этики, и открывает нас новизне, носителем которой ощущал себя Левинас и приобщал к ней Деррида: «Видите ли, часто говорят об этике, чтобы описать то, чем я занимаюсь, но, в конечном счете, меня интересует не этика, не только этика, но святое, святость святого» [Ibid.]. Эти слова знаменуют, по мнению Деррида, «точку прорыва или перевода» в том смысле, что «этика», слово «этика» есть не что иное, как приблизительный эквивалент, уловка для перевода на греческий еврейского дискурса о святости отделенного (*kadosh*)» [Ibid. P. 113].

Будем внимательны! Перед тем как приступить к какому бы то ни было рассуждению и во избежание всякого возможного недопонимания в этой связи мы должны сразу же уточнить, что «еврейский дискурс о святости отделенного» не означает дискурс о трансцендентности, или открытость к религиозному, но это еврейский способ назвать «конечность» в строгих терминах.

⁸ Левинасовский поворот концепции интенциональности позволяет Деррида, и нам, критически углубить то, что уже сказано нами в нашей работе об интенциональности. Ср.: [Фекондо, 2013].

⁹ Русский философ Б. Л. Губман замечает: «Критикуя онтологическую доминантную направленность западноевропейской философии, Левинас стремится “освободить” метафизику, не отбрасывая ее и придавая ей другую направленность» [2016. С. 79].

«Этика также и по ту сторону этики», по ту сторону всего, даже себя самой, означает, следовательно, что больше нельзя говорить о рациональном «основании» этики в классической форме. Напротив, нужно говорить о «раз-основании» этики. Что означает «раз-основывать» этику? Это не значит нанести ей поражение, дискредитировать ее, но парадоксальным образом усилить ее, т. е. признать за ней способность управлять ситуацией, так сказать, *самостоятельно*, и, следовательно, не зависеть от иного.

Здесь мы должны задаться вопросом, что означает деконструировать этику. Хотя, с одной стороны, это значит освободить ее из-под зависимости от онтологии, от любого типа зависимости, но одновременно это означает, что она сама не претендует, не должна претендовать на то, чтобы быть основой.

После того как Деррида утверждает этику прежде и по ту сторону онтологии, он предупреждает об опасности приписать самой этике роль «основы». В «*Adieu*» Деррида говорит о «направляющем вопросе» его размышлений, который, в конце концов, он оставит неразрешенным: «Он [вопрос] касался бы отношений между *этикой* гостеприимства (этикой как гостеприимством) и *правом* или *политикой* гостеприимства [...], мог бы обрести классическую форму в образе основы или оправдывающего основания», позволил бы спросить, может ли этика гостеприимства основывать «за пределами семейного очага, в общественном, национальном, государственном или государственно-национальном пространстве право и политику» [Derrida, 1997a. P. 45].

Учитывая каноничность вопроса, Деррида, неисправимый феноменолог, попытается «подчинить ее [...] определенному роду эпохэ», через двойную подмену, первую *de jure*, вторую – *de facto*: «Предположим, *concesso non dato* (предположено, но не дано), что нет гарантированного перехода, согласно порядку основания, согласно иерархии основателя / основанного, первостепенной изначальности / производного, между этикой или первой философией гостеприимства, с одной стороны, и правом или политикой гостеприимства, с другой стороны. Предположим, что нельзя *вывести* из этического дискурса Левинаса о гостеприимстве право и политику, право и политику данной определенной ситуации, сегодняшней, близкой нам или далекой от нас» [Derrida, 1997a. P. 45–46].

Деррида перед лицом этой предполагаемой «невозможности основать, вывести или произвести» формулирует гипотезу о том, что «зияющий провал (*hiatus*) между этикой (первой философией или метафизикой, в том смысле, который Левинас, конечно, придает этим словам), с одной стороны, и правом и политикой, с другой» обязывает нас «*иначе мыслить* право и политику» и «особенно *открывает* (курсив наш. – А. Ф.), поскольку это провал, уста и возможность для иного слова, решения и ответственности (если хотите, юридической и политической), там, где они

должны быть *приняты*, как это говорится о решении и ответственности, без какой-либо гарантии онтологического основания» [Ibid. P. 46].

Невозможность основать, следовательно, – не этическая слабость, но сила, поскольку, с одной стороны, она *открывает* доступ к праву и политике иным образом, а с другой стороны – *открывает* доступ к ответственности. Основывать равно закрывать, в то время как не-основывать или раз-основывать означает открывать, распространять. «Освободить» от основания означает признать предоткрытость в том смысле, что этика открыта уже с самого начала. Эта предоткрытость, в границах которой мы должны оставаться, равнозначна возможности *иначе мыслить право, политику и ответственность*¹⁰.

Деррида не просто соглашается с точкой зрения Левинаса, но развивает и радикализирует ее. Предшествование гостеприимства иного гиперболизируется в деконструкции: им исчерпываются любые возможные этически-юридическо-политические отношения¹¹.

От этического к юридическо-политическому

Размышления Деррида об этическом базируются на том, что я уже должен быть принят иным, бесконечным¹² иного, бесконечным как иным, который предшествует мне, чтобы стать тем субъектом, постоянно пребывающим в процессе становления, каковым я являюсь. Такая асимметрия факта, что я был принят предизначально, подразумевает переопределение субъектности в терминах гостеприимства. Субъектность приходит в себя внутри движения, в котором, принятая, она принимает иного, которым она уже (была) принята. Поэтому Деррида безапелляционно и антикартезиански утверждает, что *субъект есть хозяин / гость*. Не *cogito*, а только *cogitor*. Однако бытность субъекта хозяином / гостем подразумевает определенное отделение: «Оно [сознание себя “у себя”] совершает отделение позитивно, не выступая в качестве отрицания бытия того, от которого оно отделяется. Но именно так оно способно осуществить принятие. Субъект – это хозяин / гость» [Derrida, 1997a. P. 101–102]. Таким образом, согласно Деррида, субъектом человеческий индивид становится и может быть только в качестве члена общества, т. е. как социальное существо.

¹⁰ Именно тут мы можем увидеть, как гиперфеноменологический подход Деррида демонстрирует феноменологию по ту сторону гносеологии. Ср.: [Фекондо, 2012].

¹¹ Раздел «Другой: А-дъё Левинасу» (ср.: [Автономова, 2011. С. 250–261]), несомненно, полезен для понимания отношений Деррида и Левинаса.

¹² По мнению Петрозино, слово «бесконечное» для Деррида означает природу гостеприимства, а для Левинаса – сознание. Ср.: [Petrosino, 1998. P. 43].

Сознание есть гостеприимство: гостеприимство, отвечающее на (принимающее) полученное гостеприимство, которое ему предшествует и его принимает. «Интенциональность есть гостеприимство, – буквально утверждает Левинас. Сила этого глагола-связки заводит гостеприимство очень далеко. Нет какого-то интенционального опыта, который, здесь или там, испытывал бы – или нет – ограниченный опыт чего-то, что мы назвали бы [...] гостеприимством. Нет, интенциональность открывается, начиная с собственного порога, в своей самой общей структуре, как гостеприимство, принятие лица, этика гостеприимства, а значит, этика вообще. Действительно, гостеприимство не есть в первую очередь какая-то область этики и даже [...] не название вопроса права или политики – оно есть сама этичность, целое и принцип этики» [Derrida, 1997a. P. 94].

В русле глубокой связи с трудами Левинаса¹³ Деррида ставит вопрос об изначальной этике, этике *как* гостеприимстве: говорить «да» в ответ на «да» иного, который в каждый момент предшествует мне, «принимая мое лицо» [Ibid. P. 49]. В сердце этики как гостеприимства мы встречаем справедливость и закон. Очень важный момент, когда Деррида свидетельствует об опыте, в котором раскрывается абсолютное предшествование этики как справедливости: «Это опыт, который, как я уже узнал, я буду без конца открывать вместе с Эмманюэлем Левинасом [...] Каждый раз, когда я читаю и перечитываю Эмманюэля Левинаса, я ослеплен (*ébloui*) благодарностью и восхищением, ослеплен этой необходимостью, которая есть не принуждение, но в высшей степени нежная сила, которая обязывает и обязывает не искривлять по-другому пространство *мысли* в его уважении к иному, но сдаться этому гетерономному искривлению, которое вводит нас в отношение с совершенно иным (то есть справедливости, как он утверждает в одном мощном и потрясающем эллипсисе: *отношение с иным, это и есть справедливость*), согласно закону, который, следовательно, призывает сдаться перед иным бесконечным предшествованием совершенно иного» (курсив наш. – А. Ф.) [Derrida, 1997a. P. 22]. Как и всегда, в опыте все рождается единым, дается единым или же, как любят говорить французы, *tout se tient* (все держится).

Так вырисовывается «этико-юридическая» сфера. Анализ этой сферы предполагает поиск теоретической матрицы деконструктивизма Деррида. Мы синтезировали бы этот «матричный вопрос» с помощью ключевого понятия – декон-

¹³ Именно в этом ключе Деррида возвращается к прочтению трудов Левинаса, сразу после его кончины, начиная с «Totalité et infini», как «необъятного трактата о *гостеприимстве*» [Derrida, 1997a. P. 49]. Но в этой теме пересекаются разные традиции, пронизывающие западноевропейскую культуру: еврейская; средневековая; космополитическая и греческая античная традиция (ср.: [Derrida, 1997c; 1997d]). Контрапунктом к этим дискурсам о гостеприимстве является концепция врага Шмитта [Derrida, 1997a. P. 161, примеч. 1].

струировать / деконструкция (в глагольной и субстантивной формах). «Деконструировать» означает освободить место для иного, для приходящего, отсутствие желания «заранее закрыть границу» [Derrida, 1991. P. 68] приходу иного. Деконструкция является опытом невозможного, «опытом иного как иного» [Derrida, 1996. P. 23], утвердительным жестом, который не претендует на изречение, присвоение, объективирование события, иного, инаковости: «Не может быть грядущего как такового, если нет радикальной инаковости и уважения к ней» [Derrida, 1997b. P. 20]. Тем самым декларируется *этический и гиперфеноменологический характер* (прежде и в большей мере, нежели теоретический) деконструктивной практики. Как мы убедились, деконструкция парадоксальным образом принята и в то же время принимает: она принята, поскольку ей *предшествует*, ее пронизывает и совершает иной, которого она хотела бы принять, событие, неподвластное никакому перформативу; она принимает или отзывается, поскольку *вершит*, намеревается *вершить*, практиковать невозможное, иное, событие: «Возможно, существует, – не раз писал Деррида, – один-единственный перформатив, способный не нейтрализовать событие: “да”, согласие, безусловное принятие, которое осуществляется в “да” и не нейтрализует событие, так как в строгом смысле не принадлежит языку» [Facioni, 2014. P. 30]. Следовательно, речь идет не о том, чтобы выдвинуть теорию события, сообщить о событии и истине как событии «в порядке когнитивного разума», а о том, как «совершить истину»¹⁴, осуществить ее на практике, засвидетельствовать о ней: самым жестом деконструкции, самым действием письма. Деррида говорит: «Мне не ведомо ничего более справедливого, чем то, что сегодня я называю деконструкцией» [Derrida, 1994a. P. 46].

Деконструктивный подход возвращает постоянно Деррида к поставленному вопросу: «Что происходит сегодня?». Этот вопрос Деррида задает не из любви к осведомленности и не ради обличения дезориентированного поведения его современников, а чтобы нащупать красную нить, позволяющую интерпретировать личную историю как историю гражданскую и политическую. Эта нить изнутри сшивает «этическо-юридическую» сферу с «политическим».

Этика гостеприимства для Деррида является и генеалогией субъектности: *я должен быть изначально принят другим предваряющим (pre-veniente), дабы стать тем постоянно становящимся (di-veniente) субъектом, коим являюсь.* Предшествование иного показана Деррида в некоторых опытах, асимметричных и гетерогенных: «да», «подписи», «ответственности», «гостеприимства». Стоит рассмотреть эти опыты. «Да», «подпись», «ответ», «гостеприимство» всегда и прежде

¹⁴ Деррида заимствует выражение “совершить истину” (*veritatem facere*) у Августина Иппонийского. «Деконструкция философии не отказывается от истины. [...] Суть в том, чтобы помыслить иную связь с истиной» [Derrida, 1997b. P. 11].

всего исходят от иного. Этот иной вызывает субъекта, помещает его в определенное отношение и подвергает это отношение неизмеримости бесконечного: «Отношение с иным, то есть справедливость, согласно закону, который призывает сдаться перед иным бесконечным предшествованием совершенно иного» [Derrida, 1997a. P. 22]. Изнутри этого отношения мы должны бы восстанавливать и пояснять апорийный характер этого этического-юридического пути, его этапы также насыщены апорийными ситуациями: от отношений безусловного Закона с условными законами до отношений права со справедливостью, мысль Деррида разворачивается через апории самой справедливости в ее неразрешимости и в ее соотносительности с ответственностью. Деконструкция постоянно конфигурируется в новых апорийных ситуациях, и в виде апорийных ситуаций позволяет нам понять их, как на этическом, так и на юридическом уровнях, а также на политическом. Каждая из этих апорийных ситуаций, в которую погружается деконструкция, служит примером «единого апорийного потенциала, бесконечно приумножающегося» [Derrida, 1994a. P. 48].

Именно это измерение апорийного структурного взаимного проникновения «этического» и «юридического» ведет к иному осмыслению «политического», самой высшей формой которого, согласно Деррида, выступает «грядущая демократия». С одной стороны, этика и связанные с ней понятия («да», подпись, ответственность, гостеприимство и т. д.) есть призыв к свободе, с другой стороны, закон предполагает равенство. Тем самым провозглашается необходимость вновь начать игру, рассмотреть демократию как притязание удержать вместе эти несходные (и, возможно, противоположные) ценности, в качестве убежища вышеуказанных антиномных требований.

Уточнение методологии

Предваряя всякое серьезное исследование деконструктивизма, мы должны были бы заключить в скобки все наши стратегии присвоения (убеждения, предположения, предвзятые идеи) относительно объекта, в данном случае, философии Деррида, того деконструктивного способа, который является этикой предшествования иного в своем двойном генитиве. Ограничимся критикой позиции Р. Рорти, видевшего в деконструкции сведение философии к разновидности письма, письма, которое не характеризуется ни специфической формой, ни специфическим содержанием, но принадлежностью к определенной традиции гегелевского толка, противоположной другой философской традиции – кантовской. Философы-кантианцы стремятся аргументировать и достигать доказательства тезисов, а философы-гегельянцы (к их числу Рорти относит Деррида и Хайдеггера), напротив, ограничиваются деконструированием, т. е. сведением любой философии, в том числе

кантовской, к еще одной разновидности письма. Поэтому Рорти дисквалифицирует последних как «философов-паразитов» [Vergani, 2000. P. 182–183]. Рорти, как нам представляется, не уделил внимания специфике дерридианского «текстуализма», где отождествление на основе симпатии играет столь же значительную роль, как и отождествление на основе критики, как, например, в «Signéponge (Подписанопонж)».

Согласно деконструктивному подходу, методология исследования должна формироваться не умозрительно, а диктоваться объектом исследования. Объект предшествует всякому когнитивному движению «я», субъект должен позволить говорить / быть предшествующему ему объекту. Фундаментальный теоретико-методологический принцип исследования – практика текстуального подхода как деконструктивного способа, критического, но не уничтожающего, способного выявлять утраченную сложность, скрытую под упрощениями, которые рождаются в контексте истории мысли.

Говорить о *практике текстуального подхода как о деконструктивном способе* – значит проживать / осваивать / перечитывать / переписывать особым образом традицию, наследниками которой мы являемся, приводя к выявлению сложности во всей ее полноте.

Два вышеупомянутых принципа – практика текстуального подхода и способность выявлять сложность объекта – выражают, прежде всего, отношение, которое мы могли бы назвать «симпатией», в самом что ни на есть глубоком смысле этого понятия, а именно в этимологическом: *συμ-πάσχω* – испытывать симпатию, смотреть с симпатией, сочувствовать, вживаться во что-то (в тексты Ницше, Понжа, Паточки, Канта, Гуссерля, Хайдеггера, Левинаса, Платона, Аристотеля и др.). Другими словами, речь не о простом филологическом упражнении, а о точном деконструктивном способе, который одновременно является критическим и творческим.

Таким образом, методологические принципы исследования текстов Деррида предполагают специфическое их прочтение, в ходе которого ответы обнаруживаются в самих текстах без насильственной их интерпретации, позволяя самим доводам ограничить себя, раскрывая перспективы освобождения возможностей, заблокированных стратегией присвоения власти и идентификации без инаковости.

Список литературы / References

- Автономова Н. С.** Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с.
Avtonomova N. S. *Filosovskii yazyk Zhaka Derrida* [The Philosophical Language of Jacques Derrida]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.)

- Губман Б. Л.** Э. Левинас и Ж. Деррида: философская критика дискурса власти // *Философские науки*. 2016. № 9. С. 77–91.
- Gubman B. L.** E. Levinas i Zh. Derrida: filosofskaya kritika diskursa vlasti [E. Levinas and J. Derrida: Philosophical Criticism of the Discourse of Power]. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, 2016, no. 9, p. 77–91. (in Russ.)
- Фекондо А.** Деррида и феноменология. Критическое исследование работы «Голос и феномен» // *Вестник НГУ. Серия: Философия*. 2012. Т. 10, № 4. С. 161–167.
- Fecondo A.** Derrida i fenomenologiya. Kriticheskoe issledovanie raboty “Golos i fenomen” [Derrida and phenomenology. A critical study on «The voice and the phenomenon»]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2012, vol. 10, no. 4, p. 161–167. (in Russ.)
- Фекондо А.** Концепция интенциональности Деррида // *Вестник НГУ. Серия: Философия*. 2013. Т. 11, № 2. С. 149–159.
- Fecondo A.** Kontseptsiya intentsionalnosti Derrida [The concept of intentionality in Derrida]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 149–159. (in Russ.)
- Фекондо А.** Деррида: критика метафизики присутствия // *Сибирский философский журнал*. 2016. Т. 14, № 1. С. 266–279.
- Fecondo A.** Derrida: kritika metafiziki prisutsviya [Derrida: criticism of the metaphysics of presence]. *Siberian Philosophical Journal*, 2016, vol. 14, no. 1, p. 266–279. (in Russ.)
- Arendt H.** *Antologia. Pensiero, azione e critica nell’epoca dei totalitarismi*. Milano, Feltrinelli, 2006.
- Clément C.** *Le sauvage. L’Arc. Jacques Derrida*. 1973, no. 54, p. 1–3.
- Derrida J.** *De la grammatologie*. Paris, Minuit, 1967.
- Derrida J.** *Marges de la philosophie*. Paris, Minuit, 1972.
- Derrida J.** *L’Autre Cap. La démocratie ajourné*. Paris, Minuit, 1991.
- Derrida J.** *Spectres de Marx*. Paris, Galilée, 1993.
- Derrida J.** *Force de loi. Le “Fondement mystique de l’autorité”*. Paris, Galilée, 1994a.
- Derrida J.** *Politiques de l’amitié*. Paris, Galilée, 1994b.
- Derrida J.** *Écographies de la télévision*. J. Derrida, B. Stiegler (eds.). Paris, Galilée-INA, 1996.
- Derrida J.** *Adieu à Emmanuel Levinas*. Paris, Galilée, 1997a.
- Derrida J.** *Ho il gusto del segreto*. In: *Il gusto del segreto*. J. Derrida, M. Ferraris (eds.). Roma; Bari, Laterza, 1997b, p. 3–108.
- Derrida J.** *Cosmopolites de tous les pays, encore un effort!* Paris, Galilée, 1997c.
- Derrida J.** *Pas d’hospitalité. Cinquième séance (le 17 janvier 1996)*. In: *De l’hospitalité*. J. Derrida, A. Dufourmantelle (eds.). Paris, 1997d. P. 71–137.

- Derrida J.** De quoi demain... Dialogue. J. Derrida, E. Roudinesco (eds.). Paris, Fayard-Galilée, 2001.
- Derrida J.** Psyché. Invention de l'autre. Paris, Galilée, 2003a, vol. 2.
- Derrida J.** Voyous. Paris, Galilée, 2003b.
- Derrida J.** En composant "Circonfession". In : Derrida J., S. Augustin. Des Confessions. Paris, 2007, p. 45–61.
- Facioni S.** Derrida, Agostino e "il grande libro delle lacrime". In: L'intrico dell'io. Milano, 2014, p. 17–32.
- Kearney R.** Derrida's ethical re-turn. In: Kearney R. Working through Derrida. Evanston, 1993, p. 28–59.
- Levinas E.** Tout autrement. *L'Arc. Jacques Derrida*, 1973, no. 54, p. 33–37.
- Libertson J.** Proximity. Levinas, Blanchot, Bataille and Communication. The Hague, Nijhoff, 1982.
- Mazzarella E.** L'uomo che deve rimanere. La smoralizzazione del mondo. Macerata, Quodlibet, 2017.
- Peeters B.** Derrida. Paris, Flammarion, 2010.
- Petrosino S.** Introduzione. In: Derrida J. Addio a Emmanuel Levinas. Milano, 1998, p. 9–51.
- Petrosino S.** Prefazione. In: Derrida J. Donare la morte. Milano, 2002, p. 7–36.
- Vergani M.** Jacques Derrida. Milano, Mondadori Bruno, 2000.

*Материал поступил в редколлегию
Received
12.12.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Фекондо Альфредо, аспирант Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

A. Fecondo, Graduate student of the Institut of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

a.fecondo@gmail.com

УДК 13

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-171-179

Некоторые аспекты философии религии Фридриха Даниэля Эрнста Шлейермахера

В. Е. Луценко¹, **О. А. Реймер**²

¹ Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
Уссурийск, Россия

² Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Новокузнецк, Россия

Аннотация

Предпринята попытка детально рассмотреть некоторые аспекты религиозной философии немецкого философа, теолога и проповедника Фридриха Даниэля Эрнста Шлейермахера, которая интересна тем, что немецкий мыслитель не старался открыть что-то новое, а, анализируя мысли других философов, приводил их в свою систему, тем самым проявляя свою индивидуальность.

Ключевые слова

философские системы, религиозные представления, закон природы и нравственности, высшее благо, индивидуальность, нравственные качества, Абсолют

Для цитирования

Луценко В. Е., Реймер О. А. Некоторые аспекты философии религии Фридриха Даниэля Эрнста Шлейермахера // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 171–179. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-171-179

Some aspects of the Philosophy of Religion of Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher

V. E. Lutsenko¹, **O. A. Reimer**²

¹ Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ussuriisk, Russian Federation

² Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service
Novokuznetsk, Russian Federation

Abstract

The paper attempts to examine in more detail some aspects of the religious philosophy of the German philosopher, theologian and preacher Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, which is interesting in that the

© В. Е. Луценко, О. А. Реймер, 2020

German thinker did not try to discover something new, but analyzing the thoughts of other philosophers, brought them into his system, thereby showing his personality.

Keywords

philosophical systems, religious ideas, the law of nature and morality, the highest good, individuality, moral qualities, the Absolute

For citation

Lutsenko V. E., Reimer O. A. Some aspects of the Philosophy of Religion of Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 171–179. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-171-179

Труды немецкого философа, теолога Фридриха Даниэля Эрнеста Шлейермахера всегда привлекали внимание как зарубежных, так и отечественных философов особенно в области религиозной философии, так как философия религии в мировоззрении мыслителя имеет первенствующее значение. Шлейермахер был одним из самых влиятельных теологов своего времени. Его философия интересна тем, что он не столько открывает что-то новое, сколько критикует мысли других философов, приводя их в свою систему. Соединяя самые разнообразные идеи, философ тем самым проявлял свою индивидуальность. В связи с этим представляется интересным осуществить анализ некоторых аспектов философии религии Шлейермахера, представить его идеи и определить их значение на развитие будущей философской мысли.

В философии Шлейермахера встречаются друг с другом самые различные философские системы. Наряду с кантовскими, фихтеанскими, шеллинговскими мыслями, можно встретить платоновские, Спинозовские и Лейбницовские идеи. Шлейермахер – эклектик, однако, такой, который, соединяя самые разнообразные идеи, умел проявить свою особенность. «Несмотря на частые приближения к прежним и современным философам, его учение не есть собрание несоответствующих друг другу мыслей, но походит на растение, которое по-своему обрабатывает и приспособливает себе питательные вещества, добываемые из минерального царства» [Фалькенберг, 1894. С. 418].

Из всех используемых им воззрений не было ни одного, которое бы всецело его интересовало, но не было и ни одного, которое его отталкивало. Каждое из них заключало в себе определенную информацию, которая, по его мнению, заслуживала быть принятой. Там, где Шлейермахер видел резкое различие мнений, он старался из этих двух противоположностей образовать нечто целое, хотя, может, и не всегда удачно.

Прежде всего, хочется отметить богословские труды этого разностороннего немецкого мыслителя, а также его переводы Платона (1804–1828) и целый ряд основательных статей о греческих мыслителях.

Обращаясь к диалектике, Шлейермахер выделяет в ней то, что она утверждает в своей трансцендентальной и формальной (или технической) части: знание – есть

мышление. Чем же тогда отличается у него то мышление, которое мы называем знанием, от всякого другого мышления, т. е. от мнения? Шлейермахер называет их органической и интеллектуальной функциями. Органическая деятельность чувств доставляет нам беспорядочный, разнообразный материал в форме ощущений, который с помощью разума получает форму и единство. Но не во всяком акте познания чувства и разум участвуют равномерно. Там, где есть перевес в сторону органической деятельности, мы имеем восприятие, где перевес в сторону интеллектуальной деятельности – там мышление. Полным равновесием между ними была бы интуиция, которая, однако, представляет всегда только цель познания, всецело никогда не достижимую. Таким образом, оба рода знания отличаются не по существу, а только относительно: при каждом восприятии действует разум, при каждом мышлении – чувство, но только в меньшей степени, чем противоположная функция. Далее восприятие и мышление (чувственность и разум) ни в коем случае не должны касаться различных объектов. Они имеют один объект, только органическая деятельность представляет его неопределенно хаотическим разнообразием; напротив, деятельность разума (задача которого состоит в распознавании и соединении) представляет его хорошо расчлененной множественностью и единством [Фалькенберг, 1894. С. 420]. Одно и то же бытие в восприятии представляется как «образ», в мышлении – как «понятие». Противопоставляя бытие двум факторам мышления, Шлейермахер выделяет реальное и идеальное бытие. Реальное – это то, что соответствует органической функции, идеальное – деятельности разума. И эти формы бытия хотя и противоположны, но в то же время и тождественны. Что мышление и бытие тождественны, тому есть доказательства в нашем самосознании; в самосознании, как в мыслящем бытии, нам непосредственно дано тождество реального и идеального, бытия и мышления. Как наше «я», в котором мыслящее и мыслимое одно и то же, является единственной причиной своих отдельных действий, так Бог есть первоначальное единство, которое лежит в основании целостности мира. Абсолютное подобно тому, что у Шеллинга описывается как нечто возвышающееся над противоречием реального и идеального, даже над всеми противоречиями; оно – само себе равное единство. Бог есть отсутствие противоположностей, а мир – их цельность. Нам же людям, как существам, которые никогда не смогут возвыситься над противоположностью чувственного и интеллектуального в познании, в этом отказано.

Шлейермахер говорит, что все популярные представления о Боге не могут выдержать критики, если применить к ним принцип тождества. Бог не имеет множества качеств, которые ему приписываются, они возникают только в религиозном сознании, в котором Его неограниченная и неделимая деятельность отражается по-разному. Эти качества – есть различные рефлексии, которые возникают в душе каждого созерцающего его человека. Рассуждая о трансцендентности Бога, Шлейермахер без особых доказательств становится на сторону пантеизма. «Бог никогда

не был без мира. Он не существовал ни раньше, ни вне мира, мы познаем его только внутри себя и в вещах. Кроме того, что Бог действительно творит, Он ничего другого творить не мог бы, а также Он никогда не нарушает путем чудес правильно установленного природой мирового движения. Все происходит в силу необходимости, и человек не отличается от других существ ни свободой воли, ни вечным существованием. Как все отдельные существа, так и мы – только временные состояния в жизни вселенной; и, как они произошли, так должны и исчезнуть» [Шлейермахер, 1911. С. 114]. Истинное бессмертие, указываемое религией, по мнению философа, состоит в том, чтобы «среди конечного соединиться в одно с бесконечным и в каждое мгновение быть вечным» [Там же. С. 117].

С этим взглядом на отношения Бога и мира вполне согласуется жизнерадостность Шлейермахера. Если вселенная – есть проявление Божьей деятельности, то она рассматривается как нечто целое, совершенное, а то, что мы в ней встречаем несовершенного, является неотвратимым последствием конечности. Этот мир – лучший из возможных: все стоит на своем месте, даже самое малое необходимо, даже на ошибки людей надо смотреть с уважением. Все хорошо и Божественно (см.: [Там же. С. 203]). Таким образом, Шлейермахер соединяет воззрения Спинозы с идеями Лейбница. От первого он заимствует пантеизм, от второго – оптимизм и понятие индивидуальности. С обоими он разделяет детерминизм: все явления, даже решения нашей воли, подлежат закону необходимости.

В философии религии Шлейермахер сделал эпоху тем, что отделил религию от родственных ей областей, с которыми она и до и после него была отождествлена. Философ утверждал, что религия в своем происхождении и существе не является делом познания или воли, но является делом сердца. Она совершенно выходит за пределы теории и практики, не совпадает ни с метафизикой, ни с моралью. Она – не знание, не воля, а третья среднее между ними. Она имеет свое место в душе, где она господствует неограниченно. Ее сущность заключается в чувстве, в котором человеку открывается присутствие бесконечного. Абсолютное, которое человек только предполагает, но которого не достигает, дается только в чувстве, как относительном тождестве и общей основе знания и воли. Шлейермахер представляет религию как благочестие. Когда к благочестивому настроению души присоединяются известные религиозные представления и действия, то они не составляют существенной принадлежности религии, они – то, чему можно придавать религиозное значение лишь в определенной мере, поскольку оно непосредственно проистекает из благочестия и производит на него влияние. То, что делает любой акт религиозным, есть всегда чувство, как точка безразличия между знанием и действием, между воспринимаемым нами и истекающей из нас деятельностью, как центр (скрещение) всех сокровищ души, как истинный очаг нашей личности. И как чувствование – есть центр душевной жизни, так, в свою очередь, религиозное чувство – есть корень всякого истинного чувства.

По мнению мыслителя, подобно искусству, религия – есть непосредственное понимание целого. В Боге и пред Богом исчезают всякие частности, религиозный человек видит во всем единичном всегда одно и то же, представляет все явления природы действиями одного Бога, видит его во всем и все в Нем, чувствует себя за одно с вечностью. Смотри на все бытие в нас самих и вне нас, как происходящее из основ мира, мы чувствуем себя зависимыми от Божественной причинности. Подобно всему конечному, мы сами являемся действием абсолютной силы. В то время как мы находимся во взаимодействии и с отдельными частями мира, и в то время как по отношению к этим частям мы чувствуем себя отчасти свободными, со стороны Бога мы можем только подвергаться влиянию, сами его не оказывая, даже нашу самодеятельность мы получаем от Него. Между тем чувство зависимости не должно быть подавляющим, только смиряющим, но должно быть полным наслаждения сознанием возвышения и расширения жизни. Отдаваясь Вселенной, мы живем ее жизнью [Пылаев, Морозова, 1915. С. 59]. Прибегая к бесконечному, мы дополняем свою конечность: религия компенсирует скудность человека, ставя его в сравнение с Абсолютом и научая его осознавать и чувствовать себя частью целого.

Заслуга Шлейермахера состоит в том, что он указал религии особое место. В то время как Кант смотрел на религию как на добавление к морали, а Гегель рассматривал ее как неразвитую еще форму знания. Шлейермахер признавал, что религия не побочное явление нравственности, а нечто самостоятельное, параллельное, равноправное воле и знанию. Кто ставит религию наравне с благочестием, тот не может отрицать, что в существе, способном в одно время к знанию и воле, это благочестивое настроение будет иметь последствия и в области действия. Что касается культа, то Шлейермахер считает всякое религиозное действие, проистекающее не из собственного чувства и не отзывающееся в нем, суеверным, требует, чтобы религиозное чувство сопровождало всякий поступок человека, чтобы все совершалось религией и чтобы религия не обращалась больше ни во что. Вместо того чтобы выражаться только в специально-религиозных действиях, религиозное чувство должно равномерно иметь место всю жизнь. Догматы же происходят от человеческих размышлений о религиозных чувствах. Человек пытается истолковать их и выражает в представлениях и словах. Понятия и основные положения богословия имеют значение лишь постольку, поскольку они обозначают и представляют чувства, но они не суть знания. Научное знание – это лишь оболочка, которую религия снисходительно допускает. Тот, кто смотрит на религиозное учение как на науку, впадает в пустую мифологию. Основы веры и знания не находятся друг с другом ни в каком отношении: ни в противоречии, ни в согласии. Они друг друга совершенно не касаются. Из догматов церковь формирует символические положения. Может быть, когда-нибудь религия не будет нуждаться в церкви. По мнению философа, чем человек религиознее, тем он более должен держаться вдали

от церкви, и образованный человек должен «побороть» церковь, чтобы содействовать религии. Так называемая «естественная религия» – это не что иное, как отвлеченные мысли [Фалькенберг, 1894. С. 422].

В развитии религии Шлейермахер выделяет три ступени. По мере того как мир представляется: или как беспорядочное единство (хаос), или как неопределенное разнообразие сил и элементов (множество без всякого единства), или как раздробленное множество, управляемое единством (система): фетишизм с фатализмом, политеизм, монотеизм (включая сюда и пантеизм). Из религиозных учений третьей ступени, ислам устроен физически, или эстетически, а иудейство и христианство – этически, или теологически. Самая совершенная религия – христианская, потому что она, вместо еврейской идеи о возмездии, указывает на центральное положение таких понятий, как «искупление» и «примирение», т. е. тому, что в религии наиболее существенно [Там же. С. 423].

Как для философии религии, так и для этики Шлейермахера важным является понятие *индивидуальности*. Как и всякое отдельное существо, человек есть сокращенное концентрированное изображение вселенной. Он содержит в себе все, и хотя содержит в неразвитом зачаточном виде, ожидающем развития во временной жизни, но в то же время в особенной, нигде в другом месте так не встречающейся формы [Там же. С. 424]. Отсюда вытекает двойная нравственная задача. Индивидуум должен пробудить в себе бесконечное обилие того содержания, которым он владеет как спящими задатками, должен гармонично развивать свои способности. Он должен чувствовать себя не обыкновенным представителем своего рода, а особенным, и вследствие этого, важным выражением абсолютного, таким важным, что при его отсутствии в мире будут значительные проблемы. Замечательно то, что большинство тех мыслителей, в том числе и Шлейермахер, которые заступались за значение индивидуальности, гораздо меньше значения придавали микроскопической природе индивидуума и разностороннему развитию способностей, чем развитию его отличительных способностей. Однако Шлейермахер постепенно оставил первоначально защищаемую им крайность индивидуализма.

В «Учении о нравственности» Шлейермахер снова выводит почти забытое понятие блага. Три точки зрения, с которых должно рассматривать этику и из которых каждая представляет себе сферу нравственного особенным образом – благо, добродетель, долг, – относятся между собой, как результат, сила и закон движения. Все, что получено от действия разума на природу, соединения его с ней, называется *благом*. Все соединения вместе есть *высшее благо*. Исходя из того, используешь ли разум как орудие (когда он формирует) или как знак (когда он познает), его действие бывает или образующим, или символизирующим; далее, действие это бывает или общим, или единичным. На пересечении этих различий тождественного и индивидуального «организирования» и «символизирования» основывается учение о благе [Орнатский, 1884. С. 195].

Шлейермахер выделяет пять нравственных союзов, из которых каждый изображает органичное соединение противоположностей: начальство и подчиненный, хозяин и гость, учитель и ученики, ученый и публика, духовные и миряне, имеют в своей основе семью и национальное единство. Добродетель (индивидуальное соединение разума и чувственности) бывает или познающей, или изображающей. Из этих соображений философ выводит основные добродетели: мудрость, любовь, рассудительность, постоянство. Разделение обязанностей на обязанности права, любви, признания и совести основано на противоположности образования союза и присоединения к нему, из которого каждое может быть общим или индивидуальным. Долг есть идея добра в повелительной форме. В любую минуту следует действовать со всей нравственной силой, стремясь исполнить все нравственные задачи, другими словами – действовать со всеми нравственными качествами. В этом требовании заключается двойной смысл: поступай всегда, во-первых, так, как тебя побуждает твое внутреннее чувство, и, во-вторых, так, как это требуется от тебя извне.

В заключение хочется выделить одну основную мысль, отдельно рассматриваемую философом: резкое противопоставление между законами природы и нравственности, как это выставляет Кант, неосновательно, так как закон нравственности сам по себе есть закон природы, а именно – разумной воли. Закон нравственности – это не одно долженствование, также и закон природы – это не одно лишь бытие и одна безусловная необходимость. Так как, с одной стороны, этика рассматривает закон, которому человеческие поступки действительно следуют, а с другой стороны, и в природе есть отступления от предписания. Безнравственность, неполное господство разумной воли над чувственными порывами, также она имеет место в ненормальностях (уродствах, болезнях) природы, которые показывают, что и здесь высшим (органическим) началам не совсем удастся господство над низшими процессами. Всюду высший закон претерпевает вмешательства со стороны низших сил. При проведении этой параллели действует детерминизм Шлейермахера, который совершенно упускает из виду существенную разницу обоих законов [Фалькенберг, 1894. С. 427].

Не без оснований можно утверждать, что философия Шлейермахера носит эклектический характер: в области гносеологии он примыкал к Канту, симпатизируя вместе с тем Спинозе, не любил вторжение метафизики в религию и одновременно был откровенным романтическим мистиком, короче – сочетал несочетаемое. Своеобразие философских взглядов Шлейермахера заключается в попытке сохранить уникальность религии как таковой, используя потенциал современной ему философии [Пылаев, Морозова, 1915. С. 67]. Его догматика ассимилирует достижения современных ему мыслителей, при этом сохраняет неповторимый облик христианского вероучения.

Очевидно одно – огромное влияние Шлейермахера на современников. Обусловлено оно было самобытностью и нравственной силой личности немецкого мыслителя, а также его выдающимся талантом.

Список литературы / References

- Орнатский Ф. С.** Учение Шлейермахера о религии. Киев, 1884. 221с.
Ornatskii F. S. Uchenie Shleiermakhera o religii [Schleiermacher teaching on religion]. Kiev, 1884. (in Russ.)
- Пылаев М. А., Морозова Е. С.** Философская теология Ф. Шлейермахера // Вестник ПСТГУ. Серия: Богословие. Философия. 2015. № 1 (57). С. 56–68.
Pylaev M. A., Morozova E. S. Filosofskaya teologiya F. Shleiermakhera [Philosophical theology of F. Schleiermacher]. *Bulletin of PSTSU. Series: Theology. Philosophy*, 2015. no 1 (57), p. 56–68. (in Russ.)
- Фалькенберг Р.** История новой философии (от Николая Кузанского до нашего времени). СПб.: Изд-во И. Н. Скороходова, 1894, 588 с.
Falckenberg R. Istoriya novoi filosofii (ot Nikolaya Kuzanskogo do nashego vremeni) [History of the new philosophy (from Nikolai Kuzansky to our time)]. St. Petersburg, Publ. I. N. Skorohodov, 1894. (in Russ.)
- Шлейермахер Д.** Речи о религии. Монологи / Пер. с нем. С. Л. Франк. М.: Русская мысль, 1911. 390 с.
Schleiermacher D. Rechi o religii. Monologi [Speech on religion. Monologues]. Moscow, Russian Thought Publ., 1911. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

22.01.2020

Сведения об авторах / Information about Authors

Луценко Виктория Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России (ул. Охотничья, 1А, Уссурийск, 692500, Россия)

Victoria E. Lutsenko, Candidate of Philosophy, associate professor department of special disciplines, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry

of Internal Affairs of Russia (1A Okhotnichya Str., Ussuriysk, 692500, Russian Federation)

vika_04@bk.ru

Реймер Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин Кузбасского института ФСИН России (пр. Октябрьский, 49, Новокузнецк, 654066, Россия)

Olga A. Reimer, Candidate of Philology, associate professor, honorary worker of higher professional education, associate professor of the department of humanities, social, economic and natural sciences of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation)

rejmer@mail.ru

УДК 165.4

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-180-194

Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма

Открытая лекция: Существует ли внешний мир?

Часть I. Решение или устранение проблемы скептицизма *

И. Е. Прись

*Институт философии НАН Беларуси
Минск, Беларусь*

Аннотация

Мы рассматриваем новые современные подходы к решению или устранению проблемы скептицизма относительно существования внешнего мира – дисджанктивизм, байскопический подход Д. Притчарда и «сначала-знание» подход Т. Уильямсона. В частности, мы утверждаем, что решение скептической проблемы в рамках эпистемологического дисджанктивизма сопряжено с рядом трудностей потому, что этот подход не принимает во внимание понятие петлевого предложения Л. Витгенштейна. На наш взгляд, успешный подход к решению скептической проблемы требует пересмотра метафизических предпосылок традиционной эпистемологии, а именно принятия неметафизического витгенштейновского реализма. Предложенное Д. Притчардом в рамках «байскопического» подхода устранение скептической проблемы как псевдопроблемы опирается на сочетание того, о чем говорят эпистемологический дисджанктивизм и эпистемология позднего Л. Витгенштейна.

Ключевые слова

скептицизм, осевые предложения, эпистемологический дисджанктивизм, байскопический подход, сначала-знание эпистемология, контекстуальный реализм

Благодарности

Я благодарен директору Института философии и права НГУ профессору Владимиру Серафимовичу Диеву, а также заведующему кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Никите Владимировичу Головки и, конечно, руководству университета и Программе 5-100 НГУ за приглашение, за предоставленную возможность поработать вместе с вами здесь в Сибири, в Новосибирском государственном университете.

* Открытая лекция «Существует ли внешний мир? О некоторых новых подходах к проблеме картезианского скептицизма» была прочитана в Новосибирском государственном университете 11 декабря 2019 года в рамках Программы приглашения иностранных специалистов по Проекту 5-100. Это первая часть лекции.

Для цитирования

Прись И. Е. Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Часть I. Решение или устранение проблемы скептицизма // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 180–194. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-180-194

Contemporary Approaches to the Problem of Cartesian Skepticism Open Lecture: Does the External World Exist? Part I. Solving or Dissolving the Skeptical Problem *

I. E. Pris

*Institute of Philosophy of NAS of Belarus
Minsk, Belarus*

Abstract

We consider some new contemporary approaches to solving or dissolving the problem of skepticism regarding the existence of the external world, in particular, disjunctivism, Duncan Pritchard's bispoc approach and Timothy Williamson's knowledge first approach. We argue that resolving the skeptical problem within the framework of epistemological disjunctivism is problematic because it does not take into account the Wittgenstein's notion of a hinge proposition. In fact, a successful approach to the skeptical problem requires a revision of the metaphysical premises of traditional epistemology, namely the adoption of a non-metaphysical Wittgenstein's realism. The recently proposed by D. Pritchard within the framework of his "bispoc" approach dissolving of the skeptical problem as a pseudo-problem just combines Wittgenstein's hinge epistemology and epistemological disjunctivism.

Keywords

skepticism, hinge propositions, epistemological disjunctivism, bispoc approach, knowledge first epistemology, contextual realism

Acknowledgements

I would like to thank Professor Dr. Vladimir Serafimovich Diev, the Director of the Institute for the Philosophy and Law of NSU, and Dr. Nikita Vladimirovich Golovko, the Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, as well as the university officials of the Project 5-100 initiative, for the invitation and the opportunity to work together here in Siberia, at Novosibirsk State University.

For citation

Pris I. E. Contemporary Approaches to the Problem of Cartesian Skepticism. Open Lecture: Does the External World Exist? Part I. Solving or Dissolving the Skeptical Problem. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 180–194. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-180-194

* The open lecture "Does the external world exist? (On some new approaches to the problem of Cartesian skepticism)" was held at Novosibirsk State University on December 11, 2019 under the Program of Foreign Specialists Invitation under the Project 5-100 initiative. This is the first part of the lecture.

Введение

Существует ли нечто по ту сторону нашего сознания, наших представлений, мыслей, смысла? Существует ли «внешний мир» – «объективная реальность»? В отличие от умеренного (здорового) скептицизма, который просто напоминает нам, что наше знание не абсолютно достоверно, ошибка всегда возможна, картезианский радикальный скептицизм утверждает, что мы ничего не знаем, не можем знать и даже не можем иметь рационально обоснованных мнений о внешнем мире. Например, утверждает скептик, я не знаю, не могу знать и не могу иметь обоснованного мнения, что у меня две руки. Быть может, как говорит в *Размышлениях* Декарт, мы «спим и все эти частности – открывание глаз, движения головой, протягивание рук – не являются подлинными, и вдобавок, быть может, у нас и нет таких рук и всего этого тела». Говоря современным языком, быть может, я мозг-в-баке, манипулируемый сумасшедшим ученым¹. Радикальный скептицизм тесно связан с идеализмом, а также с релятивизмом и нигилизмом: если мы считаем, что ничего не знаем и не можем знать, мы будем толерантны к любой точке зрения, любой «истине»; если нет ничего достоверного, жизнь теряет всякий смысл. Умеренный (локальный) скептик не принимает инфантилизм, т. е. допускает, что теоретически он может быть мозгом-в-баке, но утверждает, что это удаленная возможность. Поэтому он знает, что он не мозг-в-баке. Но у радикального скептика есть свои ресурсы, аргументы и, в частности, принцип замкнутости знания и принцип недоопределенности рациональных оснований (или очевидности)². Об использовании скептиком этих двух принципов мы будем говорить ниже.

В первой части лекции мы проследим эволюцию современных подходов к проблеме картезианского скептицизма и выявим их достоинства и недостатки. В частности, мы рассмотрим фаундалистский подход Дж. Мура, неомуровский экстерналистский подход, а также три новых подхода: эпистемологический дисджанктивизм и байскопический подход Д. Притчарда и «сначала-знание» подход Т. Уильямсона. Мы покажем необходимость обращения к эпистемологии петлевых предложений Витгенштейна и терапевтическому методу анализа и устранения ложной метафизики. Петлевые предложения мы будем интерпретировать в рамках неметафизической реалистической позиции как укорененные в реальности (языковых играх и формах жизни) витгенштейновские правила. Мы сделаем вывод, что успешный подход к решению скептической проблемы требует пересмотра

¹ Мысленный эксперимент «мозг-в-баке» предложил Хилари Патнэм.

² Гения Шёнбаумсфелд делает различие между недавним мозгом-в-баке (это случай локального скептицизма), пожизненным мозгом-в-баке и «ничего, кроме мозга-в-баке». Последний случай является наиболее радикальным.

метафизических предпосылок традиционной эпистемологии, а именно принятия витгенштейновского неметафизического (контекстуального) реализма. «Байскопический» подход устранения скептической проблемы как псевдопроблемы, комбинирующий эпистемологический дисджанктивизм и петлевую эпистемологию Л. Витгенштейна, представляет собой движение в этом направлении.

Муровский и неомуровский антискептицизм

Эпистемологический фаундализм

Эпистемологический фаундализм пытается найти достоверный эпистемологический фундамент для своих убеждений (мнений, знания) – самоочевидные убеждения, – на котором он строит всё знание. Декарт к такому фундаментальному самоочевидному убеждению относит убеждение «Я мыслю», которое, на самом деле, является убеждением теоретическим. Из него он выводит знание «Я есть (существую)». У Джорджа Мура – философа первой половины XX в. – роль фундамента (и этим он отличается от Декарта) играют некоторые обыденные убеждения, обладающие оптимальной (позитивной) эпистемической достоверностью – он называет их «очевидными трюизмами», или «достоверностями обыденного смысла» – типа «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» и другие. Для обоих философов эпистемическая рациональная оценка может быть глобальной и, в частности, тезис о существовании внешнего мира может быть рационально обоснован.

Мур полагает, что он знает, что у него две руки (в частности, потому, что он может видеть, что у него две руки)³. И поскольку он это знает, две его руки существуют как объекты внешнего мира, и внешний мир существует. Следовательно, он знает, что внешний мир существует. Аргумент Мура неявно использует принцип замкнутости знания и логическое правило *modus ponens*: если я знаю, что *A*, и из *A* логически (априори) вывожу, что *B*, то есть знаю, что *B* следует из *A* (логический вывод должен быть возможен), то я приобретаю знание, что *B*.

На самом деле, как мы утверждаем, здесь имеет место не просто логический вывод, а вывод при дополнительном метафизическом предположении о том, что понятие внешнего мира и, соответственно, дуализм субъекта и объекта, чистая

³ Для Мура убеждение «У меня две руки» является оптимальной рациональной эпистемической достоверностью. Различие между этим убеждением и, например, убеждением «Бородинское сражение состоялось в 1812 году» лишь в степени достоверности. С точки зрения нашей интерпретации позднего Витгенштейна, это различие категоричное: если первое предложение (в широком смысле) логическое, представляет собой формулировку нормы, то второе – эпистемическое (эмпирическое). При этом статус предложения может меняться.

субъективность, имеют смысл. Как отмечает французский философ Жослен Бенуа, взгляд на субъективность как на некоторую замкнутую в себе сущность – побочный продукт эпистемологии модерна.

Антискептическая позиция Мура vs догматический скептицизм

Скептик приводит контраргумент, используя логическое правило *modus tollens*. Он исходит из утверждения, что он не может (по крайней мере, рационально в смысле рефлексивной доступности эксплицитных рациональных оснований) знать, что внешний мир существует. И опять же, используя тот же самый принцип замкнутости знания (и правило *modus tollens*), он утверждает, что он не может знать, что у него две руки. Этот аргумент скептика имеет такую же силу и те же недостатки, что и антискептический аргумент Мура.

Принцип замкнутости знания в рассуждениях и скептика, и Мура следует понимать как принцип для рационального (в смысле рефлексивно обоснованного) знания. С точки зрения Мура, я рационально знаю, что внешний мир существует. Таким образом, применяя принцип замкнутости знания, оба догматических аргумента – и антискептический, и скептический – приводят к неприемлемым выводам: первый – к выводу о возможности рационального знания о существовании внешнего мира, второй – о невозможности познания обыденных истин вида «У меня две руки»⁴.

Неомуровский экстерналистский подход

Неомуровский экстерналистский антискептический аргумент Дункана Притчарда сохраняет принцип замкнутости знания для экстерналистски обоснованного знания, понятого как безопасное (*safe*) истинное мнение. Согласно этой точке зрения, я знаю, что я существую (что я не мозг-в-баке), поскольку мое истинное мнение, что я существую, безопасно, т. е. не могло бы с легкостью оказаться ложным – в ближайших возможных мирах я не мозг-в-баке. В то же время, согласно этой теории, у меня нет доступа к рациональному основанию для моего знания. Поэтому рационально (в смысле интерналистской рефлексивной рациональности) я не знаю, что внешний мир существует.

⁴ По этой причине некоторые авторы отвергают принцип замкнутости знания. На первый взгляд принцип замкнутости знания также входит в противоречие с принципом восприимчивости (*sensitivity*), утверждающим, что *S* знает что *p* только если выполнено следующее условие: если бы *p* было ложным, то *S* не был бы убежден что *p*. Я знаю, что передо мною компьютер (компьютер существует), так как если бы это было не так, я бы не верил, что он передо мною. Если принять принцип замкнутости знания, я должен знать, что я не мозг-в-баке. Но согласно принципу восприимчивости я не могу это знать. Если бы я был мозгом-в-баке, я продолжал бы верить, что передо мною компьютер и что я не мозг-в-баке.

Понятие интерналистски обоснованного знания существенно для рассмотрения скептического парадокса. В самом деле, парадокс возникает именно потому, что предполагается, что и у меня, и у мозга-в-баке одни и те же рациональные основания верить, что окружающие предметы и внешний мир в целом существуют. Майкл Уильямс отвергает экстерналистские решения скептической проблемы на том основании, что они содержат логический круг, т. е. изначально предполагают, что мы живем в более или менее нормальном мире, и объясняют, каким образом при этом условии возможно знание.

Новые подходы к решению скептической проблемы

Эпистемологический дисджанктивизм

Д. Притчард предложил интерналистское неомуровское решение скептической проблемы в рамках эпистемологического дисджанктивизма. Эпистемологический дисджанктивизм (ЭД) – это тезис, утверждающий, что в парадигматическом случае визуального восприятия я знаю, что p , в сильном интерналистском смысле, потому что мое истинное мнение, что p , имеет доступное рефлексии фактивное рациональное основание «Я вижу, что p ». В данном случае, допускается существование доступных рефлексии фактивных рациональных оснований, т. е. оснований, из которых логически вытекает наличие факта.

С точки зрения ЭД мозг-в-баке не знает, что у него две руки, хотя ему кажется, что у него две руки. У меня же есть доступное рефлексии фактивное основание для моего истинного мнения: «Я вижу, что у меня две руки». Поэтому я знаю, что у меня две руки. Таким образом, структура рациональности, очевидность у меня и у мозга-в-баке оказывается разной. К тому же, как недавно показал Притчард, в нескептическом сценарии фактивное основание одновременно является нормативным, мотивационным и объяснительным, тогда как для мозга-в-баке – только мотивационным. Таким образом, на первый взгляд в рамках ЭД скептическая проблема для обыденных случаев решается удовлетворительно (проблема недоопределенности рациональных оснований не возникает).

В то же время комбинация ЭД с принципом замкнутости знания приводит к интуитивно неправдоподобной возможности рационального знания о существовании внешнего мира. Это интерналистское решение проблемы радикального скептицизма, в рамках которого оказывается возможной глобальная эпистемическая оценка мнений субъекта (так же, как у Декарта и у Мура).

Сначала-знание эпистемология

Радикально экстерналистская сначала-знание эпистемология (СЗЭ) Тимоти Уильямсона имеет сходства с дисджанктивизмами – современными версиями на-

ивного реализма. С точки зрения СЗЭ очевидность есть знание (и наоборот), но рациональность, основанная на очевидности, не всегда операциональна: мы не всегда знаем, что мы знаем, не всегда можем гарантировать, что мы поступаем рационально. В частности, не существует универсальной очевидности для решения скептической проблемы. Очевидность, которой располагает мозг-в-баке, значительно более бедная, чем та, которой располагаем мы (хотя мозг-в-баке об этом и не знает), поскольку мы знаем, что окружающие нас предметы реально существуют. Другими словами, мнения и убеждения, которые формируются мозгом-в-баке, – неуспешные. Это экстерналистское решение скептической проблемы.

Традиционная интерналистская эпистемология предполагала «чистоту» ментальных состояний. Поэтому знание никогда не рассматривалось как ментальное состояние. На самом деле, зависимость от внешней среды не недостаток, а сама суть ментального. Для Уильямсона сознание не «внутренний мир», характеризующийся пучком монадических свойств, а «сеть отношений между агентом и средой»; оно включает в себя мир, а знание и действие – наиболее полное выражение сознания. В рамках контекстуального реализма Бенуа сознание (так же, как и мысль, смысл, концепты), если это подлинное сознание (нормы, концепты, смысл и т. д.), укоренено в реальности.

О знании и сознании, которое его сопровождает (знание – ментальное состояние), можно говорить в терминах языковых игр Витгенштейна, которые суть употребления правил / норм в контексте для измерения реальности. «Сеть отношений между агентом и средой» есть языковая игра. Для Витгенштейна «понятие знания сопряжено с понятием языковой игры». Языковые игры имеют смысл лишь в рамках формы жизни. Правила языковых игр относятся к грамматике формы жизни. Наиболее общие грамматические предложения Витгенштейн называет петлевыми предложениями (ПП).

Мозг-в-баке, лишенный каких-либо связей с реальностью, не может иметь сознания, ментальности, не может мыслить, формировать мнения (во всяком случае, его сознание будет очень бедным).

Петлевые предложения Витгенштейна

Вернемся теперь к позиции Мура, согласно которой предложение «У меня две руки» самоочевидное. Витгенштейн заметил, что наиболее достоверное убеждение не может иметь обоснование, так как обоснование не может быть менее достоверным. «Ведь то, что у меня две руки, столь же несомненно до того, как я на них взгляну, сколь и после». Для Витгенштейна, предложения «У меня две руки», «Это рука», «Земля существовала задолго до моего рождения» могут иметь (в широком смысле) логическую («грамматическую») достоверность нашей формы жизни. Нет

смысла говорить о том, что они истинны или ложны, что мы их знаем или нет. Такие предложения (достоверности, убеждения) предполагаются в процессе познания, мышления, употребления языка. Они предполагаются логикой нашей рациональности. В *О достоверности* Витгенштейн назвал их петлевыми предложениями (нем. “Angeln”, англ. “hinge”): «Вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]... то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований» (§ 341–342).

Скептик сомневается, не имея на это никаких оснований. Более того, он и не может иметь никаких оснований для своего сомнения, так как его сомнение глобально. «Попытавшийся усомниться во всем не дошел бы до сомнения в чем-то. Игра в сомнение уже предполагает уверенность» (§ 115). По этой причине позиция скептика и сама постановка скептической проблемы бессмысленны. Таково «минимальное прочтение» Витгенштейна.

В рамках аналитической эпистемологии существует много разных интерпретаций петлевых предложений Витгенштейна. Можно ли, как говорит Витгенштейн, «услышать все голоса и воссоединить их друг с другом». С нашей точки зрения, понятие ПП требует анализа в контексте всей философии позднего Витгенштейна и, в частности, принятия во внимание таких понятий, как «форма жизни», «языковая игра», «грамматика формы жизни», «правило», проблемы применения правила. Мы интерпретировали ПП как (наиболее общие) витгенштейновские правила (далее – в-правила). Позднее и независимо от нас Анализа Колива интерпретировала ПП как правила.

Петлевые предложения: наша позиция. ПП Витгенштейна имеет три взаимосвязанных аспекта: логический, эпистемический и онтологический / натуралистический. Природа ПП может быть понята лишь в том случае, если принять во внимание взаимосвязь между ними. Вкратце ее можно резюмировать следующим образом: ПП есть витгенштейновское правило. Будучи правилом, оно имеет логическую достоверность. Нет смысла говорить о его ложности или истинности. В контексте петлевого-предложение-правило может превратиться в петлевого-предложение-парадигму. Сомневаться в истинности парадигмы иррационально. Наконец, в контексте петлевого предложения может превратиться в более или менее достоверное обоснованное эмпирическое знание, или знание как языковую игру. Сомневаться при наличии знания не рационально. Понимание природы петлевых предложений позволяет установить, что проблема глобального скептицизма является псевдопроблемой, основанной на ложных предпосылках.

Можно сказать несколько по-другому. ПП – нормы, для измерения реальности. Они вырабатываются в реальности и укоренены в реальности. ПП гибричны в том смысле, что в зависимости от контекста они могут менять свой статус. С одной точки зрения, ПП может быть нормой, а с другой – эмпирическим предложением. Этот статус также может меняться в процессе эволюции. В *О достоверности* Витгенштейн пишет: «Можно было бы представить себе, что некоторые предложения, имеющие форму эмпирических предложений, затвердели бы и функционировали как каналы для не застывших, текучих эмпирических предложений; и что это отношение со временем менялось бы, то есть текучие предложения затвердевали бы, а застывшие становились текучими» (§ 96). Это позволяет избежать релятивизма и разрешить непреодолимые на первый взгляд разногласия между экспертами.

Притчард предлагает трактовку ПП как висцеральных («животных») обязательств, не имеющих истинностных значений, но пропозициональных, разделяющих общее ядро (последнее условие позволяет противостоять эпистемическому релятивизму). Для нас ПП суть наиболее общие правила наших естественных нормативных практик – «форм жизни» и принадлежащих им «языковых игр». При этом «животными» являются также примитивные языковые игры, которые лежат в основе наших форм жизни. Для Витгенштейна (и для СЗЭ Уильямсона) действие и знание первичны, а следование правилу «слепо».

Вывод, что скептическая проблема – это псевдопроблема в той или иной мере разделяют: Людвиг Витгенштейн, Хилари Патнэм, Дональд Дэвидсон, Майкл Уильямс, Дункан Притчард, Жослен Бенуа, Клод Романо, Маркус Габриель, Роберт Брэндом, Анализа Колива, Геня Шёнбаумсфелд и другие авторы.

Структура рациональности

Аналитическая эпистемология поначалу пыталась решать проблему скептицизма, но, как представляется, постепенно обращается к витгенштейновскому выводу, что скептическая проблема – псевдопроблема, основанная на ложных предпосылках. Проблема не решается, а устраняется терапевтически. На наш взгляд, аналитическая эпистемология делает это непоследовательно. В частности, мы имеем в виду один из новейших антискептических подходов – «байскопический подход» современного британского эпистемолога Дункана Притчарда.

Стандартная и альтернативная точки зрения на позицию Витгенштейна. Согласно стандартной точке зрения, в работе *О достоверности* Витгенштейн рассматривает проблему скептицизма. Он дает прямой ответ Муру на его решение проблемы скептицизма. Недавно Притчард предложил другую точку зрения, которая утверждает, что Витгенштейн предлагает новый подход к структуре (эпистемической) рациональности, раскрывает ее существенно локальный характер. Ра-

циональность, если речь идет о чисто интерналистской рациональности, не может быть глобальной. Для Витгенштейна мыслить, верить, сомневаться, знать, ошибаться можно лишь в рамках формы жизни, имеющей укорененную в реальности «грамматику» (логику). В *О достоверности* он пишет: «Чтобы ошибаться, человек уже должен судить согласно с человечеством» (§ 156).

Рациональность и псевдорациональность. Согласно Витгенштейну, ПП нельзя рационально ни обосновать, ни опровергнуть. Для Притчарда ПП автоматически исключаются из сферы рационального; они не рациональны, не иррациональны, они а-рациональны. Наша позиция ближе к позиции Колива: ПП рациональны в широком смысле. Для нас это правила. Поэтому они рациональны по определению.

Анализ понятия ПП, как и анализ предпосылок, используемых при рациональной оценке, показывает, что с точки зрения философии Витгенштейна они должны быть укоренены в реальности⁵. Именно укорененность рациональных оснований в реальности делает их рациональными. Тогда как их интернализация приводит к постепенной потере (обеднению) смысла, очевидности и превращению рациональности в псевдорациональность (концептов, смысла и очевидности, в псевдоконцепты, псевдосмысл и псевдоочевидность).

Как правило, в парадигматических случаях применения наших концептов (правил, языка) – можно также говорить об инстинктивных (примитивных) языковых играх – и, в частности, в парадигматических случаях зрительного восприятия, последние не могут не отсылать к тому, к чему они по самой своей природе предназначены отсылать. Осмысленность применяемых правил и концептов предполагает, что в этих случаях они применяются корректно, что мы знаем, что они применяются корректно. Семантика, эпистемология и онтология оказываются неразделимо связанными между собой.

Дело не только в том, что структура рационального обоснования предполагает принятие «нерациональных» ПП, но также и в том, что сама природа ПП, концептов и рационального обоснования предполагает существование реальности, «внешнего мира». Задание ПП эквивалентно заданию некоторой устоявшейся формы жизни (концептуализированной части реальности), философской грамматикой (правилами) которой они являются⁶.

⁵ Существование реальности предполагается! В противном случае мы бы имели дело не с употреблением правил и концептов, а с бессмыслицей.

⁶ В какой-то мере, как нам представляется, Притчард учитывает сказанное, ссылаясь на позицию Дональда Дэвидсона о природе наших мнений как имеющих тенденцию к истине и вводя новое понятие «над-петлевого (über-hinge) предложения», что мы не можем радикально ошибаться в наших мнениях.

Проблемы эпистемологического дисджанктивизма

В нашей статье, опубликованной в 2014 г., мы указали, что ЭД Притчарда, в том числе решение скептической проблемы в рамках ЭД, не принимает во внимание витгенштейновскую эпистемологию и, в частности, понятие ПП⁷. Мы указали, что в некоторых случаях ЭД неприменим, в том числе и для решения скептической проблемы.

Случаи зрительного восприятия неоднородны. Если в некоторых парадигматических случаях дефитор возможен, так что, поскольку он есть, парадигматический случай перестает быть парадигматическим, то в других парадигматических случаях дефитор невозможен. В этих последних случаях мы имеем, на самом деле, дело с грамматическими (логическими, а не эпистемологическими) фактами в смысле философской грамматики Витгенштейна. Соответствующие предложения являются ПП и не могут быть рационально обоснованы. Эпистемологический дисджанктивизм к ним неприменим, поскольку он апеллирует к фактивным рациональным основаниям. В тех же парадигматических случаях зрительного восприятия, в которых рациональное обоснование возможно, рациональные основания для знания следует понимать в смысле их достаточно сильной укорененности в факте⁸.

Укорененные в реальности рациональные основания суть ПП, которые могут быть эксплицированы в виде не имеющих истинностных значений (поскольку речь идет о правилах / нормах) пропозициональных установок, о которых говорит Притчард. Укорененность рациональных оснований – петлевых предложений (правил / норм) в факте делает возможным автоматическое «прагматическое» закрытие эпистемического разрыва между ними и знанием о факте. ЭД – рационализация *ex post* прагматического закрытия эпистемического разрыва между рациональными основаниями для мнения и фактом / знанием. В случае когда разрыв закрыт, мнение, что *p*, оказывается прагматически «успешным», т. е. соответствующим своей норме – знанию⁹.

В той же нашей статье 2014 г. мы также указывали на необходимость синтеза ЭД с витгенштейновским прагматизмом, на необходимость коррекции первого с точки зрения второго. Последующее развитие эпистемологии подтвердило наш вывод.

Байскопический подход Притчарда и его критика (Часть 1)

⁷ Имеется в виду работа: *Прись И. Е.* Проблема доступа в теории эпистемологического дисджанктивизма // *Философская мысль.* 2014. № 10. С. 1–25.

⁸ Таким образом, знание, подразумевающее причинный контакт с фактом, первично, а мнение и рациональные основания для мнения вторичны, а не наоборот.

⁹ Мы принимаем тезис Тимоти Уильямсона, что знание есть норма для утверждения (и мнения).

Притчард в книге 2016 г. разрабатывает подход к скептическому парадоксу о существовании внешнего мира, комбинирующий идеи Витгенштейна о ПП и ЭД¹⁰. В рамках этого подхода дисджанктивистский аргумент теряет свою радикальность: уже не утверждается возможность рационального обоснования существования внешнего мира. В то же время подход не допускает никакого компромисса со скептицизмом, как это делает, например, атрибуторный контекстуализм, утверждающий, что в скептическом контексте мы не знаем, что у нас две руки¹¹.

Ранее мы уже анализировали байскопический подход Притчарда¹². С нашей точки зрения, предложенный объединенный подход, хотя и представлял собой значительный прогресс, являлся чисто эпистемологическим в том смысле, что природа ПП принималась во внимание не полностью, поскольку не анализировалось понятие реальности и не отвергались эксплицитно понятие метафизической реальности и метафизические предпосылки традиционной эпистемологии (как интерналистской, так и экстерналистской). В частности, ЭД рассматривался вне связи с метафизикой. Принимая позицию витгенштейновского (в широком смысле) контекстуального реализма, мы пришли к выводу, что дисджанктивистская компонента в подходе Притчарда является излишней, а сам ЭД может быть подвергнут терапевтическому анализу в рамках философии позднего Витгенштейна. Аналогичный вывод о том, что для решения скептической проблемы достаточно эпистемологии Витгенштейна, был сделан Анализом Колива в 2018 г.

Два эпистемических принципа. Отметим, что в рамках своего байскопического подхода Притчард мотивирует необходимость обращения к эпистемологии ПП несколько иначе, чем мы. ЭД терапии не подвергается, а остается независимым от эпистемологии Витгенштейна теоретическим тезисом, позволяющим решать задачи, которые петлевая эпистемология якобы неспособна решить. Дело в том, что, согласно Притчарду, существуют два независимых друг от друга вида скептическо-

¹⁰ Речь идет о работе: *Pritchard D. Epistemic Angst: Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing*. Princeton University Press, 2016.

¹¹ С точки зрения атрибуторного контекстуализма принцип замкнутости знания не отвергается, а оказывается неприменимым для случая, когда контекст меняется по ходу рассуждения. Таким образом, неправдоподобное заключение о том, что я (рационально) знаю, что внешний мир существует, с точки зрения скептических стандартов для знания, здесь не возникает. В скептическом контексте, однако, скептическое заключение сохраняется. Это уступка скептицизму. Одно из возражений против атрибуторного контекстуализма состоит в том, что зависимость знания (стандартов для знания) от контекста лишь видимое, а, на самом деле, в разных контекстах генерируются различные разговорные импликатуры, так что то, что утверждается в одном контексте, не утверждается в другом. Контекстуалист же ошибочно конвертирует прагматику наших лингвистических практик относительно эпистемических терминов в семантические утверждения относительно контекстуальных сдвигов.

¹² См.: Прись И. Е. О «байскопическом» подходе к скептическому парадоксу // *Философия и социальные науки*. 2015. № 2. С. 32–37.

го парадокса относительно внешнего мира, основанных на двух независимых и достаточно правдоподобных эпистемических принципах: принципе замкнутости знания и принципе недоопределенности рационального обоснования (*insularity of reasons*). Витгенштейновский подход, как полагает Притчард, позволяет разрешить лишь ту версию скептической проблемы, которая основана на принципе замкнутости знания. Для решения другой версии парадокса требуется ЭД.

Два упомянутых эпистемических принципа употребляются в следующем виде.

1. *Принцип замкнутости рационального знания* (речь идет именно о «рациональном» (интерналистском) знании в смысле знания, которое имеет доступное рефлексии рациональное обоснование): если субъект *S* имеет рациональное знание, что *A*, и он компетентным образом выводит из *A*, что *B*, приходя таким образом к мнению, что *B*, и сохраняя при этом рациональное знание, что *A*, то он приобретает рациональное знание, что *B*.

2. *Принцип недоопределенности рационального обоснования*: если субъект *S* знает, что *A* и *B* описывают несовместимые друг с другом сценарии, но у него нет рациональных (в смысле интерналистских, доступных рефлексии) оснований, позволяющих отдать предпочтение сценарию *A* перед сценарием *B*, то у него нет рационального (в смысле интерналистски обоснованного) знания, что *A*.

Принцип замкнутости знания сильнее принципа недоопределенности рационального обоснования, и, соответственно, первая форма парадокса сильнее второй. Поэтому избавление от первого вида скептического парадокса еще не означает избавления от его второго вида.

Два вида скептического парадокса. (1) Скептический парадокс, основанный на принципе замкнутости знания (выше мы уже его формулировали, рассматривая муровское и неомуровское решения скептической проблемы), имеет вид следующих интуитивно правдоподобных, но противоречащих друг другу утверждений.

1. Я не могу рационально знать, что я не мозг-в-баке. (По определению, мозг-в-баке имеет в точности те же мысли, чувства, ощущения и так далее, что и я.)

2. Принцип замкнутости (рационального) знания.

3. Я рационально знаю многое об окружающих нас вещах. Например, я рационально знаю, что я сейчас стою перед вами и читаю лекцию.

Противоречие возникает следующим образом: если я рационально знаю, что я читаю лекцию, то в соответствии с принципом замкнутости знания, я могу прийти к рациональному знанию, что я сам (и в итоге окружающий меня мир) реально существую, т. е. к рациональному знанию, что я не мозг-в-баке. Это противоречит утверждению 1. Скептик принимает утверждение 1 и отвергает утверждение 3. Антискептик – наоборот.

(2) Скептический парадокс, основанный на принципе недоопределенности рациональных оснований (как уже было сказано, этот парадокс слабее в том смысле, что его устранение не следует из устранения первого парадокса), имеет отношение к проблеме декартовского демона в ее современной формулировке. Быть может, как пишет в *Размышлениях* Декарт, «какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение». Парадокс:

1. По самому определению скептического сценария у меня нет рациональных оснований предпочесть ему сценарий, согласно которому то, что я вижу перед собой, действительно компьютер, а не иллюзия, созданная в моем мозгу сумасшедшим ученым.

2. Принцип рациональной недоопределенности.

3. Я знаю, что передо мною компьютер.

Из утверждений 1 и 2 следует отрицание утверждения 3.

Согласно Криспину Райту и Анализе Колива, эти два вида парадокса примерно соответствуют картезианскому и юмовскому разновидностям скептицизма. В скептическом парадоксе, основанном на принципе недоопределенности рациональных оснований, как и в случае индукции, имеет место амплиативный (индуктивно, а не дедуктивно подкрепляемый) вывод: исходя из видимости о существовании (объектов) внешнего мира к утверждению о том, что он (они) существует.

На первый взгляд абдукция позволяет решить скептическую проблему. Она утверждает, что наилучшее объяснение моего субъективного опыта о внешнем мире в том, что внешний мир существует, т. е. я не мозг-в-баке. Если бы это было так, у интерналиста было бы рациональное основание отдать предпочтение антискептической позиции. На самом деле, при анализе проблемы радикального скептицизма, вывод к наилучшему объяснению не может функционировать так, как он обычно функционирует, поскольку сама постановка проблемы такова, что не существует каких-либо оснований, чтобы сделать заключение, что нескептическое объяснение лучше, чем скептическое. Нельзя, например, сказать, что нескептическое объяснение является более простым или что оно имеет какие-то эмпирические основания, которых нет у скептической гипотезы. Принцип наилучшего объяснения, если он применяется для опровержения скептика, оказывается очень специфическим ревизионистским решением.

Итак, в первой части лекции мы показали, что известные теоретические решения проблемы скептицизма, за исключением подхода Т. Уильямсона, который, на самом деле, может быть понят в витгенштейновских терминах, являются неудовлетворительными, поскольку они основываются на ложных метафизических предпосылках. Объединенный витгенштейновско-дисджанктивистский подход

Притчарда является скорее терапевтическим. В то же время он содержит теоретический дисджанктивистский тезис о парадигматических случаях перцепции. Во второй части лекции мы продолжим рассмотрение этого подхода. Мы покажем, что для решения скептической проблемы в дисджанктивизме нет нужды. Проблема устраняется в рамках витгенштейновского контекстуального реализма. Строго говоря, скептический сценарий бессмыслен.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Прись Игорь Евгеньевич, доктор философии (Парижский университет, Париж, Франция), канд. физ.-мат. наук, Институт философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, 220072, Беларусь)

Igor E. Pris, Doctor in Philosophy (U de Paris-Sorbonne, Paris, France), Candidate of Sciences (Physics), Institute of Philosophy of NAS of Belarus (1/2 Surganov Str., Minsk, 220072, Belarus)

frigpr@gmail.com

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-195-205

Взаимодействие молодежных сообществ в научной среде

В. В. Петров^{1,2}, О. А. Персидская¹, А. А. Санжениаков¹

¹ *Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Российские научные школы, представляя собой особый феномен, формирование которого является следствием особенностей культурно-исторического развития страны, не могут развиваться изолированно, необходимо тесное взаимодействие между исследователями всех уровней и возрастов. В условиях развития информационного общества и формирующегося общества знания особую актуальность приобретает не только привлечение молодежи в науку, но и межличностное взаимодействие молодых ученых, являющихся представителями различных научных школ и профессиональных сообществ.

Ключевые слова

научная школа, молодежное сообщество, исследовательский потенциал

Для цитирования

Петров В. В., Персидская О. А., Санжениаков А. А. Взаимодействие молодежных сообществ в научной среде // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 195–205. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-195-205

Youth Communities Interaction in the Scientific Environment

V. V. Petrov^{1,2}, O. A. Persidskaya¹, A. A. Sanzhenakov¹

¹ *Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Russian scientific schools, as special phenomenon, which formation is a consequence of the cultural and historical development of country, cannot develop in isolation: close interaction between researchers of all

© В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санжениаков, 2020

levels and ages is necessary. In the conditions of the development of the information society and the emerging knowledge society, not only the involvement of young people in science, but also the interpersonal interaction of young scientists who are representatives of various scientific schools and professional communities is of particular relevance.

Keywords

science school, youth community, research potential

For citation

Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A. Youth Communities Interaction in the Scientific Environment. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 195–205. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-195-205

Перспективы развития науки всегда определяются перспективами ведущих научных школ, которые можно рассматривать как неформальные творческие содружества исследователей разных поколений, сплоченных общим стилем исследовательской деятельности и добившихся значительных научных результатов.

Для отечественной научно-образовательной сферы формирование научных школ – хорошая традиция, которая явилась следствием особенностей культурно-исторического развития России. Еще В. И. Вернадский отмечал: «В России начало научной работе было положено правительством Петра, исходившего из глубокого понимания государственной пользы. Но эта работа быстро нашла себе почву в общественном сознании и не прерывалась в те долгие десятилетия, когда иссякла государственная поддержка научного творчества <...>. Она создавалась при этом интеллигенцией страны <...> создавалась их личным усилием, по личной инициативе или путем образуемых ими организаций...» [1988. С. 65]. Под научной школой мы понимаем исторически сложившуюся в России форму совместной научной деятельности коллектива исследователей разного возраста и квалификации, руководимых признанным лидером, объединяемых общим направлением работ, обеспечивающих эффективность процесса исследований и рост квалификации сотрудников. Одним из отличительных признаков научной школы является то, что, будучи неформальным коллективом, она одновременно реализует функции инициатора научных идей, их распространение, защиту и внедрение, а также подготовку молодых исследователей.

Представляя собой особый феномен, сопряженный с другими научно-социальными объединениями и структурами науки, научные школы не могут развиваться изолированно: необходимо тесное взаимодействие между исследователями всех уровней и возрастов, но прежде всего – на молодежном уровне. Академик М. А. Лаврентьев отмечал: «Нельзя работать без постоянного притока молоде-

жи»¹, что стало одним из базовых принципов реализации широко известного «Треугольника Лаврентьева» при создании новосибирского Академгородка. Но в условиях развития информационного общества и формирующегося общества знания особую актуальность приобретает не только привлечение молодежи в науку, но и межличностное взаимодействие молодых ученых, являющихся представителями различных научных школ и профессиональных сообществ. В рамках традиций, заложенных основателями СО РАН, 24–25 сентября 2019 г. в новосибирском Академгородке состоялась XVII Всероссийская научная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» [2019], проводимая совместно Институтом философии и права Новосибирского государственного университета (ИФП НГУ) и Институтом философии и права (ИФПР) СО РАН. Активное участие в организации конференции принял Совет научной молодежи ИФПР СО РАН. В конференции приняли участие более 100 студентов, аспирантов, преподавателей и молодых исследователей в возрасте до 35 лет из России и зарубежных стран.

Конференция проводилась на трех площадках: пленарное заседание 24 сентября состоялось в Институте философии и права СО РАН, секционные заседания – в новом корпусе Новосибирского государственного университета. Во второй день, 25 сентября в пространстве коллективной работы «Точка кипения», расположенном на территории Академпарка, был проведен круглый стол «Аналитическая философия и современная социальная теория».

Доклады, представленные на пленарном заседании, затронули широкий спектр вопросов. Канд. филос. наук, в.н.с. ИФПР СО РАН А. М. Аблажей в своем докладе «...Я сторонник еще более радикальных изменений»: реформирование науки глазами молодежи» привел результаты социологического исследования, отметив, что молодые ученые в большинстве своем подобны двуликому Янусу: с одной стороны, как всякая молодежь, они нацелены на изменения и новации, с другой – они плоть от плоти именно академическая молодежь, с младых, еще студенческих ногтей впитавшая профессиональные и мировоззренческие ценности сообщества. Продолжая тематику подготовки научных кадров, канд. филос. наук, доцент, с.н.с. отдела социальных и правовых исследований ИФПР СО РАН, заместитель директора ИФП НГУ В. В. Петров, выступая с докладом «Проблемные точки реализации концепции “Университет 3.0” Й. Виссемы», отметил, что хотя Новосибирский государственный университет в целом и вписывается в концепцию университета третьего поколения, тем не менее, не может войти в верхние строчки мировых рейтингов, поскольку для перехода университета в новый формат («предпринима-

¹ Принципы М. А. Лаврентьева по организации науки и образования и их реализация в Сибири. URL: <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/2000/n47/f4.html> (дата обращения 20.11.2019).

тельский», «университет *.0» и пр.) необходимо соблюдать баланс между требованиями всех акторов, влияющих на формирование образовательного запроса. Л. Д. Ламберов, канд. филос. наук, доцент Уральского федерального университета, в докладе «Эпистемологические проблемы компьютерных доказательств» обозначил, что в отличие от доказательств, например, методом перебора, теоретико-типичные доказательства обладают локальной обозримостью (обозримость переходов между шагами доказательства) и пишутся зачастую самим исследователем, а не вычислительной машиной. Ассистент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права ИФП НГУ Е. Ю. Моисеева в докладе «Нормативно-интерпретационная конституционализация соматических прав человека и гражданина: сравнительно-правовой аспект», показала что нормативно-интерпретационная конституционализация прав и свобод, осуществляемая судебными органами, позволяет демократическим государствам трактовать определенную норму права с учетом потребностей и интересов общества, в условиях поступательного непрекращающегося научно-технического прогресса, без внесения в текст конституций многочисленных изменений, обеспечивая его максимальную устойчивость, тем самым гарантируя стабильность конституционно-правовых институтов.

Секция философских исследований, которой руководил канд. филос. наук, н.с. ИФПР СО РАН А. А. Санжеников, в этом году была самой многочисленной – на ней представили свои доклады 14 участников конференции. Состав секции по большей части был иногородним (Томск, Красноярск, Екатеринбург, Санкт-Петербург). Также один зарубежный участник (Берлин, Германия) выступил с докладом через Skype. Большая часть докладов была посвящена широкому спектру проблем аналитической философии: аспирант Уральского федерального университета И. А. Гушин обозначил условия конструктивного диалога между онтологическими позициями в аналитической философии; студент Томского государственного университета А. Р. Гавриков, основываясь на семантике Вемайера, предложил модифицированную кросс-мировую логику сослагательного наклонения; выпускница аспирантуры ИФПР СО РАН А. С. Зайкова рассмотрела скептический аргумент С. Крипке и проблему познания слова; студентка Новосибирского государственного университета М. В. Исмаилова показала, что особое понимание логики привело к появлению «нейтрального» монизма, согласно которому философская трактовка мира вещей совмещает как физическую, так и ментальную характеристику отдельных предметов; аспирантка Уральского федерального университета О. А. Козырева показала, что аргумента С. Шумейкера от самозаблуждения недостаточно для того, чтобы опровергнуть картезианское представление об интроспекции как о квазивосприятии. Часть докладов была по-

священа проблемам континентальной философской традиции и тенденциям в неопрагматизме: студент Санкт-Петербургского государственного университета Р. И. Галлямов представил доклад о нового типа управления, предложенном М. Фуко; аспирантка ИФПР СО РАН Ю. С. Магомедова рассказала о концепции «эстетической жизни» в неопрагматизме Р. Рорти и Р. Шустерман. Несколько докладов были посвящены эпистемологической проблематике и новым подходам в исследовании сознания: студент Сибирского федерального университета А. В. Думов, проведя анализ понятия сложности, высказал предположение, что рассмотрение концепта сложности в качестве эпистемической метафоры, включающей в себя множество возможных контекстных реализаций, открывает широкие перспективы осмысления данного концепта; аспирантка ИФПР СО РАН А. О. Шабалина рассмотрела эвристический потенциал нейрофеноменологии как подхода к исследованию сознания, в рамках которого сознательный опыт признается в качестве непосредственного объекта. В рамках секции также были сделаны доклады, посвященные историко-философской проблематике: младший научный сотрудник ИФПР СО РАН В. В. Бровкин рассказал о критике религиозных представлений Античности Феодором Безбожником, а студентка Новосибирского государственного университета А. Т. Рахматулина – о проблеме свободы воли у Августина. Студентки Санкт-Петербургского государственного университета Е. В. Юрчук и А. С. Кондакова представили доклады, посвященные проблемам методологии истории философии. Также студент Свободного университета Берлина Элиас Кёниг (Elias König) по Skype представил доклад о связи кризиса западного философского мышления и экологических проблем.

На секции социальных исследований (руководитель – м.н.с. ИФПР СО РАН О. А. Персидская) прозвучали доклады о роли массовой печатной продукции для формирования идеологии, о проблемах гармонизации межэтнических отношений в военном вузе, о мотивации к обучению в городе для студентов из села, об англосаксонской системе образования и ее влиянии на российскую науку и об особенностях самопрезентации польских национально-культурных объединений г. Омска в Интернете.

Т. В. Булай, выпускница магистратуры ИФП НГУ, представившая доклад «Массовая печатная продукция как идеологический инструмент», рассмотрела три стадии, которые прошли печатные медиа в СССР и РФ: параинституциональную (с конца 1930-х гг. до 1990 г.), институциональную (1990 г. – начало 2000-х гг.) и постинституциональную (2000-е – настоящее время) и сделала вывод, что система массовой печатной продукции в России прошла путь от идеологического инструмента к самостоятельному социальному институту, и далее – к медиаландшафту,

оказывающему влияние на различные сферы жизни общества, включая идеологические процессы.

М. В. Гавриленко (Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ) в докладе «Культура и языки народов РФ как основа гармонизации межэтнических отношений в военном вузе» сделала акцент на научно-исследовательской деятельности курсантов как одном из механизмов гармонизации данных отношений. По словам докладчицы, в рамках военно-научного общества курсанты имеют возможность проводить исследования по проблематике, связанной с историей и культурой своего народа, что позволяет им самим глубже узнать собственные корни и познакомить с ними курсантов других национальностей.

В докладе Е. И. Заседателевой, преподавателя Новосибирского радиотехнического колледжа «Особенности мотивации к обучению студентов, приехавших для получения образования из села в город» среди ряда других актуализирована проблема, связанная с отсутствием вступительных экзаменов в заведения СПО: так, поступление на учебу только по среднему баллу аттестата не позволяет абитуриенту трезво оценить свои возможности, а приемной комиссии не принять заведомо слабого абитуриента. В результате значительная часть сельских студентов не может справиться с учебными задачами и бывает отчислена уже после 1-го или 2-го курса обучения.

Участница конференции из Омска Н. В. Лапшина (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского) в докладе «Репрезентация культуры г. Омска в интернет-пространстве» представила результаты собственного социологического исследования. По словам докладчицы, и в мероприятиях, которые проводят польские национально-культурные организации, зарегистрированные в Омске, и в особенностях их самопрезентации в социальных сетях и на сайтах подчеркивается мультикультуральность их деятельности и легкая встраиваемость этнических традиций в современные культурные традиции города.

Как отметила в докладе «Влияние англосаксонской системы образования на российскую науку» н.с. ИФПР СО РАН Е. М. Лбова, в России имело место копирование и насаждение принципов американской высшей школы без учета особенностей уже существовавшей системы. Последствиями этого для науки стало уменьшение государственного финансирования научных проектов, притом что в университетах научные исследования проводятся в сотрудничестве с институтами Академии наук или существуют номинально для соответствия официальным требованиям.

В работе секции правовых исследований (руководитель – м.н.с. ИФПР СО РАН А. Н. Артемова) в этом году приняли участие молодые ученые из Москвы, Ново-

сибирска и Барнаула. В рамках работы секции участники представили доклады, посвященные актуальным проблемам различных отраслей права: гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, административного, налогового. Докладчики уделили внимание также вопросам философии и истории права. Разнообразие тематик выступлений позволило осветить как теоретические, так и практические вопросы.

К. А. Тимонин, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», юрист Фонда поддержки пострадавших от преступлений (г. Москва), уже не первый раз посещающий нашу конференцию, представил вниманию аудитории доклад на тему «Получение бесплатной юридической помощи при реализации потерпевшими права на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Поскольку в рамках действующего законодательства отсутствует возможность для получения бесплатной юридической помощи потерпевшим в рамках уголовного процесса, а финансовую возможность для оплаты услуг юристов имеют далеко не все потерпевшие, предложение К. А. Тимонина о необходимости законодательного закрепления права потерпевшего на получение квалифицированной бесплатной юридической помощи в рамках уголовного процесса, представляется актуальным, носит необходимый и своевременный характер.

Активную дискуссию среди коллег вызвало выступление аспиранта Алтайского государственного университета И. Г. Федина. В своем докладе «Некоторые проблемы использования понятия “совесть” в юридической практике» И. Г. Федин предпринял попытку формулирования собственной концепции понятия «совесть» в российской правовой системе. В частности, было отмечено, что российское законодательство и правовая культура всегда отличались ориентацией на концепт совести. При этом на сегодняшний день данный концепт находится под угрозой, в связи с чем необходимо сохранять и укреплять концепт совести в праве, проверять принимаемые законодательные акты на предмет соответствия их «общественной совести».

Продолжили работу секции правовых исследований студентки Сибирского института управления (филиала) РАНХиГС (г. Новосибирск) А. С. Воевидка и Г. С. Гайнулина, представив свои исследования, посвященные проблемам уголовного права. Так, А. С. Воевидка в своем докладе «К вопросу о разграничении составов п. “г” ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ» провела разграничение данных составов по объективной стороне: основным отличием мошенничества с использованием электронных средств платежа от кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, является специальный способ совершения преступления, а именно, обман или злоупотребление доверием,

под воздействием которых владелец имущества или иное лицо сами передают имущество другому лицу, тогда как при краже преступник собственноручно похищает денежные средства. Г. С. Гайнулина в докладе «Современные проблемы при квалификации государственной измены, шпионажа и разглашения государственной тайны» выявила некоторые проблемные аспекты в правовом регулировании данных составов преступлений, в этой связи докладчик выступил с предложением о необходимости принятия соответствующих нормативных актов как на национальном, так и на международном уровне.

Студент Новосибирского государственного университета экономики и управления Д. С. Лебедев выступил с докладом на тему «Устранение процедурных барьеров: вопросы теории и практики». Докладчик осветил основные типы административных барьеров, а также проблемы, с которыми столкнулся лично в процессе получения государственных услуг. Студент Новосибирского государственного университета Д. О. Тарабара в докладе «К вопросу о недостаточности налоговых доходов местных бюджетов» раскрыл проблему недостаточной финансовой самостоятельности местного самоуправления. Решение данной проблемы докладчик видит в пересмотре правового режима федеральных и региональных налогов и формировании налоговых доходов бюджетов с позиций децентрализации вкупе с иными мерами, направленными на повышение устойчивости местных бюджетов и эффективного отправления органами местного самоуправления своих полномочий.

Преподаватель кафедры конституционного и муниципального права СИУ РАНХиГС А. В. Шевченко сделал доклад на тему «Размышляя о природе квазисудебных органов и об истории». Докладчик осветил историю возникновения таких интересных квазисудебных органов, как товарищеские суды в СССР, суды чести в России и других странах, куртуазные суды любви во Франции, а также проанализировал условия, необходимые для возникновения, существования и функционирования таких инстанций.

Завершила заседание секции правовых исследований руководитель секции, младший научный сотрудник ИФПР СО РАН А. Н. Артемова с докладом на тему «Доктрина “снятия корпоративной вуали” и субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства». В результате своего исследования А. Н. Артемова пришла к выводу о наличии ряда пробелов в регулировании ответственности за злоупотребление правом со стороны лиц, контролирующих корпорацию, которые невозможно решить с помощью субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства, но которые могут быть решены благодаря рецепции доктрины «снятия

корпоративной вуали», правовой основой которой является ст. 10 ГК РФ, запрещающая злоупотребление правом.

Следует, наконец, отметить, что все доклады вызвали большой интерес и оживленную дискуссию среди участников секции правовых исследований, что, несомненно, свидетельствует о высокой актуальности представленных тем исследований и практической ценности результатов данных исследований.

В рамках секции «Биоэтика» были представлены доклады по таким темам, как «Специфика и перспективы развития медицинской практики в современности» (Н. А. Синюкова), «Принцип автономии пациента: сложности реализации» (Е. С. Кливакова), «Репрезентация рака в кинематографе XXI века» (Э. В. Тарасенко), «Роль и значение сомнения в профессиональной деятельности врача» (В. Ю. Безрук), «Врачебный аспект в философии экзистенциализма» (Р. В. Ситников), «Мутуализм как ориентир в отношениях между социумом и животным миром» (С. С. Сергеев).

Во второй день конференции состоялся круглый стол «Аналитическая традиция и социальная теория», в рамках которого участникам конференции было предложено обсудить проблему экспликации влияния аналитической философской традиции на социологию и социальную теорию.

В процессе обсуждения участниками круглого стола были выделены некоторые магистральные линии взаимосвязи аналитической философии и социальной науки. Во-первых, методологическая линия, связанная с концептуальным анализом, который является одной из составляющих частей теории социального действия и в то же время центральным методом аналитической философии. Во-вторых, собственно понятийный базис и, в особенности, представление о сознании (как индивидуальном, так и коллективном), которое рассматривается социологией не критически. Аналитическая философия же, в свою очередь, включает в себя множество глубоко разработанных подходов к пониманию сознания. В-третьих, следует отметить особый интерес как социологов, так и аналитических философов к формализации знания. В социологии были выделены два больших блока – теоретический и практический, первый связан с базовыми понятиями и гипотезами, второй – с применением таковых на практике, при работе со статистическими данными. Участники круглого стола отметили, что именно первый блок является наиболее очевидным пунктом приложения факторов влияния аналитической философии.

Многолетний опыт проведения молодежных научных мероприятий показывает, что научные семинары и конференции для молодых исследователей являются одним из способов обмена опытом по узкой специализации научной работы, дают возможность «живого» общения со специалистами высокого класса в определен-

ной научной области. Подобное общение для молодых специалистов необходимо в первую очередь для саморазвития, самосовершенствования и критического осмысления решения научных проблем.

Список литературы / References

Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 464 с.

Vernadsky V. I. Trudy po istorii nauki v Rossii [Proceedings on the history of science in Russia]. Moscow, Nauka, 1988. (in Russ.)

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / Редкол.: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санженанов; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2019. 286 с.

Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialnykh issledovaniy [Actual problems of humanitarian and social research]. Materials of the 17th All-Russian Scientific Conference of Young Scientists in the Humanities and Social Sciences. Novosibirsk, NSU Publ., 2019. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

16.12.2019

Сведения об авторах / Information about Authors

Петров Владимир Валерьевич, кандидат философских наук, доцент

¹ старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

² доцент кафедры социальной философии и политологии, заместитель директора Института философии и права Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir V. Petrov, Candidate of Science (Philosophy), Docent

¹ Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

² Docent, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Political Science, Deputy Director of the Institute of Philosophy and Law of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

v.v.p@ngs.ru

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Olga A. Persidskaya, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

olga_alekseevna@mail.ru

Санженок Александр Афанасьевич, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sanzhenakov@gmail.com

Информация для авторов

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

1. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнаружение, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 30 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 30 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания,

том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

**Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке:
молодежный вектор**

В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санженakov

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В декабре 2018 г. в новосибирском Академгородке состоялась XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Организаторами мероприятия выступили НГУ и ИФПП СО РАН. Очное участие в конференции приняло более 50 молодых исследователей, общее число участников превысило 100 чел.

Ключевые слова

социальные и гуманитарные исследования, научные мероприятия, Всероссийская конференция, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет

**Humanitarian and Social Research in the 21st Century:
Youth Vector**

V. V. Petrov, O. A. Persidskaya, A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In December 2018 Novosibirsk Academgorodok became the seat of the XVI All-Russian Scientific Conference of young scientists in the field of humanities and social sciences «Current problems of humanitarian and social research». The organizers of the event were NSU and IPL SB RAS. Over 50 young researchers took part in the conference, while the total number of participants was over 100 people.

Keywords

social and humanitarian research, scientific events, All-Russian conference, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University

Основной текст статьи

Список литературы / References

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример². В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требуют пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

Список литературы / References

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетея, 1999. С. 290–336.

Aristid. Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 290–336. (in Russ.)

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002. С. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

³ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html (дата обращения 11.09.2018).

Григорий Чудотворец. Творения святого Григория Чудотворца / Пер. Н. Сагарда. Петроград, 1916.

Grigorii Chudotvoretz. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsya [Works of St. Gregory Thaumaturgus]. Trans. by N. Sagarda. Petrograd, 1916. (in Russ.)

Иринеи Лионский. Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник, 1996.

Irinei Lionskii. Sv. Irinei Lionskii. Tvoreniya [St. Irenaeus. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. (in Russ.)

Hieronymus Sridonensis. Translatio homiliarum Origenis in Jeremiam et Ezechielem. Migne J. P. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri opera Omnia. P., 1845. (Patrologia Latina. T. 25).

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. Religious Studies, 1990, vol. 26, p. 363–375.

Slusser M. Theopaschite Expressions in Second-Century Christianity as Reflected in the Writings of Justin, Melito, Celsus, and Irenaeus. D. Phil. Dissertation. Oxford, 1975.

Tertulliani Opera. Corpus Christianorum Series Latina II. Turnholt, Brepols, 1965.

Young F. M. Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes. A. Clarke, A. Moore (eds.). Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, p. 79–94.

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

ivanov@gmail.com

ORCID 0000-0003-0738-7878